63.3(4Гем)5
В46

Вильгельм I

Мемуары

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Обл. тип., г. Кострома

25 114

1941

ПРОВЕРЕНО 1939 г.

ВИЛЬГЕЛЬМ II

Инв. 25114
80
1962
1965
611.
Ин. № 22614 25114

МЕМУАРЫ

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО ДОМА РАБОТНИКОВ
ПРОСВЕЩЕНИЯ и ИСКУССТВ.
1987

СОБЫТИЯ и ЛЮДИ

1878—1918

94

Перевод с немецкого Д. В. ТРИУСА.

С предисловием А. В. ЛУНАЧАРСКОГО.

92
611

ИЗДАТЕЛЬСТВО Л. Д. ФРЕНКЕЛЬ
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Тираж 8.000 экз.

Петрообл. № 1732.

Типография „Красный Печатник". Петроград, Международный, 75.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

После войны и вызванных ею потрясений, от которых попадали кое-какие троны, явилась на поверхность земли целая поросль мемуаров. Смысл всех этих мемуаров тот, что люди стараются смахнуть с себя тяжелую ответственность за свои преступления.

Это серия самооправданий. Тут мы видим и венценосцев—вроде Вильгельма II, воспоминания которого предлагаются сейчас вниманию читателей, и его сынка—кронпринца, видим и французского премьера Вивиани и русского премьера Витте и т. д. и т. п.

Если сделать исключение для воспоминаний Витте, в которых сказывается незаурядный ум и незаурядный талант, рядом впрочем с мелочностью, хитростью и огромной ненавистью к соперникам и противникам, то остальные мемуары представляют собою настолько неудачные попытки к самооправданию, что они в сущности обрушиваются на головы своих авторов.

В этом отношении наиболее показательными являются как раз мемуары Вильгельма II. Да не подумает читатель, что мы хотя бы на минуту стоим на той точке зрения, что именно Вильгельм и его правительство являлись единственными виновниками войны. Если старания Вильгельма обелить себя в этом отношении так не убедительны, если они так легко разбиваются уже известными нами фактами, хотя бы, например, документами, изданными под редакцией Каутского, то же самое можно сказать и о противоположной тенденции.

Если можно представить себе книгу, которая по своей пошлости, по своей поверхности, по своему желанию крикливыми, звонкими фразами оглушить читателя, может быть поставлена рядом с мемуарами Вильгельма II, то это, конечно, недавно вышедшая книга Вивиани, и вся пустота раз-

глагольствований, которая там находится, еще полнее, чем ухищрения Вильгельма о книгу Каутского, разбиваются хотя бы о собрание тайных документов Извольского, недавно изданное Г. Маршаном.

И было бы еще полгоря для монархии и для самого Вильгельма, если бы читатель, захлопнув его книжку, сказал себе: «напрасно эксмонарх взялся за перо. Ничего он не доказал и никакого нового света не внес».

Нет, вывод беспристрастного читателя будет иной: Вильгельм д о к а з а л полную непригодность монархического образа правления, Вильгельм внес новый счет в понимание своей фигуры, как типа, между прочим, не самого плохого монарха.

Что поражает в его книге, это, вопервых, необычайная посредственность, умственная ограниченность, которая сквозит буквально с каждой страницы.

Ведь о Вильгельме были две легенды: одна, дружественная, изображала его чуть ли не великим человеком. Чего, чего только он не знает, чего, чего не умеет. Он и картину написал: «Европейские державы и ангел мира» или что-то в этом роде, и музыкальные произведения создал: «Песня Эгиру», и модель корабля состряпал, и археологией на Корфу занимался, и все это давало краски для поклонников, говоривших: «Наш Вильгельм—солдат и моряк, ученый и художник, философ и семьянин, одним словом, универсальный человек и весь в духе Прусско-Гогенцоллернского идеала».

Другая легенда употребляла черные краски вместо радужных. Вильгельм походил, согласно ей (в нее впадает отчасти и Витте), на демона искусителя; это—хитрая империалистическая бестия, которая вела гениальную шахматную игру европейскими державами против Эдуарда Английского. Согласно этой легенде, Вильгельм—демон, но, несомненно, тем более опасный, что обладает чертами гения.

И что же мы видим из страниц его мемуаров, которые вдобавок еще вероятно были проредактированы каким-нибудь литературным другом?

Все суждения о политических ситуациях, о вопросах внутренней политики, портреты людей, изображения событий,—все это тривиально, все это плоско, все это поверхностно до высшей степени, и все это извергается с таким самодо-

вольством, с таким явным расчетом, что читатель будет ослеплен богатством содержания, что просто руками разводишь.

Если это—«талантливейший из государей», то что же другие?

Впрочем мы немножко знаем, что такое «другие», ибо черты нашего собственного «обожаемого монарха» в последнее время с достаточной определенностью выступили перед всеми.

Правда, те, кто внимательно читал воспоминания Бисмарка, был уже подготовлен к тому, чтобы вместо блестящего гения с темными или светлыми крыльями—увидеть раздутого придворной лестью фанфарона.

Сам Вильгельм, между прочим, как он утверждает в своих ныне печатаемых мемуарах, распорядился разрешить издать третий том воспоминаний Бисмарка, трактовавший именно о нем. Это место не лишено пикантности по своему наивному противоречию: «Я не в обиде на Бисмарка за третий том его воспоминаний. Я этот том освободил из-под ареста», пишет он и тут же прибавляет: «дальнейшее задержание его было бесцельно, так как главное его содержание стало уже известным, благодаря различным нескромностям».

Но и тут Вильгельм, сам разоблачающий свою двуличность, лжет, ибо из воспоминаний Бисмарка было выброшено много страниц, которые только совсем недавно, после свержения Вильгельма, увидели свет.

Возьмем почти на удачу несколько отдельных эпизодов из пестрой биографии Вильгельма. Вот перед вами Вильгельм кронпринц. Прочтите то, что пишет он в своих мемуарах об отношениях к Александру III.

Видите ли: его дед и Бисмарк, а также Бисмарк и его отец Фридрих посылали Вильгельма с высокими поручениями к Александру III. Они предлагали через него, Вильгельма, Александру III Константинополь. Русский медведь рявкнул на это Вильгельму, что если ему Константинополь будет нужен, то он и без Бисмарка его возьмет. Вильгельм все наблюдал и на ус себе мотал и обо всем докладывал своему правительству, которое благодарило его за дипломатические услуги в России.

А что раскрывают нам подлинные документы?—А то, что Вильгельм, как сам он об этом пишет, «исполняя завет своего деда Вильгельма I свято хранить дружбу» с реакционной

Россией, превратился в самом буквальном и точном смысле слова в шпиона Александра III при германском дворе.

Молодой, заносчивый, увлекающийся человек решил вести собственную политику против матери, которую его клевреты научили почти ненавидеть (англичанка! либералка!), против отца и против самого Бисмарка. Читатель сейчас увидит, что я ни на минуту не преувеличиваю, когда говорю, что вместо блестящего германского принца, исполняющего высокую, дипломатическую миссию, мы увидим сейчас Вильгельма—шпиона Александра III. Ибо, как раз недавно, во втором томе нашего советского журнала «Красный архив», напечатано 4 письма Вильгельма о русском царе, представляющие собою исчерпывающие доказательства выставленных нами тезисов. Приведем оттуда некоторые выписки в русском переводе, который этим журналом дается параллельно с французским текстом.

Письмо из Кремля от 25/V—84 года: *«Не пугайся того, что ты услышишь от моего отца. Ты его знаешь, он любит быть в оппозиции. Он под влиянием моей матери, которая, руководимая английской королевой, заставляет его смотреть сквозь английские очки. Уверяю тебя, что между императором (Вильгельмом I), князем Бисмарком и мной царит согласие, и я не перестану считать своим высшим долгом везде поддерживать и укреплять союз трех императоров, трех-угольный бастион, который должен защищать Европу от валов анархии. Именно этого-то, и более всего на свете и боится Англия»*.

Далее письмо от 19/VI: *«То, что я пишу тебе теперь, предназначается для тебя одного, потому что по отношению к тебе я считаю нужным действовать с искренностью, позволительной между друзьями. Родители мои приняли меня холодно, особенно моя мать, но и от отца я услышал малоуспокоительные вещи, между прочим, о болгарском князе, о котором я заметил, что он в настоящий момент не популярен в России. На это мой отец вдруг вышел из себя и с невероятной горячностью обвинял русское правительство за его подлое отношение к этому прекрасному князю. Он осыпал русское правительство обвинениями во лжи и предательстве. Одним словом, не было ни одного выражающего ненависть прилагательного, к которым он не прибег, чтобы обрисовать вас в*

черном свете. Напрасно я старался отражать эти удары и показать, что дело обстоит иначе, и что я не могу допустить слова ложь по отношению к тебе. В ответ на это он назвал меня руссофилом, говоря, что мне завертели голову, и бог знает что еще. Затем он нарисовал мне, какою должна быть наша политика. Это была неописуемая галиматья. На мои возражения он закричал, что я ничего не понимаю в политике и ничего не знаю. В общем, дорогой друг, князь болгарский, честными или нечестными средствами вьет веревки из моей матери и, конечно, также из моего отца. Миссия принца Уэльского принесла и продолжает приносить необычайные плоды, которые будут все умножаться под руководством моей матери и королевы английской, но эти англичанки случайно обо мне забыли, и клянусь тебе, дорогой кузен, что сделаю все, что буду иметь возможность сделать для тебя и твоего государства, и клятву свою я сдержу.

И вот из Берлина от 13/III — 85 года он пишет уже о новом приезде принца Уэльского:

«Я постараюсь как можно лучше наблюдать за ним, но ведь нельзя быть везде». А от 4/V добавляет: *Я обещал тебе наблюдать за принцем Уэльским, быть осведомленным относительно его мыслей и речей. Мне показалось чрезвычайно важным поручение, возложенное на одного нашего камергера, к Блейхредеру. Меня уверяют, что в этом письме он просит этого еврея помочь Англии понизить курс русских денег».* И дальше: *«Что касается меня, то, будучи близок к английским военным агентам, я убежден, что Гладстон и его дрянь коллеги не желают войны и постараются ее избежать во что бы то ни стало».* Все это было во время афганского столкновения России с Англией. Наконец, от 20/V Вильгельм пишет Николаю Долгорукому: *«Я читал секретное донесение из Портсмута, в котором сказано, что стоящие там на рейде новые броненосцы, образующие балтийскую английскую эскадру, готовы, кроме пушек, которые нового образца и заряжаются сзади, но не имеют еще замков, точно кавалерийский полк без лошадей».*

Вот вам маленькие документы, показывающие, каким дипломатом был на самом деле молодой Вильгельм. Памятуя заветы деда, скверно понятые, этот юноша не только пишет

Александру III в самых крепких выражениях о всех разногласиях с отцом и матерью, об их отношениях к России, об их политических планах, но занимается и самым настоящим шпионством. Передает то, что слышит от английского военного агента, то, что читает в попадающих к нему секретных докладах. Бисмарк этого, конечно, не знал, но, тем не менее, в своих воспоминаниях он резко осуждает Вильгельма за то, что тот был слепым руссофилом в течение всей своей молодости.

Откуда это руссофильство?

От крайней закоренелой реакционности Вильгельма, который еще молодым человеком с ненавистью встречал либеральные настроения своей матери.

Говорят—дитя хоть и криво, но матери мило. Но вот мы имеем другой, чрезвычайно интересный документ, который читателям мемуаров Вильгельма будет небесполезно прочесть. Я привожу его здесь почти целиком, так как он не очень доступен русской широкой публике. Это письмо матери Вильгельма, адресованное ею к ее подруге Генриетте Шрадер и опубликованное теперь в только что вышедшем сочинении Лишинской «Генриетта Шрадер, ее жизнь и переписка». Письмо относится не то к 91, не то к 92 году и написано с полной откровенностью. Я привожу его здесь с небольшими пропусками того, что является уклоном от главной темы письма. Читатель приглашается принять во внимание это суждение матери Вильгельма при ухищрениях ее сына доказать, что он враждебной позиции по отношению к Англии не занимал.

«Вы пишете мне, что я должна быть рада и горда вследствие триумфального приема моего сына в Англии? (В мемуарах Вильгельма найдется описание этого триумфа). Как я могу ему радоваться? Наоборот, глубокая тоска сжимает мое сердце, и я не могу побороть в себе горького чувства

Я рада, что Англия и Германия ищут сближения, но я считала всегда такое явление натуральным. Сейчас приходится отнестись к нему, как к капризной, изменчивой вещи. Мой отец, позднее мой муж и все мои ближайшие друзья желали сотрудничества обоих народов для развития культурного широкого обмена идеями».

Как много вытекло бы отсюда для обеих стран, особенно для Германии. А вместо того культурные задачи

отодвинуты сейчас в Германии на задний план. Все приносится в жертву внешней мощи. Проросло так много злых семян, и почва покрыта плевелами. Всюду шовинистическая народная ненависть, комическая смесь зависти по отношению к Англии, недоверия, страха и презрения. Во всех тональностях слышу я песню злобы по отношению к Англии. В самом деле, что такое для Германии свобода, конституция, парламент, право индивидуальности, самоуправление, свобода торговли? Все эти вещи, с которыми надо бороться. А ведь именно ими стала велика и богата Англия. Считается, что немцам не позволительно и слышать о таких вещах

«Как скорбно мне видеть своего сына плавающим исключительно в официальном фарватере и поэтому совершенно незнакомого с Англией. Да, его сейчас приветствует официальная Англия. Стараются забыть его горькие слова по отношению к стране, королю и королевской фамилии и т. д. Англия богатых, Англия больших гаваней, чудесного флота, двор и нынешние министры ему нравятся, но подлинная, внутренняя, серьезная Англия, ее значение, ее борьба, ее цели ему не знакомы. Впрочем, как и его собственная Германия в том, что есть лучшего в душе немецкого народа. То, что он видит—испорчено с его глазах целиком влиянием бисмаркского правления .

Как желала бы я, чтобы путешествие открыло бы ему глаза, чтобы он понял, как много пробелов в его образовании, чтобы смягчились его предрассудки. Но, повидимому, ему только кадят, и его самомнение растет все больше, а рассудок нет. Что же, кроме печали, может это мне доставить? Какими ничтожествами он окружен, и как легко препятствуют они правде проникать в его уши! Каприви (суждения о котором самого Вильгельма читатель найдет в мемуарах)— прямой, совестливый, честный и превосходный человек, но мой сын почти не видится с ним. Оба жезлефа его кабинета исключительно ограниченные люди. Они могут только поддакивать. В окружении моего сына нет ни одной главы такого калибра, чтобы она могла импонировать. Нет ни опоры, ни даже просто сапога, который жмет. Всякое возражение он испытывает, как нечто стесняющее: «Я никого не терплю около меня .

Как ужасно слышать такие слова из уст тщеславного, чрезвычайно незрелого, капризного и неопытного молодого человека. Можно ли представить себе что-нибудь хуже? Между тем сказано: благородный дух привлекает таких же».

Есть ли хоть какое-нибудь высокое общество при дворе, которое углубляло бы, облагораживало и обучало бы его, человека, на которого возложена тяжелая задача править? Воззрения и чувства самодержца, прусского лейтенанта и прусского бурша. Разве этого достаточно, чтобы быть настоящим монархом».

А тот способ, которым он разделался с Бисмарком. Разве это счастливый, разве это героический поступок? Конечно, Бисмарк ввел злую и внутренно-испорченную систему. Это было и нам известно, и мы считали необходимым отделаться от него, но разве это руководило в данном случае? Нет, просто желание освободиться от лично могущего и неприятно вмешивающегося во все дела министра. Дед и отец тоже часто страдали от заносчивости Бисмарка. Но Вильгельм I переносил его потому, что для него все было хорошо, что было консервативно и противолиберально, а также потому, что Бисмарк крайне импонировал этому необычайно ограниченному человеку. (Какая разница в суждениях о Вильгельме I его внука, который ни разу не называет его иначе, как великим!) А другой потому, что желал итти к улучшению положения в отечестве спокойным и осторожным путем и уже, конечно, в отношении к Бисмарку, как историческому персонажу, всегда поступил бы осторожно и по-рыцарски».

В этом замечательном письме мы имеем в сущности подлинный портрет Вильгельма, сделанный рукою матери, и читателю будет нетрудно противопоставить его автопортрету Вильгельма.

Возвращаюсь к отношению Вильгельма к России. Надо отметить, что к Николаю II он относился иначе, чем к Александру: Он понял сразу всю глупость и всю бесхарактерность этого жалкого человека. Считая себя автократом и Николая тоже, он поддался иллюзии, что может просто руководить русской политикой, подчинив себе Николая.

Витте в своих воспоминаниях совершенно разрушает Вильгельмовские россказни о бескорыстной дружбе к Николаю. Во втором томе своих воспоминаний, вновь возвращаясь к договору в Бьерке. Витте пишет: «*Вильгельм сумел подвести нашего государя и формально заключить за обоюдными подписями и скрепами бывших с ними высших сановников невозможный договор, ставящий царя и Россию в самое непристойное положение относительно Франции и имевший целью охранять Германию русской кровью*». Витте очень гордился, что ему и Ламсдорфу удалось уговорить царя расторгнуть этот договор, и утверждает, что Вильгельм за это его, Витте, терпеть не мог, хотя льстил ему, когда считал, что Витте в силе, тем более, что Витте сам носился тоже с довольно утопическим и несуразным планом мировой диктатуры триумвирата: России, Германии и Франции. Дальше, при заключении займа в 1905 году Витте также с документами в руках доказывает, что Вильгельм изо всех сил стремится сорвать этот заем. А затем Германия и действительно оказалась помочь ему. Что поведение Вильгельма в русско-японской войне было двусмысленно, этого не скрывает и сам Вильгельм, ибо он пишет о том, как он уговаривал царя впуститься в Японскую авантюру (см. мемуары ст. 42) и кончает: «Я старался во всяком случае использовать в интересах Германии и всей европейской культуры страх царя Николая II перед возрастающим японским могуществом».

О Николае Вильгельм постоянно высказывается, как о слабом и жалком человеке, почти в полном согласии с той характеристикой его венценосного племянника, какую дает ему Витте.

Однако напрасно Вильгельм полагает, будто бы сыграл такую значительную роль в японской войне. На самом деле Николай шел на эту преступную авантюру под влиянием своих любимцев, совершенно того же типа, какие окружали Вильгельма, и характеристику которых мы видели в письме его матери.

Посмотрите, как рисуется в мемуарах постоянное недоброжелательство в отношениях Вильгельма к его министрам. Совершенно то же самое было и у Николая. В этом отношении они—два сапога пара. Куропаткин, в своем недавно напечатанном в «Красном Архиве» дневнике, говорит о царе всегда в исключительно почтительных выражениях. Тем не

менее он констатирует это безобразное недоверие царя к министрам. Передавая слова Витте, что Николай постоянно против кого-нибудь интригует, привлекая в свои помощники разных Холоповых, Мещерских, Безобразовых, без лести преданный Куропаткин сам говорит: *Я говорил Витте, что у нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Манджурию, итти к присоединению Кореи, мечтает под свою державу взять и Тибет, хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы, что мы, министры, задерживаем государя в осуществлении его мечтаний, все разочаровываем его, а он все же думает, что прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России. Поэтому каждый Безобразов, который поет в унисон, кажется государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры, поэтому государь и хитрит с нами*.

Вот этот-то Безобразов, о котором даже Куропаткин говорит, что Хлестаков перед ним щенок по части самозванщины, в гораздо большей мере повлиял на слабую голову Николая, чем Вильгельм.

Но какое, тем не менее, сходство!

Ну, конечно, Вильгельм пожимал плечами и смеялся по поводу попытки слабоумного Николая вести грандиозную мировую политику, но далеко ли он от Николая ушел? Помните хотя бы некоторый, им же рассказанный инцидент с «Дейли Телеграф» когда вся Германия приплясывала в волнении от наделанных им глупостей, как он от этого «морально тяжело страдал». Возьмите эту, написанную им же, сцену: «*По моем возвращении ко мне явился канцлер и, прочитав лекцию о моих политических прегрешениях, потребовал подписания мною официального заявления, которое было затем напечатано. Я подписал это заявление так же молча, как молча терпел нападки прессы на меня и на корону. Канцлер своим поведением нанес тяжелый удар нашей искренней дружбе*» (ст. 54). Настоящий провинившийся школьник. А ведь этот человек считал для себя возможным рассказать английскому правительству о тайном предложении, якобы сделанном ему Россией,—напасть на англичан во время бурской войны или разбалтывает о таком же тайном предложении, сделанном английским правительством через Чемберлена,—вступить в союз с Англией для разгрома России.

Правда, на скользкой почве этой подлой дипломатии хоть у кого голова закружится. Но Вильгельм воображал, что плавает, как рыба в воде в этой атмосфере, а на самом деле делал один промах за другим.

Для того, чтобы окончательно дорисовать кистью иного, чем сам Вильгельм, художника об отношениях его к самому известному нам двору, разрушенному нами двору Романовых, я приведу несколько эпизодов из болтливых, но осведомленных статей Шелкинга в 3-м номере журнала «Историк и современник», издающегося в Берлине.

Это настоящая комедия. В главе четвертой «Внешняя политика императора Николая II» мы читаем: *«Первое свидание монархов (Николая и Вильгельма) состоялось в Бреславле в 96 году и окончилось полной неудачей (прочтите в мемуарах Вильгельма описание этого) За несколько дней до него в Германии появились фотографические снимки обоих императоров. Кайзер изображенный чуть ли не на голову выше нашего царя, покровительственно обнимает последнего. Государь был возмущен и приказал посольству скупить все эти снимки и изъять их из обращения. Уже такое начало не предвещало ничего доброго.* Покачивая головой, заканчивает Шелкинг. *На параде в Бреславле государь появился в прусском мундире полка своего имени с лентой прусского ордена Черного орла. Вильгельм, согласно обычая, тоже был в прусском мундире, но не счел нужным возложить на себя ленту Святого Андрея. К тому же при объезде войск он постоянно пришпоривал свою лошадь, стараясь быть впереди своего гостя. Государь, заметив эту игру, стал ему подражать, и, в конце концов, оба императора чуть ли не рысью закончили объезд. Вроженная антипатия царя к своему германскому соседу, внушенная ему матерью и женой, после такого приема еще более усилилась.»*

Или такой эпизод из игры этих двух идиотиков: «После обеда во дворце в честь великого князя Николая Михайловича Вильгельм отозвал в сторону управляющего посольством графа Палена и, возбужденно разговаривая с ним, кончил так: «Ника становится буквально невозможным. Он курит папиросы и целыми днями играет в Дармштадте в теннис. Нельзя же так управлять государством»!. Пален сейчас же передал свою беседу с Вильгельмом министру иностранных

Мемуары Вильгельма II.

2514

дел Муравьеву, который обо всем докладывал царю, за что граф Пален впал в немилость. Или, например, во время пребывания царя в Потедаме. «Наш государь был в самом мрачном настроении духа. Я стоял позади нашего посла и слышал, как он сказал ему: «Какая дерзость отправить императрицу на станцию с какой-то Брокдорфшей!». Почтенный автор этих ценных воспоминаний делает от себя такое совершенно справедливое замечание: «Все вышеизложенное может показаться на первый взгляд крайне маловажным и не могущим отразиться в отношении государственных интересов. Так оно по справедливости должно было бы быть, но на самом же деле подобные незначительные инциденты оказывали несомненное влияние на ход внешней политики, тем более, что стоявшие во главе ее граф Муравьев и Бюлов более озабочены были сохранением своих портфелей, чем государственной пользой».

Скучно следить за всеми изображенными Вильгельмом дипломатическими и иными его выходами и фокусами. Еще более убого, конечно, то, что говорит он о внутренней прусской политике—вся эта самохарактеристика в качестве холодного огня—«прогрессивного консерватора».

Еще менее думаю я останавливаться на каком-нибудь опровержении того изображения, которое дает Вильгельм возникновению и ходу войны. Меня интересовало только представить читателю несколько характерных штрихов, отчетливо дающих нам портрет этого несносно пустого, чванного и мелкого деспота, переоценивающего себя и старающегося даже сейчас щеголять в павлиньих перьях.

Положение Германии, свержение династии, ведь вы хорошо знаете, кто в этом виноват? В войне виновата Антанта, а из своих—Бетман-Гольвег, в поражении виноват принц Макс Баденский, изменнически ведший себя по отношению к Вильгельму (между прочим все эти утверждения Вильгельма уже опровергаются). И еще виноваты в этом агитаторы и социал-демократы. Почему Вильгельм так не героически сошел с престола, почему он не сопротивлялся, не сделал контр-переворота?—чуть не 20 аргументов приводятся к тому, что этого сделать было нельзя, что это было антипатриотично. Почему он убоялся суда Антанты, не разыграл колоссального мученика?—и тут масса аргументов. В заклю-

чение Вильгельм удалился в некое Сан-Суси и оттуда заявляет теперь, что он невыносимо страдает.

Вы видели, может быть, читатели его недавний портрет. Этот господин преспокойно женился на женщине моложе себя и имеет вид хорошо упитанного рантье, отдыхающего от трудов по приобретении соответствующего количества процентных бумаг.

Есть в дневнике Куропаткина одно замечательно яркое место — он пишет: «я сегодня был принят государыней императрицей Марией Федоровной в Гатчине очень вежливо. Много расспрашивала, но прежней сердечности нет. Расспрашивала про Ливадию, про болгарские и македонские дела, говорила про правительственные циркуляры. Подняла свой кулачок и сказала: «Вот это надобно показать туркам!»

Эта сцена даст нам, так сказать, символ монархии последнего времени, как она разоблачает себя сейчас в мемуарах венценосцев и их канцлеров. Да, вот такой сморщенный дегенеративный кулачок воображает, что он держит в своих руках судьбу страны. Но хуже всего то, что это не только воображение, это не только самообольщение поставленных судьбой столь высоко глупых и пошлых людей, они действительно имели огромное влияние на события.

Конечно, мы ни на секунду не отступим от нашей марксистской философии истории, мы знаем, что всякая личность, в том числе и личность монарха, закономерна, ей не принадлежит определять, социологически говоря, ход событий. Но мы все-таки вряд ли предполагали все то количество глупости, подлости, которое наделали на своих тронах эти господа. И мемуарная литература нынешних лет каленым железом прижигает одну за другой шеи реакционной гидры, чтобы на них вновь не выросло бы какой-нибудь коронованной головы.

Никто не похоронил Николая глубже, чем Витте, заявляющий себя монархистом, а Вильгельм сам чрезвычайно ловко закопал себя сажени на три под землю.

В этом смысл его мемуаров. И вот почему появление их на русском языке так желательно.

А. Луначарский.

I

БИСМАРК.

Князь Бисмарк, как государственный деятель, такая крупная величина и его не забываемые заслуги перед Пруссией и Германией являются историческими фактами такого огромного значения, что едва ли в каком-нибудь политическом лагере найдется хоть один человек, который осмелился бы это оспаривать. Уже по одному этому легенда о том, будто я не признавал крупного масштаба личности Бисмарка, является вздорным вымыслом. На самом деле было обратное. Я преклонялся перед ним и обоготворял его. И это не могло быть иначе. Надо принять во внимание, с каким поколением я вырос. Это было поколение поклонников Бисмарка. Он был создатель германского государства, паладин моего деда; мы все считали его величайшим государственным деятелем своего времени и гордились тем, что он немец. Бисмарк был в моем храме идолом, которому я молился. Но монархи ведь тоже люди из плоти и крови; поэтому и они подвержены тем влияниям, которые вытекают из поступков других. Таким образом легко будет понять по-человечеству, что князь Бисмарк, вследствие своей борьбы против меня, тяжелыми ударами сам разбил того идола, о котором я говорил раньше. Мое преклонение перед Бисмарком, как великим государственным деятелем, от этого, однако, не пострадало. Еще когда я был прусским принцем, я часто думал: надо надеяться, что великий канцлер будет еще долго жить и я был бы гарантирован от всяких неожиданостей, если бы мог править вместе с ним. Но не могло же мое преклонение перед великим государственным деятелем заставить меня, когда я уже стал императором, взять на себя ответственность за те политические планы и действия князя, которые я считал ошибочными.

Уже Берлинский конгрес 1878 г. был, по моему мнению, ошибкой, как и отношение Бисмарка к так называемой культурной борьбе. Кроме того, государственная конституция была скроена по Бисмарковскому необыкновенному масштабу: большие кираспрские сапоги не всякому подходили. Затем возник вопрос о рабочем законодательстве. Я глубоко сожалел о возникшем между нами по этому поводу конфликте, но я должен был тогда пойти по пути компромисса, который вообще всегда был моим путем, как во внутренней, так и во внешней политике. Поэтому я не мог начать той открытой борьбы против социал-демократии, которой хотел князь. Эта разница во взглядах на

политические мероприятия не может, однако, умалить мое преклонение перед крупной фигурой Бисмарка, как государственного деятеля. Он остается создателем Германского государства; больше сделать для своей страны едва ли может о д и н человек.

Перед моими глазами всегда стояла великая заслуга Бисмарка в деле объединения Германии, и поэтому я не поддавался влиянию той травли, которая тогда стояла в порядке дня.

И то, что Бисмарка называли домоуправителем Гогенцоллернов, также не могло поколебать моего доверия к князю, хотя он, быть может, и думал о политической традиции своего дома. Он, например, был очень опечален тем, что его сын Билль не проявлял никакого интереса к политике, и хотел передать власть другому своему сыну Герберту.

Трагедия моего столкновения с Бисмарком кроется в том, что я явился преемником своего деда, так что я в известной мере перепрыгнул через одно поколение. Это трудно. Приходится всегда иметь дело со старыми заслуженными людьми, которые живут больше в прошлом, чем в настоящем, и не могут врасти в будущее.

Когда внук наследует деду и находит уважаемого им, но старого государственного деятеля такой крупной величины, как Бисмарк, то это далеко не счастье, как это могло бы показаться, и как я и сам думал. Сам Бисмарк указывает на это в третьем томе своих сочинений (стр. 49), говоря в главе о Беттихере о старческой осторожности канцлера и юноше-кайзере. И когда Баллин заставил Бисмарка бросить взгляд на новую Гамбургскую гавань, князь сам почувствовал, что наступило новое время, которое он не мог уже вполне понять. Князь тогда с изумлением воскликнул: «Другой мир, новый мир!». Подобным же образом обнаружилось это обстоятельство и при посещении адмиралом фон-Тирпицем Фридрихсру, когда тот пытался склонить старого-рейхсканцлера на сторону первого законопроекта о флоте.

Я лично имею то удовлетворение, что Бисмарк мне в 1886 г. доверил чрезвычайно деликатную миссию в Брест и при этом сказал обо мне: «Этот когда-нибудь станет своим собственным канцлером». Повидимому, князь кое-что во мне находил. Я не в обиде на него за третий том его воспоминаний: я этот том освободил из-под ареста.

Дальнейшее задержание его было бы бесцельно, так как главное его содержание стало уже известно, благодаря нескромности некоторых. Иначе можно было быть разного мнения о своевременности появления этого тома. Бисмарк перевернулся бы в гробу, если бы мог знать, в какой момент вышел в свет III том и каковы были его результаты.

Я бы искренно сожалел, если бы третий том повредил памяти великого канцлера, так как Бисмарк одна из героических фигур, которые нужны немецкому народу для его возрождения.

Моя благодарность и мое преклонение перед великим канцлером не могут быть поколеблены ни третьим томом его воспоминаний, ни чем бы то ни было иным.

* * *

В первой половине 80-х годов я, по предложению князя Бисмарка, был командирован в министерство иностранных дел, которым руководил тогда граф Герберт Бисмарк. Когда я явился к князю, он дал мне краткую характеристику главных лиц в министерстве. Когда при этом он назвал г-на фон-Гольштейна, который тогда был одним из видней ших сотрудников князя, для меня как бы прозвучало в словах князя предостережение против этого человека.

Я получил отдельный кабинет, при чем мне были представлены для изучения все материалы о подготовке, возникновении и заключении союза с Австрией (Андраши). Я много бывал в доме князя и у графа Герберта. После того, как я несколько освоился в Бисмарковском кругу, при мне стали более открыто говорить о г. фон-Гольштейне. О нем передавали, что он очень боязлив, хороший работник, безмерно тщеславен, чудак, который нигде не показывается и совершенно не вращается в обществе, недоверчивый, полный причуд, притом злопамятный, —словом, опасен. Князь называл его «человеком с глазами тигра» и говорил, что мне бы следовало держаться вдали от него. Очевидно, уже тогда у Бисмарка назревало то резко-критическое отношение к Гольштейну, какое князь позднее проявлял по отношению к своему прежнему сотруднику.

Граф Герберт, грубость которого по отношению к подчиненным бросалась мне в глаза, сурово подтягивал чиновников в министерстве иностранных дел. Когда граф звал их или отпускал, они так мялись, что, как тогда говорили в шутку, — полы сюртука развевались у них перпендикулярно телу.

Внешняя политика направлялась и диктовалась исключительно князем по соглашению с графом Гербертом, который передавал дальше приказания канцлера и переделывал их в инструкции.

Таким образом, министерство иностранных дел являлось как бы [illegible] личным бюро великого канцлера, где работали по его указке. Здесь не вырабатывались и не сформировывались выдающиеся люди с самостоятельными идеями.

Не то было в генеральном штабе под руководством Мольтке. Здесь на основе испытанных принципов, при соблюдении старых традиций и одновременном использовании всего опыта нового времени, заботливо воспитывалось молодое поколение и приучалось к самостоятельному мышлению и к самостоятельной деятельности. Министерство же иностранных дел, напротив, представляло собой лишь исполнительный орган о д н о й воли, и сотрудники его, не будучи ориентированы во всех обстоятельствах, порученных им для разработки вопросов, не могли проявить никакой самодеятельности. Князь расположился, как огромная гранитная глыба на пути: если ее убрать, то под ней, по преимуществу, найдешь гадов и заскорузлые корни.

Я снискал к себе доверие князя, который обо многом со мной беседовал. Когда, например, князь вступил на путь первых колониальных приобретений (Мал. и Бол. Поно, Того и т. д.), я, по его просьбе, ориентировал его по поводу того настроения, которое тогда царило в обществе и во флоте, и обрисовал то воодушевление, с каким немец-

кий народ приветствовал новый путь. В связи с моей информацией, князь заметил, что дело не заслуживает такого внимания. Позже я часто говорил с князем о колониальном вопросе и всегда встречал у него желание скорее использовать колонии, как объект торговли или обмена, чем извлечь из них выгоду для отечества или использовать для доставки сырья.

Я обращал внимание князя на то, что купец и капиталист начали энергично развивать колонии и соответственно с этим,—как я знал из ганзейских кругов,—рассчитывали на защиту флота. Поэтому, говорил я, надо позаботиться о своевременном сооружении флота, чтобы немецкие ценности не остались беззащитными за границей. Князь уже развернул германский флаг на чужбине; за этим флагом стоит народ; но за ним должен стоять и флот. Князь, однако, оставался глух к моим словам и употреблял свое любимое изречение: «Если бы англичане высадились у нас, я бы велел их арестовать»; колонии должны были быть защищены собственными силами. Князь совершенно не принимал во внимание, что уже одно предположение, что англичане могли бы беспрепятственно высадиться в Германии (Гельголанд принадлежал Англии), было совершенно невыносимо для Германии, и что мы, чтобы исключить на будущее время возможность высадки, нуждались в достаточно сильном флоте и в Гельголанде.

Политические интересы князя сосредоточивались, главным образом, на европейском континенте. Англия стояла несколько в стороне от его повседневных забот, тем более, что Салисбюри был в хороших отношениях с князем, и Англия в свое время приветствовала двойственное и потом тройственное согласие при его основании. Князь преимущественно работал с Россией, Австрией, Италией и Румынией, отношения которых к Германии и взаимноотношения которых между собой он постоянно контролировал.

Относительно той предусмотрительности и того искусства, с которыми он при этом оперировал, сделал раз чрезвычайно меткое замечание император Вильгельм Великий в разговоре с генералом фон Альбедилем. Генерал нашел его величество после одного доклада Бисмарка в таком большом волнении, что он испугался даже за здоровье старого императора. Он сделал поэтому замечание, что императору незачем так волноваться: если князь поступает против воли Его Величества, то ведь ему можно дать отставку. На это император возразил, что, несмотря на его благодарность и на его преклонение перед великим государственным деятелем, он и сам об этом уже думал, ибо самонадеянный нрав князя иногда слишком уже угнетает. Но он и отечество слишком нуждаются в Бисмарке, потому что князь—единственный человек, который умеет жонглировать с пятью шарами, из которых, по крайней мере, два постоянно находятся в воздухе,—этого он, император, не умеет.

Князь не замечал того, что, благодаря приобретению колоний, он должен был направить свой взгляд за пределы Европы, будучи вынужден вести в особом масштабе большую политику с Англией. Англия была, правда, одним из пяти шаров в его дипломатической

игре, но только одним из пяти, и ей не придавалось того особого значения, которое ей подобало.

Поэтому министерство иностранных дел отыгрывалось на странах континента, не проявляя должного интереса к колониям, флоту и Англии и не имея никакого опыта в мировой политике. Английская психика и английская мысль с ее упорным, хотя и замаскированным, преследованием плана мировой гегемонии были для министерства иностранных дел книгой за семью печатями.

Однажды князь сказал мне, что его главная цель состоит в том, чтобы не допустить соглашения между Россией и Англией. На это я позволил себе ответить: «Момент, чтобы отодвинуть возможность такого соглашения на очень долгое время, был бы почти налицо, если бы в 1877—78 г.г. русских пустили в Стамбул. Тогда английский флот немедленно выступил бы на защиту Стамбула, и конфликт был бы налицо. Вместо этого русским навязали Сан-Стефанский договор и принудили их к отступлению перед воротами города, к которому они подошли после кошмарных боев и трудностей и который они уже видели перед собой. Это породило в русской армии неугасимую ненависть к нам (сообщения прусских офицеров в русской армии, участвовавших в походе, особенно графа Пфейль). Вдобавок еще уничтожили и этот договор и заменили его Берлинским, еще больше опорочившим нас в глазах русских, как врагов их «справедливых интересов на Востоке». Таким образом, желанный для князя конфликт между Россией и Англией был отодвинут на долгое время.

Князь не разделял этой критики «своего» конгресса, результатами которого он, как «честный маклер», так гордился, и серьезно заметил, что он обязан был предотвратить всеобщий пожар и предложить свои услуги для посредничества. Когда я позднее сообщил об этой беседе одному сотруднику министерства иностранных дел, тот рассказал мне, что он был при том, когда князь, после подписания Берлинского договора, пришел в министерство иностранных дел и принимал поздравления от собравшихся там чиновников. Отвечая на приветствия, князь выпрямился и сказал: «Теперь я поеду по Европе четверкой, погоняя ее». Приведя эти слова, упомянутый сотрудник добавил: «Князь тут ошибся, так как тогда уже вместо русско-прусской дружбы грозило возникновение русско-французской, и таким образом две лошади уже выбывали из четверки». Политика Дизраэли превратила в глазах русских честное маклерство Бисмарка в фактор англо-австрийской победы над Россией.

Хотя взгляды наши во многом расходились, князь все же оставался расположен ко мне, и, несмотря на большую разницу наших лет, между нами образовались дружеские отношения, ибо я, как все мое поколение, был пламенным поклонником князя и, благодаря своему рвению и прямодушию, приобрел его доверие, которое я никогда не обманул.

Во время моего прикомандирования к министерству иностранных дел, мне, между прочим, делал доклады о торговой политике, колониях и т. п. тайный советник Рандау. Тогда уже я обратил внимание на нашу зависимость от Англии, зависимость, покоившуюся

на том, что у нас не было флота, и что Гельголанд был в английских руках. Под гнетом необходимости имелось, правда, в виду расширение колониальных владений, но это могло произойти лишь с разрешения Англии. Это было затруднительно и, в сущности, недостойно нас.

Мое прикомандирование к министерству иностранных дел причинило мне большую неприятность. Мои родители относились не очень дружелюбно к князю Бисмарку и ставили в вину своему сыну, что он вступил в бисмарковский круг. Боялись влияний против родителей, ультраконсерватизма и т. п., в чем меня обвиняли всякого рода паушники из либеральных кругов Англии, видевшие в моем отце свою защиту.

На такие обвинения я никогда не обращал внимания, но мое положение в родительском доме, благодаря этому, становилось трудным, а подчас и мучительным. Мне приходилось переносить много тяжелого из-за моей работы под руководством Бисмарка и из-за моей скрытности в отношении всего, что касалось князя, скрытности, часто подвергавшейся самым тяжелым испытаниям. Князь, повидимому, находил это само собой понятным.

С графом Гербертом я был в хороших отношениях. Он был веселым собеседником и умел собирать вокруг своего стола интересных людей, частью из министерства иностранных дел, частью из других кругов. Но до настоящих дружеских отношений между нами не дошло. Это обнаружилось особенно тогда, когда в связи с уходом Бисмарка и граф Герберт потребовал отставки. На мою просьбу остаться при мне и помочь мне продолжать традицию в политике последовало резкое возражение: он-де привык докладывать и служить только своему отцу; невозможно от него требовать, чтоб он с портфелем под мышкой шел на доклад к кому-нибудь другому, а не к своему отцу.

Когда ныне убитый царь Николай II достиг совершеннолетия, я, по предложению князя Бисмарка, получил поручение вручить Наследнику Цесаревичу в Петербурге орден Черного орла. Как император, так и князь знакомили меня с взаимоотношениями обеих стран и династий, с нравами, личностями и т. п. В заключение кайзер заметил, что он даст своему внуку тот же совет, который ему, как молодому человеку, в свое время, дал при первом посещении им России граф Адлерберг: «Впрочем, там в России, как и всюду, любят больше похвалу, чем хулу». Князь же закончил свою информацию замечанием: На востоке все люди, которые носят рубашку поверх брюк, порядочные люди, но если только они ее засовывают в брюки и к тому же еще имеют орден на шее — это уже свиньи.

Из Петербурга я часто писал донесения и моему деду, и князю И. само собой разумеется, описывал, как умел, свои впечатления. Прежде всего мне стало ясно, что прежние русско-прусские отношения и чувства сильно охладели и уже больше не являлись такими, какими их представляли себе в своих беседах кайзер и князь. По моем возвращении я получил похвалу как от моего деда, так и от князя за мои простые и ясные донесения, и это было для меня тем

более отрадно, что меня угнетала мысль, что я в некоторых отношениях должен был их как бы разочаровать.

В 1886 году, в конце августа и начале сентября, после последнего Гаштейнского свидания императора Вильгельма Великого и Бисмарка с императором Францем Иосифом, на котором я присутствовал по приказанию моего деда, на мою долю выпало поручение передать лично императору Александру III о результатах Гаштейнского свидания и обсудить совместно с царем вопросы, касающиеся Средиземного моря и Турции. Князь дал мне свои инструкции, санкционированные императором Вильгельмом. Они в особенности касались желания России пойти на Стамбул, чему князь не собирался чинить никаких затруднений. Напротив, я получил прямое поручение предложить России Константинополь и Дарданеллы (таким образом, уже отказывались от Сан-Стефано и от Берлинского конгресса!). Имелось в виду дружественно убедить Турцию, что соглашение с Россией желательно и для нее. Я встретил дружеский прием у царя в Брест-Литовске и принял участие в тамошних парадах, маневрах и т. д., которые уже неоспоримо носили антинемецкий характер.

Как результат разговоров с царем, важно отметить заявление последнего о том, что, если бы он захотел овладеть Стамбулом, он бы его взял, если бы это входило в его расчеты; в разрешении же или согласии князя Бисмарка он не нуждается. После этого резкого отклонения бисмарковского предложения, я счел, что моя миссия потерпела крушение. Соответственным образом я и составил свое донесение князю.

Решившись на упомянутое предложение царю, князь, повидимому, либо изменил свои политические взгляды, поведшие к Сан-Стефано и к Берлинскому конгрессу, либо, побуждаемый изменением общего политического положения в Европе, счел, что пришел момент перетасовать политические карты, или, как сказал бы мой дед, иначе «жонглировать». Это мог себе позволить только человек такого мирового значения, такого масштаба в смысле политическом и дипломатическом, как Бисмарк. Строил ли князь с самого начала свою большую политическую игру с Россией с таким расчетом, чтобы на Берлинском конгрессе помешать всеобщей войне, погладив по шерстке Англию, и воспрепятствовавши домогательствам России относительно Востока, с гениальным умыслом тем очевиднее помочь осуществлению этих домогательств впоследствии,—этого я не могу решить, так как своих больших политических построений князь никому не доверял. Если это было так, то он, твердо надеясь на свое политическое искусство, повидимому, рассчитывал позже снискать тем большее расположение России, так как русские домогательства были бы в этом случае осуществлены исключительно благодаря Германии и к тому же в такой момент, когда общая политическая ситуация в Европе была менее напряжена, чем в 1877—78 г.г. В таком случае никто, кроме самого князя Бисмарка, не мог бы успешно довести до конца эту великолепную игру.

В этом кроется слабая сторона великих людей. Информировал ли он и Англию относительно своего предложения царю? Тут, вероятно, произошло обратное тому, что в 1878 г. Во всяком случае князь теперь повел ту политику, которая витала передо мной еще тогда, когда я узнал о разочаровании русских, стоявших перед Стамбулом и не допущенных туда.

В Брест-Литовске во время продолжительных военных маневров всякого рода, я мог очень хорошо наблюдать, что отношение русских офицеров ко мне стало гораздо холоднее и высокомернее, чем при моем первом посещении Петербурга. Только небольшое число старых генералов, особенно придворных, связанных с эпохой Александра II, знакомых с императором Вильгельмом Великим и преданных последнему, выказывали еще свое благоговение перед ним и свои симпатии к Германии. В разговоре со мной о взаимоотношениях обоих дворов, армий и стран, взаимоотношениях, которые я нашел изменившимися в сравнении с прежним, один из этих генералов сказал:

«C'est le vilain Congrès de Berlin! Une grave faute du Chancelier. Il a détruit l'ancienne amitié entre nous, planté la méfiance dans les coeurs de la cour et du gouvernement, et fourni le sentiment d'un fort grave fait à l'armée russe après sa campagne sanglante de 1877, pour lequel elle peut sa revanche. Et nous voilà ensemble avec cette maudite République Française, pleine de haine contre vous et remplie d'idées subversives, qui en cas de guerre avec vous, nous coûteront notre dynastie» [1]).

Пророческое предсказание гибели русского царствующего дома! Из Бреста я направился в Страсбург, где мой дед находился на маневрах. Несмотря на неудачу моей миссии, я застал там спокойный взгляд на политическое положение. Мой дед радовался сердечным приветам царя, которые не обнаруживали никакой перемены, по крайней мере, в личных отношениях обоих государей.

К моему удивлению, я получил письмо от князя Бисмарка, в котором он выражал благодарность и признание за мою деятельность и мой доклад. Это имело тем больше значения, что мои выводы не могли быть приятны ни для моего деда, ни для канцлера. Берлинский конгресс уничтожил, особенно—в русских военных кругах, остатки еще поддерживавшегося у нас традиционного братства по оружию и породил раздуваемую общением с французским офицерским корпусом ненависть против всего прусско-немецкого, которая благодаря французам, увеличилась до жажды мести при помощи оружия. Это была почва, на которой позже могла найти себе пищу среди наших противников мысль о мировой войне: «Revanche pour Sedan», соединенное с «Krevanche pour San-Stefano».

---

[1]) «Всему виной этот гнусный Берлинский конгресс! Это была тяжелая ошибка канцлера. Он разрушил старую дружбу между нами, посеял неверие в сердцах двора и правительства и породил убеждение, что русской армии после кровавого похода в 1877 г. нанесена тяжелая несправедливость, за которую она хочет реванша. И вот мы теперь идем вместе с этой проклятой французской республикой, полной ненависти к вам, преисполненной разрушительных идей, которые, в случае войны с вами, могут стоить нам династии».

Слова старого генерала в Бресте оставили неизгладимый след в моей памяти и побудили меня ко многим свиданиям с Александром III и Николаем II, при которых перед моими глазами всегда, как лейтмотив, стояла возложенная на меня моим дедом на смертном одре забота о поддержании добрых отношений с Россией.

В 1890 году во время маневров в Нарве я должен был подробно обрисовать царю историю ухода князя Бисмарка. Царь слушал меня внимательно. Когда я окончил, государь, обычно очень хладнокровный и сдержанный, редко говоривший о политике, вдруг схватил мою руку, стал благодарить за доказательство моего доверия, сказал, что я был поставлен в такое положение, и прибавил буквально следующее: «je comprends parfaitement ta ligne d'action. Le prince avec toute sa grandeur n'était après tout rien d'autre que ton employé ou fonctionnaire. Le moment où il refusait d'agir selon tes ordres, il fallait le renvoyer. Moi, pour ma part, je me suis toujours méfié de lui, et je n'ai jamais cru un mot qe ce qu'il me faisait savoir ou me disait, car j'étais sur et je savais qu'il me blaguait tout le temps. Pour les rapports entre nous deux, mon cher Guillaume—это было в первый раз, что царь меня так называл—la chute du prince aura les meilleures consequences. La méfiance disparaitra J'ai confiance en toi, tu peux te fier à moin» [1]).

В свое время я тотчас же записал этот важный разговор. Я достаточно объективен, чтобы спросить себя, в какой степени вышеприведенные слова сознательно или бессознательно были продиктованы вежливостью государя к государю и, кроме того, быть может, еще и удовлетворением по поводу устранения политического деятеля такой крупной величины, как Бисмарк.

Уверенность князя Бисмарка в доверии к нему со стороны царя, бесспорно, субъективно была вполне основательна. Александр III относился с большим уважением к политическим способностям Бисмарка. Во всяком случае царь сдержал свое слово до самой смерти. Это, правда, не много изменило в общей политике России; но, по крайней мере, Германии нечего было опасаться нападения со стороны России. Прямой характер Александра III был тому порукой; при его слабом сыне положение изменилось.

Можно относиться как угодно к политике Бисмарка в отношении России,—одно надо признать: несмотря на Берлинский конгресс и сближение Франции с Россией, князь умел избегать трений серьезного характера.

---

[1]) «Я вполне понимаю твою линию поведения. Князь, при всем своем величии, все же был ничем иным, как твоим чиновником, или уполномоченным. В тот момент, когда он отказался действовать по твоим приказаниям, его надо было уволить. Я, с своей стороны, всегда питал недоверие к нему и никогда не верил ни одному слову из того, что он сообщал мне через других или сам говорил, потому что я хорошо знал, что он всегда меня обманывает. Для наших взаимоотношений, мой милый Вильгельм, падение князя будет иметь наилучшие последствия. Недоверие исчезнет. Я питаю доверие к тебе. Ты можешь положиться на меня».

Об этом свидетельствует обдуманная дипломатическая и политическая игра, ведшаяся Бисмарком в течение 12 лет, начиная с Берлинского конгресса (1878—1890). Необходимо подчеркнуть, что в 1878 г. именно немецкий политик предотвратил всеобщую войну, ухудшивши даже из-за этого русско-германские отношения, в справедливой надежде на то, что ему благодаря его гениальной, уверенно стремящейся к своей цели, политике снова удастся, после преодоления всеобщего кризиса, улучшить эти отношения или, по крайней мере, избежать конфликтов. Это и удавалось ему в течение 12 лет, а его преемникам у кормила правления—еще в течение дальнейших 24 лет.

От партийной политики я, как принц, предумышленно держался в стороне и всецело отдавался службе в разных воинских частях, куда я был причислен. Эта служба давала мне удовлетворение и наполняла мою жизнь. Были частые попытки втянуть меня под видом невинных увеселений, чаев и т. п. в политические кружки или в комбинации, преследующие выборные цели. Я, однако, всегда был настороже.

Течение коварной болезни, унесшей императора Фридриха III, было мне совершенно открыто предсказано немецкими врачами, привлеченными в качестве экспертов английским врачом, сэром Морель Мэкензи. Моя глубокая скорбь и печаль были тем сильнее, что я почти не имел возможности поговорить наедине с горячо любимым отцом. Английские врачи охраняли его как пленника, и в то время, как репортеры всех стран могли наблюдать за бедным больным из комнаты врачей, мне ставились всевозможные препятствия, чтобы не дать приблизиться к своему отцу или хотя письменно вступить с ним в продолжительное общение; мои письма часто перехватывались и не передавались. Сверх того, со стороны этих охранителей против меня была возбуждена в прессе отвратительная гнусная клеветническая кампания. Особенно отличались при этом два журналиста: некий господин Шнидровиц и м-сье Жан С. Сер из «Фигаро», немецкий еврей, который позже, когда я уже был императором, в течение многих лет распространял про меня во Франции самую ядовитую клевету, пока он не сломал себе шею на процессе «Petit Sucrier».

Последнюю радость, пережитую умирающим императором, доставил ему я, лично проведя перед ним в церемониальном марше 2-ую гвардейскую пехотную бригаду. Это были первые и последние войска, которые Фридрих III видел в качестве императора. По этому поводу он написал мне, своему осчастливленному сыну, маленькую записку, в которой благодарил за удовольствие, доставленное ему видом этих войск, гордясь тем, что может назвать их своими.

Это событие было просветом в тех тяжелых 99 днях, которые я, как кронпринц, принес много печали, унижений и оскорблений. Во время кризиса я, как повелевал мне долг, зорко наблюдал за всеми событиями в военных, чиновничьих и общественных кругах и был глубоко возмущен теми признаками расхлябанности, которые

я всюду замечал; при чем особенное негодование вызывала во мне все более обнаруживавшаяся враждебность по отношению к моей матери. С другой стороны упорно велась против меня клеветническая кампания, рисовавшая дело так, будто я нахожусь в разладе с отцом, не могла не оскорблять меня глубоко.

Когда император Фридрих III навеки закрыл глаза, тяжелое бремя управления страной пало на мои молодые плечи. Прежде всего я стоял перед необходимостью произвести смену многих лиц. Приближенные обоих императоров, как военные, так и чиновничество, были слишком стары. Так называемая «Maison militaire» императора Вильгельма Великого была целиком сохранена императором Фридрихом, при чем к службе ее представители не были привлечены. К ним присоединились еще приближенные императора Фридриха III. Я отпустил самым милостивым образом тех, которые хотели удалиться на покой; некоторые получили должности в армии; [illegible], более молодые, остались пока, в это переходное время, у меня на службе.

Еще будучи кронпринцем, во время этих последних 99 дней, я тоже осторожно сговаривался с теми лицами, которым я думал впоследствии дать назначения, так как врачи не оставили мне никакого сомнения в том, что дни моего отца сочтены. Я не обращал внимания на придворные влияния и на формальности; для меня имели значение лишь заслуги и характер. Я вывел из употребления слово Maison militaire и заменил его названием «Главная квартира Его Величества». При выборе приближенных я советовался лишь с одним человеком, к которому я питал особое доверие. Это был мой прежний начальник и бригадный командир, генерал—позже генерал-адъютант фон-Ферзен, прямой, рыцарский, немного крутой характер, настоящий старо-прусский офицер.

Служа в линейных войсках и в гвардии, фон-Ферзен зорко следил за придворными влияниями и течениями, часто дававшими себя чувствовать в старой «Maison militaire» во вред офицерскому корпусу. В закулисных придворных влияниях большую роль играл кружок высокопоставленных дам, носивший в товарищеском кругу из-за возраста своих членов насмешливую кличку «trente et quarante». Такого рода влияния я хотел устранить. Своим первым генерал-адъютантом я выбрал фон-Виттиха, первым главой своего военного министерства —командира 2 пехотн. гвардейской дивизии генерала фон-Ганке; последний был другом императора Фридриха III и моим бригадным командиром, когда я еще служил в 1 гвардейском полку; фон-Виттих и фон-Ганке были люди с военным опытом и железными принципами, вполне разделявшие образ мыслей своего повелителя и оставшиеся до конца своих дней верными мне с образцовой преданностью воинов.

Министром двора я выбрал знакомого мне с самой юности бывшего гофмаршала моего отца, графа Августа Эйленбурга, который

еще в 82-летнем возрасте до самой своей смерти в июне 1921 года управлял министерством императорского двора. Это был человек, одаренный тонким тактом, необыкновенными способностями, проницательным взором как в области политики, так и в области придворной, благородным характером и золотой преданностью своему королю и его дому. По всей Европе он был популярен, как этот гофмаршал. При своей многосторонней одаренности он мог бы с успехом исполнять и должность посла или рейхсканцлера. Человек неутомимой работоспособности, одаренный подкупающей всех живостью, он во многих областях: и в делах династии, и в делах семейных, и в вопросах придворной и общественной жизни был моим советником. У него были многочисленные знакомства с людьми разных классов и разных званий, и все его ценили и уважали; я же окружил его дружбой и благодарностью.

Главой министерства внутренних дел, по соглашению с князем Бисмарком, был назначен господин фон-Луканус из министерства просвещения. Князь Бисмарк шутя заметил, что он рад этому выбору, так как Луканус ему известен, как хороший и страстный охотник.—Это всегда хорошая рекомендация для гражданского чиновника,—добавил он,—хороший охотник всегда также порядочный и честный малый. Господин фон-Луканус принял свою должность из рук его превосходительства фон-Вильмовского. Он исполнял эту должность блестяще и, как человек сведущий во всех областях искусства, техники, науки и политики, был для меня советником, ценимым сотрудником и другом. В нем со здравым умом соединялась и хорошая доза тонкого юмора, которого так часто недостает германцу.

С князем Бисмарком я еще со времени моего прикомандирования к министерству иностранных дел находился в очень хороших и ценимых доверия отношениях. Как и раньше, я преклонялся перед могущественным канцлером со всем пылом моей юности и гордился тем, что служил раньше под его начальством, а теперь имел право считать с ним вместе, как с моим канцлером.

Князь, присутствовавший при последних часах старого императора Вильгельма и слышавший его политическое завещание своему внуку, а именно наставление особенно заботиться о сохранении добрых отношений с Россией, настаивал на моей летней поездке в Петербург, как первом политическом акте, долженствующем подчеркнуть перед всем миром, согласно с последней волей умершего деда, хорошие отношения к России. Он и выработал для меня план поездки.

Но на пути осуществления этого проекта встало затруднение в виде письма английской королевы Виктории, которая в ответ на известие о предполагаемом мной посещении Петербурга, писала мне, своему старшему внуку, тоном бабушки, но вместо с тем достаточно авторитетно, свое неодобрение по поводу замышляемой поездки.

— Во-первых, —писала она,—должен истечь год траура, а затем само собой понятно, что ей, как бабушке, и Англии, как родине моей матери, подобает нанести первый визит, прежде чем думать о других странах. Когда я показал это письмо князю, он пришел в ярость.

Он заговорил о сидящих из Англии и о вмешательстве оттуда, которому пора положить конец.

— По тону этого письма,—говорил он,—можно судить о том, в какой степени кронпринц Фридрих, ставший потом императором, находился под влиянием и под командой своей тещи и жены.

Князь хотел набросать тут же текст ответного письма королеве. Я возразил, что сам составлю подходящий ответ, в котором будет соблюдена правильная средняя линия между внуком и императором, и перед отправкой представлю письмо князю.

Ответ этот сохранял внешнюю форму сердечных родственных отношений внука к бабушке, которая носила этого внука на руках, в то время, когда он еще был ребенком, и возраст которой уже сам по себе требовал к себе уважения; но вместе с тем письмо подчеркивало, что положение и долг германского императора безусловно обязывает его выполнить касающееся самых жизненных интересов Германии приказание умершего деда.

— Это приказание деда,—писал я,—внук должен уважать в интересах страны, представительство которой теперь волей Божьей ему передано. Королева-бабушка должна предоставить ему самому решить, каким образом выполнить это приказание. В остальном я остаюсь ее преданным и любящим внуком и всегда благодарен за каждый совет бабушки, имеющей, в виду своего долголетнего правления, такой большой опыт. В германских делах, однако, я должен оговорить себе свободу действий. Посещение Петербурга—политическая необходимость. Приказание моего царственного деда соответствует тесным семейным связям с русским царствующим домом и потому должно быть выполнено.

Князь был согласен с редакцией этого письма. Через некоторое время я получил неожиданный ответ. Королева признавала правоту своего внука.

— Он должен поступать так, как требуют интересы его страны,— писала она,— она будет рада позже видеть его у себя. С этого дня мои отношения к королеве, которой боялись ее собственные дети, стали самыми лучшими. Она относилась к своему внуку, как к равному себе по положению монарху.

Во время поездки меня сопровождал граф Герберт, как представитель министерства иностранных дел. Он редактировал речи и вел по указаниям своего отца политические беседы, поскольку они носили деловой характер.

После моего возвращения из Стамбула в 1889 году я, по его просьбе, обрисовал князю впечатления, вынесенные мной как из Греции, где моя сестра Софья была замужем за наследным принцем Константином, так и из Стамбула. При этом меня поразило, что князь говорил очень презрительно о Турции, о турецких руководящих деятелях и вообще о тамошних делах. Когда я стал выдвигать более благоприятные моменты, казавшиеся мне наиболее важными, это мало помогло. На мой вопрос, на чем он основывает свое столь неблагоприятное суждение о Турции, князь возразил:

Граф Герберт в своем докладе отозвался очень неблагосклонно о Турции.

Князь Бисмарк и граф Герберт не были расположены к Турции и не одобряли моей политики по отношению к ней,—старой политики Фридриха Великого.

В последнее время своего канцлерства Бисмарк говорил, что главная причина, почему он еще остается канцлером,—это необходимость сохранения добрососедских отношений с Россией, правитель которой питает к нему особое доверие. В связи с этим он сделал мне первые намеки на тайный договор с Россией о взаимных гарантиях. До тех пор я ничего не знал об этом договоре ни от князя, ни от министерства иностранных дел, хотя я как раз занимался русскими делами.

Благодаря тому, что, в связи с ранней смертью моего отца, я стал во главе правления, поколение внуков, как я уже раньше отметил, заняло место поколения деда.

Таким образом все поколение императора Фридриха как бы было обойдено. Последнее, находясь в общении с кронпринцем Фридрихом Вильгельмом, было преисполнено многих либеральных идей и проектов реформ, которые должны были быть осуществлены при нем, когда он станет императором Фридрихом. После же его кончины всему этому поколению, особенно же политикам, пришлось разочароваться в надеждах получить влияние; они чувствовали себя в известной степени осиротелыми. Эти круги, не зная ни меня, ни моих сокровенных мыслей и целей, вместо того, чтобы для блага отечества перенести свой интерес с отца на сына, относились ко мне сдержанно и недоверчиво. Лишь один представитель национал-либералов являлся в этом отношении исключением. Это был маститый, еще юношески-свежий г. фон-Бенда. Я познакомился с ним еще тогда, когда будучи принцем, участвовал на большой закуске у советника Дице в Барби. Присутствуя в кругу старших в качестве слушателя при спорах на политические, сельско-хозяйственные и национально-экономические темы, я уже тогда обратил внимание на г. фон-Бенда с его свободными и интересными суждениями, и он уже в то время приобрел мое расположение и доверие. Я охотно принял приглашение г. Бенда приехать в его поместье Рудов под Берлином. С этого начались мои регулярные ежегодные посещения Рудова. Часы, проведенные мной в Рудовском семейном кругу, в обществе талантливых дочерей г. Бенда, усердно занимавшихся музыкой, остались для меня хорошим воспоминанием. Политические беседы показывали, что г. фон-Бенда обладал широким кругозором, который, будучи свободен от всякого партийного шаблона, обнаруживал такое ясное понимание обще-государственных нужд, какое редко можно найти у партийных людей. Он дал мне из глубины своего верного старо-прусского сердца, крепко привязанного к королевскому дому, много ценных для будущего советов, соблюдая при этом далеко идущую терпимость по отношению к другим партиям.

Мое позднейшее управление доказало, что я никоим образом не был настроен отрицательно ни против одной партии—не говоря;

конечно, об ультрасоциалистах, как и подтвердило то, что я не был антилиберален. Мой виднейший министр финансов был либерал Микель; мой министр торговли—либерал Меллер; вождь либералов г. фон-Беннигсен был обер-президентом в Ганновере. С одним уже немолодым, либеральным депутатом, с которым я познакомился через г. фон-Микель, я поддерживал тесные сношения, особенно во время второй половины моего царствования. Это был г. Зойдель (Хельхен), владелец поместья на востоке, человек, у которого с гладко бритого лица смотрела пара умных глаз. Он был сотрудником Микеля в области железнодорожного и водного транспорта, очень дельным, простым, практическим человеком, либералом консервативной складки.

С консервативной партией у меня естественно были многочисленные связи и точки соприкосновения, ибо представители земельной аристократии часто встречались со мной на придворной или иной охоте, бывали во дворце на приемах или занимали должности при дворе. Через них я мог получить полную ориентировку во всех аграрных вопросах и знать, где земледельцу «жмет сапог».

Свободомыслящие под предводительством своего «вождя без руля и ветрил» не вступали со мной ни в какие отношения: они ограничивались опозицией.

В беседах с Бенда и с Беннигсеном мы часто говорили о будущем либерализма. При этом Бенда высказал однажды следующее интересное суждение: «Не нужно и даже не хорошо, чтобы в Пруссии наследник уклонялся в сторону либерализма; это нам здесь не годится. Он, собственно говоря, должен быть консерватором, достаточно, однако, широким и не ограниченным, без предубеждений против других партий».

Когда я в разговоре с Беннигсеном выразил мысль, что национал-либералы для того, чтобы притягательная сила старого прусского либерализма не исчезла в народе, должны пересмотреть свою программу, первоначально собравшую своих сторонников вокруг либерального знамени под девизом «Возрождение Германского государства и свобода печати»,—что уже давно достигнуто,—то Беннигсен со мной согласился. Прусские либералы и консерваторы,—продолжал я,—сделали одну и ту же ошибку: они еще сохранили слишком много воспоминаний о старых конфликтах 1861—1866 г.г. и при выборной или другой политической борьбе всегда возвращались к привычкам того времени. То время для нашего поколения уже стало историей и уже ликвидировано. Для нас современность начинается с 1870 г., с новой объединенной империи; под 1866 г. мы поставили черту. Надо сызнова строить на базисе объединенной империи, и партии во имя своих целей должны также сообразоваться с этим, а не хвататься за давно ушедшее и притом еще разъединяющее прошлое. Беннигсен при этом сделал очень меткое замечание, сказав: Горе северо-германским либералам, если они подпадут под начальство южно-германских демократов. Тогда будет конец настоящему полезному либерализму. Тогда мы получим замаскированную демократию снизу, которая нам здесь не нужна».

Почтенная и преданная кайзеру консервативная партия, к сожалению, не всегда выдвигала выдающихся партийных вождей, которые были бы в то же время искусными, тактически вышколенными политиками. Аграрное крыло партии временами было чересчур резко оформленным и являлось бременем для партии. Воспоминания об эпохе конфликтов и в этих кругах были еще слишком сильны. Я предлагал консервативной партии объединение с национал-либералами, но встречал у консерваторов мало симпатий к последним.

Я часто указывал на то, что национал-либералы преданы империи и поэтому настроены верноподданнически; консерваторы, таким образом, непременно должны их приветствовать как своих союзников. Я не могу и не хочу,—говорил я,— управлять страной без них, и уже ни в коем случае против них...

Благодаря различно сложившимся процессам исторического развития, северо-германский консерватизм во многих частях государства остается не понятым; и поэтому национал-либералы являются естественными союзниками консерваторов. По этой причине, я, например, придворного проповедника Штеккера, человека с блестящим опытом в области общественно-миссионерской деятельности; отстранил от должности за то, что он в Южной Германии произнес направляющие-демагогическую речь против тамошних либералов.

Центр, в связи с направленной против него культурной борьбой, был настроен антипротестантски и мало симпатизировал империи. Несмотря на это, я, поддерживал сношения со многими выдающимися людьми из этой партии и умел заинтересовать их в практическом сотрудничестве на общую пользу. Особенно мне помогал при этом Шорлемер (отец). Он никогда не скрывал своей прусской преданности королю. Его сын, известный министр земледелия, примкнул даже к консервативной партии. Центр, который некогда в лице своего старого вождя Виндтхорста должен был вести самую ожесточенную политическую борьбу в парламенте, теперь принимал участие в выработке многих законопроектов. При этом, однако, со стороны центра неизменно выдвигалась тенденция, что интересы римской церкви всегда должны быть обеспечены и никогда не должны терпеть ущерба.

Еще когда я был принцем Вильгельмом, меня, для ознакомления с внутренним управлением и экономическими вопросами, как и для того, чтобы я практически мог принять активное участие в государственной работе, прикомандировали к обер-президенту провинции Бранденбург—фон Ахенбаху.

С той поры, я, побуждаемый увлекательными речами Ахенбаха, сохранил особый интерес к хозяйственной стороне внутреннего развития страны, в то время, как чисто юридическая сторона управления меня мало привлекала. Работы по мелиорации, по сооружению каналов и постройке шоссейных дорог, лесное хозяйство, развитие всякого рода путей сообщения, улучшение жилищ, введение в сельском хозяйстве машин и развитие сельской кооперации,—вот те вопросы, которые и позднее долго занимали меня. Особенно интере-

совали меня вопросы развития судостроения и расширения железнодорожной сети, главным образом, на сильно отставшем в этом отношении востоке.

При моем вступлении на престол я обсуждал все эти вопросы с министрами. Желая их в этих вопросах заинтересовать, я обещал каждому в его ведомстве полную свободу действий. Но оказалось, что это было почти невозможно, пока князь Бисмарк стоял у власти, так как князь во всех делах сохранял за собой решающее слово и этим парализовал самостоятельность своих сотрудников.

Скоро мне стало ясно, что министры, находившиеся всецело в руках Бисмарка, не могли присоединиться к новшествам или идеям молодого государя, которых Бисмарк не признавал. Министры фактически были только орудием в руках Бисмарка и действовали исключительно по его приказаниям. Такое положение само по себе было естественно, ибо столь выдающийся министр-президент, добившийся таких больших политических успехов для Пруссии и Германии, поистине подавлял своих министров и властно руководил ими. Я же вследствие этого находился в затруднительном положении, так как на все мои предложения получались со стороны министров характерные ответы: «Этого князь Бисмарк не хочет; от Бисмарка этого не добьешься; кайзер Вильгельм I не согласился бы с этим; это противоречит традиции и т. п.».

Я все больше и больше убеждался в том, что в сущности не располагаю никакими министрами, и что эти господа из кабинета—по старой привычке—смотрят на себя, как на чиновников князя Бисмарка.

Следующий пример может показать, как министры относились ко мне в те Бисмарковские времена. Дело шло о возобновлении закона против социалистов, политического мероприятия князя Бисмарка, направленного к одолению социализма. Чтобы спасти этот закон, необходимо было смягчить один определенный параграф, которому Бисмарк противился. Дело дошло до резких объяснений. Я приказал созвать коронный совет. Бисмарк, разговорившись в передней с моим адъютантом, сказал ему: «Его Величество совершенно забывает, что он офицер и носит шпагу; он должен был бы прибегнуть к армии и повести ее против социалистов, в случае, если бы те приступили к революционным действиям; пусть кайзер даст свободу действий ему, Бисмарку, тогда мы получим, наконец, покой». В коронном совете Бисмарк остался при своем мнении. Отдельные министры, вынужденные высказаться, отвечали вяло. Когда дело дошло до голосования, все министры высказались против меня. Это голосование еще раз показало мне, какой абсолютной властью над своими министрами пользовался Бисмарк. С глубоким негодованием обсуждал я этот случай с его превосходительством г. фон-Луканус, который также был смущен этим происшествием. Луканус посетил некоторых из этих господ и потребовал объяснений по поводу их поведения. Они указывали, что они не в состоянии занять позицию против князя, заявивши, что нельзя же от них требовать, чтобы они голосовали против князя.

25 014

Большая вестфальская забастовка горнорабочих весной 1889 г. застигла центральную гражданскую власть врасплох. Одновременно и местные вестфальские власти обнаружили нелепую растерянность и беспомощность. Все требовали войск; каждый шахтовладелец желал, чтобы перед его комнатой, где только возможно, стояли военные посты. Командиры вытребованных частей доносили о положении непосредственно мне. Между ними был один из моих бывших товарищей по гвардейскому гусарскому полку фон-Михаэлис, известный своим остроумием. Невооруженный, разъезжал он один среди бастующих рабочих, расположившихся в это необыкновенно теплое, предвесеннее время кругом на холмах, и сумел скоро, благодаря своему веселому, внушающему доверие, нраву, установить с этими людьми дружеские отношения. Расспрашивая их, он приобрел много ценных сведений о том, в чем рабочие,—справедливо или несправедливо,—чувствовали себя притесненными, осведомляясь в то же время об их намерениях, требованиях и надеждах на будущее. Он добился вскоре общего уважения и популярности среди рабочих и так умел с ними обращаться, что в его районе царило абсолютное спокойствие. Побуждаемый нервными и озабоченными телеграммами крупных промышленников и властей, телеграммами, поступавшими и к рейхсканцлеру, я запросил Михаэлиса, как надо понимать положение. В ответ получилась следующая телеграмма: Все спокойно, за исключением властей .

На основании всех поступивших в течение весны и лета донесений и рапортов, накопился материал, ясно доказывавший, что в индустрии не все было в порядке. Многие требования рабочих имели свои основания и должны были быть, по крайней мере, подвергнуты благожелательному рассмотрению как со стороны работодателей, так и со стороны властей.

В связи с этим сознанием, поддержанным также и моим бывшим воспитателем тайным советником д-ром Гинцпетер, хорошо знакомым с общественной жизнью, особенно в своей провинции,—во мне созрело решение созвать коронный совет и привлечь к участию в совещании работодателей и рабочих с целью всестороннего освещения под моим личным руководством рабочего вопроса.

При этом имелось в виду разработать руководящие принципы и материалы, которые потом могли бы послужить канцлеру и прусскому правительству основой для выработки соответствующих законопроектов.

Его превосходительство фон-Беттихер, к которому я обратился с этим планом, настоятельно отсоветовал мне провести его в жизнь, ссылаясь на неизбежное противодействие со стороны канцлера.

Я настаивал на своем предложении, приводя принцип Фридриха Великого: «Je veux être un roi des gueux» [1]). Это мой долг,—говорил я,—позаботиться об используемых индустрией детях своей страны, защитить их силы и улучшить их условия существования.

---

[1] «Я хочу быть королем бедняков».

Противодействие канцлера моему плану не заставило себя долго ждать. Осуществление этого плана стоило мне много труда и борьбы, так как крупная индустрия отчасти сгруппировалась вокруг канцлера. Коронный совет собрался под моим председательством. На первом заседании неожиданно появился сам канцлер и обратился к собранию с приветственной речью, в которой с пронней критиковал все мое начинание, отказывая ему в своем содействии. Затем он покинул зал.

После ухода канцлера собрание осталось под впечатлением этой своеобразной сцены. Безапелляционность и категоричность, с которыми великий канцлер, убежденный в своей правоте, выступил в пользу своей политики и против моей, на меня и на всех присутствующих произвели импонирующее впечатление.

Тем не менее этот случай не мог не задеть меня глубоко. Собрание затем снова возобновило свои работы и доставило богатый материал для дальнейшего развития вызванного к жизни еще кайзером Вильгельмом Великим социального законодательства, составляющего гордость Германии и выдвигающего такое попечение о рабочем народе, какое нельзя найти ни в одной стране.

После этого я решил созвать международный социальный конгресс, чему князь Бисмарк также воспротивился. Швейцария лелеяла ту же мысль, намереваясь созвать такой же конгресс в Берне. Швейцарский посол Рот, узнав о моем намерении, посоветовал принять приглашение в Берлин, отказавшись от приглашений в Берн. Так и случилось. Конгресс мог быть созван в Берлине благодаря лояльности г. Рота. Материалы конгресса, использованные, правда, только в Германии, были переработаны в соответственные законопроекты.

Впоследствии я говорил с Бисмарком о высказанном им требовании бороться с социалистами в случае их революционных выступлений при помощи пушек и штыков и пытался убедить его в том, что я никоим образом не могу, едва только кайзер Вильгельм Великий после счастливого царствования смежил свои глаза, занятнать первые годы своего правления кровью детей своего отечества. Бисмарк остался при своем и сказал, что он взял бы все на себя. Я только должен был предоставить действовать ему. Я ответил, что я никак не мог бы это согласовать с моей совестью и с моей ответственностью перед Богом, тем более, что я хорошо знал, что рабочий народ находится в плохом положении, которое во что бы то ни стало должно быть улучшено.

Разница взглядов кайзера и канцлера на социальный вопрос, т.-е. на участие государства в развитии благосостояния рабочего населения, и была, собственно, причиной разрыва между нами. Она навлекла на меня вражду со стороны Бисмарка, а вместе с тем и на долгие годы неприязнь большей части преданного Бисмарку немецкого народа, в особенности, чиновничества.

Эта разница во взглядах канцлера и моих была вызвана его мнением, что социальный вопрос может быть разрешен при помощи суровых мероприятий или войск, а не на основе человеколюбия и бред-

ной о гуманности, которые он во мне находил. Бисмарк как раз не был врагом рабочих,—это я хотел бы подчеркнуть после сказанного. Напротив, он был слишком великий политик, чтобы не понимать важное значение рабочего вопроса для государства. Но он смотрел на все это дело исключительно с точки зрения государственной целесообразности. Государство, по его мнению, должно заботиться о рабочих постольку, поскольку правительство найдет это необходимым. Об участии самих рабочих в деле социального законодательства почти не было речи. Подстрекательство и восстания должны сурово подавляться, в случае необходимости, и силой оружия. Попечение с одной стороны, железный кулак—с другой,—вот в чем состояла социальная политика Бисмарка. Я же хотел завоевать душу немецкого рабочего и горячо боролся за эту цель. Я был преисполнен ясным сознанием своего долга и своей ответственности перед всем моим народом, а, следовательно, и перед трудящимися классами. Рабочие должны были получить то, что им следовало по закону и справедливости: при чем там, где кончались желание и возможности работодателей, поскольку это было необходимо, рабочим должны были прийти на помощь государь и его правительство. Как только я убеждался в том, что необходимы улучшения, которых промышленники отчасти не хотели признавать, я из чувства справедливости вступался за рабочих.

Я достаточно изучал историю, чтобы не стать жертвой иллюзии о возможности осчастливить весь народ. Мне было ясно, что для о д н о г о человека является невозможным сделать счастливым целый народ. В конце концов счастлив только тот народ, который доволен или, по крайней мере, хочет быть довольным. Последнее желание предполагает, разумеется, известную степень понимания возможного; т.-е. деловитость, чего, к сожалению, очень часто не хватает. Я отчетливо понимал, что, при безграничных требованиях социалистических вождей, беспочвенные вожделения будут все больше и больше разгораться. Но именно для того, чтобы можно было убедительно и с чистой совестью выступить против неосновательных домогательств,—именно поэтому нельзя было отказать в признании законных требований и содействии им.

Политика, преследующая благо рабочих, при конкуренции на мировом рынке, несомненно, наложила на всех промышленников Германии, благодаря известным законам об охране труда, тяжкое бремя,—особенно в сравнении с такой промышленностью, как бельгийская, которая при дешевой заработной плате могла беспрепятственно выжимать до последней капли все соки из человеческих резервов Бельгии, не чувствуя при этом ни угрызений совести, ни сострадания при виде падающей нравственности истощенного, беззащитного народа. Такое положение, какое было в Бельгии, я, благодаря моему социальному законодательству, сделал невозможным в Германии.

Во время войны я приказал генералу барону фон-Биссинг ввести это законодательство, на благо бельгийских рабочих, и в Бельгии. Первоначально, однако это законодательство было тяжелым

камнем на шее немецкой индустрии в борьбе из-за мировой конкуренции и возбуждало недовольство у многих крупных промышленников, что с их точки зрения было вполне понятно. Государь, однако, должен всегда иметь в виду благо целого, и поэтому я, не сворачивая, продолжал итти по своему пути.

С другой стороны те рабочие, которые слепо следовали за социалистическими вождями, не отвечали мне никакой благодарностью за оказанное им покровительство и за мои труды. Нас разделяет девиз Гогенцоллернов «Suum cuique». Это означает: «Каждому свое», а не как хотят социал-демократы: «Всем одно и то же».

Меня также занимала мысль хоть отчасти избавить от конкуренции, по крайней мере, индустрию континентальной Европы при помощи своего рода ограничения вывоза за-границу, создавши таким образом облегчение для производства, что, в свою очередь, должно было повести к улучшению жизни трудящихся классов.

Очень характерно то впечатление, которое получали иностранные рабочие при изучении социального законодательства в Германии. За несколько лет до войны в Англии под давлением рабочего движения пришли к убеждению, что необходимо больше позаботиться о рабочих. В Германию приехал ряд комиссий, в том числе и рабочих. Посетивши под руководством немецких представителей, среди которых были и социалисты, промышленные предприятия, фабрики, благотворительные учреждения, лечебные заведения страховых касс и т. п., они были поражены тем, что им пришлось увидеть. На прощальном обеде, данном в честь их, английский вождь рабочих депутаций обратился к Вебелю с замечанием: «После того, как мы видели здесь, что делается для рабочих Германии, я вас спрашиваю: И здесь вы еще также социалисты?». В разговоре с очевидцем англичане заметили, что если бы им удалось после долгой борьбы в своем парламенте провести хотя бы десятую часть того, что в Германии уже в течение многих лет делается для рабочих, то они были бы очень довольны.

Я с интересом следил за этими посещениями английских депутаций и удивлялся их незнакомству с положением вещей в Германии. Еще больше удивили меня, однако, переданные английским посольством вопросы английского правительства на ту же тему, изобличавшие прямо поразительное незнакомство с тем, что было проделано в Германии в области социальных реформ. В беседе с английским послом я заметил, что Англия ведь в 1890 г. была представлена на Берлинском социальном конгрессе и уж, конечно, по крайней мере, через посольство, получала сведения о дебатах в рейхстаге, в широких размерах имевших место по поводу отдельных социальных мероприятий. Посол ответил, что у него появилась та же мысль, и поэтому он велел просмотреть старые дела посольства. При этом было констатировано, что посольство самым подробным образом доносило обо всем в Лондон и что о каждой важной стадии успешного развития социальных реформ посылались туда объемистые донесения: однако, прибавил, пожимая плечами, британец: «because they came from Germany, nobody ever read them, they were simply «pige-

onholder, and remained there ever since; it is a downright shame! Germany does not interest people at home [1]). Английский король и английский парламент либо не обладали достаточной совестью, либо не имели времени или охоты, чтобы заняться улучшением положения рабочего класса. «Политика окружения», клонившаяся к уничтожению Германии, в первую очередь ее промышленности и вместе с ней рабочего населения, была для них гораздо важнее и выгоднее.

9-го ноября 1918 г. радикальные немецкие социалистические вожди с их кликой примкнули к этому британскому разрушительному делу. В областях, доступных моему влиянию, например, в управлении моим двором, в императорском автомобильном клубе и т. п. я даже и в мелочах способствовал проявлению социальной точки зрения. Так, напр., из денег, получаемых служителями при осмотре дворцов, я приказал образовать особый фонд, который считался собственностью служителей и с течением времени достиг крупной суммы. Из средств этого фонда служители и их семьи получали прибавки для поездки на курорты, средства для лечения и похорон, приданое для детей, прибавки на издержки по конфирмации и тому подобные нужды.

Когда я по просьбе вновь сорганизовавшегося «императорского автомобильного клуба» принял покровительство над ним, я по его приглашению присутствовал на завтраке в прекрасном помещении, выстроенном клубом дома. Здесь я встретил кроме магнатов, как герцога фон Ратибор, фон Уста и др., также и ряд лиц из берлинской haute finance и индустрии, часть которых вела себя так, словно «взбесилась при виде горностая». Когда разговор зашел о шоферах, я предложил основать фонд, который давал бы последним вспомоществование для лечения при несчастных случаях и обеспечение близких на случай смерти. Это предложение встретило общее сочувствие и фонд имел большой успех. Подобный же фонд я создал впоследствии для капитанов и первых лоцманов в императорском «яхт-клубе» в Киле.

Особую радость мне доставлял основанный мной «Детский Дом кайзера Вильгельма в Альбеке, куда ежегодно с мая по конец сентября партиями, меняясь через каждые четыре недели, привозились на отдых большое число детей из беднейших рабочих кварталов Берлина. Дом этот еще и теперь находится под испытанным руководством выдающейся начальницы м-ль Киринер, дочери бывшего берлинского обербургомистра, и достиг блестящих результатов как в смысле психического, так и физического воспитания детей. Чахлые, бледные, жалкие дети большого города превращались в свежие, цветущие, жизнерадостные маленькие создания, в успехах которых я часто с радостью убеждался лично. Так как я упомянул о моем разладе с Бисмарком, по поводу рабочего вопроса, то я хотел бы еще, кроме сказанного уже прежде об его принципиальной пози-

[1]) „Так как они шли из Германии, их никто не читал; их просто спрятали в шкафы для бумаг и там они с тех пор и остались; это настоящий позор! Германия никого не интересует у нас".

ции по этому вопросу, привести пример того, как блестяще вел себя однажды князь в деле, касавшемся рабочих. При этом им, конечно, руководили и национальные мотивы, но все же он сразу понял, что дело идет об устранении угрозы большой безработицы и, опираясь на весь свой авторитет, принял решительные меры.

Будучи еще принцем Вильгельмом, приблизительно в 1886 г. я узнал, что большая судостроительная верфь «Вулкан» вследствие недостатка заказов стоит перед угрозой банкротства, а вместе с тем всей многотысячной рабочей массе грозит остаться без хлеба. Это было бы катастрофой и для города Штеттина. Верфь могла удержаться лишь благодаря заказу на большое судно. По предложению, сделанному в свое время адмиралом ф.-Штош—для того, чтобы, наконец, освободиться от английского судостроительства,—эта верфь смело принялась за дело и выстроила п е р в ы й немецкий броненосец, крещение которого было совершено моей матерью в день ее рождения в 1874 г. в моем присутствии. С тех пор военно-морское ведомство всегда оставалось довольно судами этой верфи, но заказы им давались редко. Руководители же торгового флота не рисковали подражать смелому шагу адмирала фон-Штоша. Таким образом эта доблестная немецкая верфь стояла перед угрозой неизбежного разорения, так как Бременский Ллойд отклонил ее предложение построить пассажирский пароход, заметив при этом, что англичане, благодаря своим долголетним традициям, сумеют это сделать лучше. Нужда была велика. Я поспешил к князю Бисмарку и изложил ему обстоятельства дела. Канцлер пришел в ярость и, сверкая глазами, ударил кулаком по столу. «Что? Эти чортовы перечницы хотят строить свои суда лучше в Англии, чем у нас. Это совершенно неслыхано. И при этом должна погибнуть хорошая немецкая верфь. Чорт подери этих купцов!»

Он позвонил и вошел служитель. «Позовите тотчас же сюда тайного советника Х. из министерства иностранных дел». Через несколько минут, в течение которых князь тяжелыми шагами ходил взад и вперед, появился вызванный Х.—Телеграмму в Гамбург послу: Бременский Ллойд должен строить свое новое судно в Штеттине на верфи «Вулкан». Тайный советник быстро исчез, «перекатившись через открытую дверь с развевающимися полами сюртука». После этого князь обратился ко мне и сказал: «Вам я обязан особой благодарностью. Вы оказали отечеству, а также и мне важную услугу. С этих пор строить будут только у нас. Это уже я разъясню гамбургцам. Вы можете телеграфировать верфи «Вулкан», что канцлер ручается за эту постройку; пусть это будет началом длинного ряда других построек. Рабочие же, которых вы таким образом спасли от безработицы, пусть благодарят вас». Я известил тайного советника Шлутова в Штеттине. Радость была велика. Это было начало, которое должно было повести к постройке великолепных быстроходных судов.

Когда по моем вступлении на престол я в декабре 1888 г. поехал в Штеттин, чтобы пожаловать знаки отличия моим померанским гренадерам, я посетил, по просьбе правления, и верфь «Вулкан».

Правление встретило меня у верфи. Затем открылись большие створчатые ворота, и я вошел внутрь. По вместе работы и шума грохочущих молотков меня встретила глубокая тишина. Все рабочие, обнажившие свои головы, стояли полукругом. В середине находился самый старый рабочий с белоснежной бородой, с лавровым венком в руке. Я был поражен. Шлутов прошептал мне: «Маленькая радость, которую рабочие сами себе придумали». Старый кузнец выступил вперед и в энергичных простых словах выразил мне благодарность рабочих за то, что я, своим ходатайством перед Бисмарком, спас от нужды и голода их самих, их жен и детей. Он просил разрешения передать лавровый венок, как знак признательности рабочих. Глубоко тронутый, я принял венок и выразил радость, что получил свой первый лавровый венок в мирной обстановке без единой капли крови из рук честного немецкого рабочего. Это было в 1888 г. Тогда немецкие рабочие еще умели ценить счастье труда.

II.

КАПРИВИ.

Генерал фон-Каприви был при моем вступлении на престол начальником адмиралтейства. Он был последним генералом в этой должности. По восшествии на престол, я, на основании предварительного изучения в Англии и у себя дома этого вопроса, энергично принялся за реформу, точнее сказать за создание сызнова императорского германского флота. Это не было по вкусу дельному, но несколько упрямому и не совсем свободному от тщеславия генералу. За ним, несомненно, были большие заслуги в деле поднятия боеспособности флота, усиления офицерского корпуса и развития миноносцев. Судостроение же и замена изнашивающихся материалов новыми было при нем, ко вреду для флота и к огорчению расцветающей и требующей заказов судостроительной индустрии, в совершенном загоне. Каприви, как старый прусский генерал, придерживался взгляда своих сверстников по 1864, 1866 и 1870—71 г.г., что весь центр тяжести лежит в армии и что так будет и впредь. Потому-де нельзя предъявлять государству большие денежные требования на нужды флота, ибо в таком случае возникла бы опасность сокращения расходов на армию, что было бы тормозом для развития последней. Это мнение, в котором генерала Каприви нельзя было разубедить, было ложно. Отпущенные кредиты не стекались в один резервуар, из которого можно было бы, путем передвижения клапана, направить денежный поток то в русло армии, то в русло флота. Если Каприви не хотел требовать кредитов для создания флота с таким расчетом, чтобы больше денег выпало на долю армии, то этим он, конечно, своей цели не достигал. Из-за этого армия не получала ни на один грош больше того, что военный министр по бюджету получал согласно своим требованиям. Находившийся тогда в стадии организации статс-секретариат по морским делам должен был совершенно независимо от военного министерства категорически потребовать для флота такую сумму, какая нужна была для защиты нашей торговли и наших колоний. Позже так и произошло.

Каприви вскоре обратился ко мне с просьбой освободить его от занимаемого им поста. Пост этот, как он говорил, уже сам по себе не удовлетворяет его, и помимо этого у кайзера-де есть разные планы на будущее флота, которые он считает невыполнимыми, хотя бы потому, что нехватает офицеров—ежегодный выпуск кадет был от 60 до 80,— а большой флот немыслим без большого офицерского корпуса.

К тому же при инспектировании Его Величества он-де скоро увидел, что кайзер больше понимает в делах флота, чем он, генерал, и это ставит его в невозможное положение по отношению к своим подчиненным.

В результате я и расстался с ним, предоставив ему командование армейским корпусом. Следуя изречению «Морское ведомство морякам», я впервые назначил руководителем этого ведомства адмирала, что было встречено моряками с большой радостью. Это был адмирал граф Монтс.

После довольно неожиданного для меня ухода князя Бисмарка, было трудно найти ему преемника. Кто бы он ни был —преемника этого могучего канцлера с самого начала ожидали тяжелые жертвы без надежды на признание. Его считали бы узурпатором на неподобающем месте, которое он не способен занять.

Критика, критика и еще раз критика, как и вражда со стороны всех приверженцев князя,—вот на что должен был рассчитывать новый канцлер. Сильное течение должно было противодействовать новому канцлеру; не меньшее противодействие следовало ожидать и от самого старого князя.

Исходя из этих соображений, мной было решено остановить свой выбор на человеке из поколения князя Бисмарка, занимавшем руководящее положение во время войны и уже служившем под начальством князя. Таким образом появился Каприви. Его возраст был залогом того, что из него выйдет рассудительный и спокойный советник для осиротелого молодого кайзера.

Вскоре возник вопрос о продлении договора с Россией о взаимных гарантиях. Каприви заявил, что он не может его возобновить хотя бы из-за Австрии, так как договор этот, одним своим остреем направленный против Австрии, в случае, если бы он стал известен в Вене, чего едва ли можно было избежать, мог бы повести к самым неприятным последствиям. Таким образом договор был расторгнут. По моему мнению, он уже потерял тогда свое главное значение, так как русские уже не поддерживали его так искренне, как раньше. В этом убеждении меня подкрепила записка графа Берхема, сотрудника князя Бисмарка.

Консервативные аграрии открыли кампанию против Каприви, как «человека без почвы и корня». Горячий бой разыгрался вокруг торговых договоров. Эти затруднения еще более увеличивались от того, что князь Бисмарк, отказавшись от своих прежних принципов, с присущей ему энергией принимал участие в борьбе против своего преемника. Так началось фрондирование консерваторов против правительства и короны, и князь сам сеял те семена, из которых впоследствии выросли «непонятый Бисмарк» и так часто упоминавшееся в прессе недовольство империи. «Непонятый Бисмарк» в продолжение всего моего царствования оказывал словом, устно и письменно и также пассивным сопротивлением и бессмысленной критикой постоянное противодействие моим замыслам и целям. Все, что делалось, по мнению прессы, всегда бывшей к услугам Бисмарка и часто ведшей себя еще более по-бисмарковски, чем сам Бисмарк, было плохо. Все она находила смешным, в корне и без разбора всячески критикуя мою деятельность. Особенно заметно это сказалось при приобретении нами Гельголанда. Этот остров, тесно прилегающий к большим водным путям, ведшим к главным торговым городам

Ганзы, был в руках британцев постоянной угрозой против Гамбурга и Бремена, что делало невозможной всякую мысль о постройке флота. Поэтому я твердо решил снова вернуть своему отечеству этот старый немецкий остров. И вскоре в области колониальной политики открылся путь, давший возможность побудить Англию отказаться от красной скалы. Лорд Солисбюри согласился отдать «бесплодную скалу взамен на Занзибар и Виту в Восточной Африке. Из торговых кругов и по донесениям командиров немецких крейсеров и канонерских лодок, стоявших там и крейсировавших у берегов, вновь приобретенных Германией восточно-африканских колоний, я знал, что с расцветом Танга, Дарес-Салам и проч. колоний у берегов Африки, значение Занзибара, как главного порта для сбыта, падет. Ибо как только в этих местах будут устроены достаточные приспособления для приема и нагрузки торговых судов, то уже не нужно будет перевозить товары из глубины страны в Занзибар, чтобы там снова их перегружать, а можно будет грузить эти товары непосредственно из новых гаваней. Таким образом я был убежден, что обмен для нас приемлем и что нам предоставляется хорошая возможность избежать трений с Англией из-за колоний и уладить с ней дело полюбовно. Каприви согласился с этим, переговоры были закончены и однажды вечером за обедом я мог сообщить императрице и некоторым доверенным лицам глубоко радостную новость, что Гельголанд перешел к Германии.

Выгодное, бескровное расширение империи удалось; было выполнено первое условие для создания флота, исполнилось желаемое в течение столетий желание Ганзы и Северной Германии. Без шума, спокойно совершилось важное событие. Если бы приобретение Гельголанда было совершено во время канцлерства князя Бисмарка, оно, вероятно, было бы встречено ликованием. Но раз это случилось при Каприви, началась критика.

Ведь это сделали узурпатор Каприви, осмелившийся занять место князя, и «нерасчетливый», «неблагодарный», импульсивный молодой государь. Если бы Бисмарк только захотел, он каждый день мог бы получить эту «голую скалу». Но он никогда не поступил бы так необдуманно, чтобы пожертвовать за это в пользу англичан многообещающими африканскими владениями, и никогда не позволил бы, чтобы ему нанесли такую пощечину, — такие голоса слышались почти со всех сторон. Газеты князя громко присоединяли свой голос к этой критике, разумеется, к огорчению Ганзы.

Странными казались упреки по поводу обмена Занзибара и Виту в прессе князя, который прежде, когда я работал под его руководством, неоднократно говорил мне, что он вообще не придает большого значения колониям, рассматривая их главным образом как случайные объекты обмена для полюбовных сделок с Англией. Его преемник в случае с Гельголандом поступил в соответствии с этим взглядом и все же был встречен резкой критикой и нападками.

Лишь во время мировой войны мне попались на глаза статьи в немецких газетах, прямо признававшие приобретение Гельголанда актом предусмотрительной политики и в связи с этим приводившие

соображения о том, что могло бы случиться, если бы Гельголанд не перешел к Германии.

Немецкий народ имеет все основания к тому, чтобы благодарить графа Каприви за этот его акт, сделавший возможным создание флота и победу при Скагерраке. Германский флот это осознал уже давно.

Школьный законопроект графа Цедлица вызвал новые резкие конфликты. Когда последние повели к уходу Цедлица, из среды его сторонников раздался клич: «Если граф уходит, то канцлер тоже должен уйти».

Каприви ушел спокойно и с благородством. Он честно пытался продолжать по своему разумению и своим силам традиции князя Бисмарка. Со стороны партий он встретил при этом мало поддержки: тем больше преследовали его критика и вражда со стороны общества и тех, кто по справедливости и во имя государственных интересов должны были бы оказывать ему содействие. Без одного слова самооправдания, сохраняя благородное молчание, Каприви провел остаток своих дней в полном уединении.

III.

ГОГЕНЛОЭ.

И снова стоял я перед тяжелой задачей выбора канцлера. Его деятельность должна была протекать приблизительно в той же обстановке и при тех же условиях, как и деятельность его предшественника. Только теперь выдвигалась на первый план тенденция, чтоб это был более опытный государственный деятель, который мог бы внушить князю Бисмарку больше доверия, чем простой генерал. Такой государственный деятель сумел бы лучше следовать по политическому пути князя и давал бы Бисмарку меньше простора для критики и нападок. Эти нападки возбуждали во всем чиновничестве, связанном большей частью еще с эпохой князя, нервность и недовольство, которых нельзя было не заметить и которые наносили немалый ущерб работе всего правительственного механизма.

Точно также и в парламенте оппозиция получала все новые подкрепления из преданных до тех пор правительству кругов и обнаруживала свое парализующее влияние. Так, в ведомстве иностранных дел начал сильно сказываться дух Гольштейна, мнимого представителя старых испытанных Бисмарковских традиций. В этом ведомстве особенно заметно обнаруживалась неохота к сотрудничеству с кайзером, там полагали, что необходимо самостоятельно продолжать политику Бисмарка. По зрелом размышлении я решил доверить [illegible] князю Гогенлоэ, бывшему тогда наместником имперских земель. Будучи баварским министром, он в начале войны 1870 г. добился того, что Бавария стала на сторону Пруссии. С тех пор Бисмарк стал высоко ценить его за его преданность империи. Можно было ожидать, что по отношению к этому преемнику неприязнь князя не будет так велика. Выбор этого канцлера был сделан таким образом, под сильным влиянием личности Бисмарка и инспирированного им общественного мнения.

Князь Гогенлоэ был типом старого знатного вельможи. Очень светский и по своему поведению, и по своим манерам, человек тонкого ума, сквозь который проглядывал легкий оттенок тонкой иронии с отстоявшимися, благодаря его возрасту, взглядами, он был спокойным наблюдателем и проницательным ценителем людей. Несмотря на большую разницу лет между нами, он уживался со мной очень хорошо. Это и внешне подчеркивалось тем, что императрица и я обращались с ним, как со своим дядей, благодаря чему вокруг нас, когда мы были вместе, вырастала атмосфера известной фамильярной дружественности. В беседах со мной, особенно при обсуждении кандидатур чиновников, он давал очень меткие характеристики этих людей, часто связанные с философскими рассуждениями, обли-

чавшими в нем глубоко-продуманное отношение к людям и жизни и основанную на житейском опыте зрелую мудрость старого человека.

В первое время канцлерства Гогенлоэ имел место случай, бросающий интересный свет на отношения Германии к Франции и России. Получив во время братания русских с французами через генеральный штаб, а также и через посольство в Париже, точные сведения о том, что Франция намеревается оттянуть часть своих войск из Алжира, чтобы расположить их в Южной Франции либо против Италии, либо против Эльзаса, я сообщил об этом царю Николаю II с замечанием, что я вынужден буду прибегнуть к ответным мероприятиям, если царь не удержит своих союзников от таких провокационных шагов. Русским министром иностранных дел был тогда князь Лобанов, бывший посол в Вене, известный франкофил.

Летом 1895 г. он посетил Францию, где его приняли очень хорошо. Осенью, когда я находился в охотничьем замке Губертусштоке у Эберсвальда, ко мне, по поручению царя, явился на аудиенцию возвращавшийся из Парижа Лобанов. На приеме он обрисовал мне спокойное и рассудительное настроение, найденное им в Париже, и старался успокоить меня насчет вышеупомянутых дислокаций войск, уверяя, что это только пустые, ни на чем не основанные слухи и разговоры. Он-де может дать в этом отношении самые успокоительные заверения, и мне совершенно нечего бояться. Я ответил на это глубокой благодарностью за сделанное сообщение. Но слова «бояться»—сказал я—нет в словаре немецкого офицера. Если Франция и Россия хотят войны, то я не могу этому помешать. На это князь, смиренно подняв глаза к небу и перекрестившись, сказал: Oh, la guerre! Quelle idée, qui y pense, cela ne doit pas être! [1]). Я возразил: «Я уже, конечно, не думаю об этом, но даже и для не особенно проницательного наблюдателя продолжительные чествования и речи, точно так же, как и официальные и неофициальные визиты [illegible] в Петербург и обратно, являются известными симптомами, которых нельзя оставить без внимания и которые в Германии вызывают большое смущение. Если бы, против воли моей и моего народа, дело дошло до войны, то я надеюсь на Бога, как и на немецкую армию и немецкий народ, будучи уверен, что Германия справится с обоими противниками». К этому я прибавил изречение, сказанное одним русским офицером, членом офицерской депутации, пребывавшей во Франции, о чем мне донесли из Парижа. На вопрос одного французского товарища, надеются ли русские разбить немцев, храбрый славянин ответил: «Non, mon ami, nous serons batus à plate couture, mais qu'est ce que ça fait. Nous aurons alors aussi la république» [2]). Князь Лобанов сначала посмотрел на меня молча, а затем, пожимая плечами, сказал: «Oh, la guerre! Il ne faut même y penser» [3]). Офицер высказал только то, что было общим мнением

[1]) «О, война! Что за мысль, кто же об этом думает? Этого не должно быть!».

[2]) «Нет, мой друг, мы будем совершенно разбиты; но что же из этого? Мы тогда тоже получим республику».

[3]) «О, война! Об этом нельзя даже и думать».

русской интеллигенции и русского общества. Уже во время моего первого пребывания в Петербурге в начале 80-х годов одна великая княгиня совершенно спокойным тоном сказала мне за обедом: «Здесь постоянно сидят на вулкане и ожидают революции каждый день. У славян нет верности монархии и они не монархисты; в глубине души они все республиканцы и только всегда притворяются и лгут».

Во время канцлерства князя Гогенлоэ в связи с внешней политикой произошли три крупных события: открытие в 1895 г. начатого при Вильгельме Великом канала императора Вильгельма (Северо-Балтийский канал), на которое были приглашены эскадры со всего мира, приобретение нами в 1897 г. Цзинтау и так нашумевшая телеграмма президенту Крюгеру. В приобретении Цзинтау князь Гогенлоэ принял особое участие. Он, как и я, придерживался того мнения, что Германии для ее судов необходимы собственные угольные станции и что стремления торговых кругов использовать возможности, открывающиеся с вовлечением Китая в орбиту международной торговли,—законны. С этой целью предполагалось основать, при условии сохранения суверенных прав Китая и уплаты пошлин, торговый пункт с приморской угольной станцией, в чем и сам Китай должен был принять активное участие. Станция должна была служить прежде всего торговым целям: военная же сторона дела должна была быть направлена лишь к защите развития торгового города, а не стать самоцелью или базисом для дальнейших военных начинаний. Были намечены различные пункты, которые, однако, при ближайшем ознакомлении с ними, оказывались неподходящими, главным образом потому, что они имели плохое сообщение или даже вовсе не были связаны сообщением с внутренней частью страны, не имели хороших перспектив в отношении торговли или не были свободны от чужих притязаний. На основании доклада адмирала Тирпица, бывшего тогда начальником восточно-азиатской крейсерской дивизии, и заключения географа барона фон-Рихтгофена, нарисовавшего после обращенного к нему запроса многообещающую картину возможного развития Шаньтуня, было, наконец, решено остановиться на создании колонии на бухте Киа-чау.

Канцлером были собраны сведения о связанных с этим начинанием политических вопросах, которые надо было принять во внимание. Особенно важно было не помешать и не стать поперек дороги России. Были затребованы дополнительные сведения от нашей восточно-азиатской эскадры, от которой получились благоприятные известия о глубине и незамерзаемости бухты Киа-чау и о перспективах ее в связи с предполагающимся там открытием гавани.

Благодаря общению с русской «Китайской эскадрой», из разговоров командных лиц между собой выяснилось, что русский адмирал по приказанию своего правительства устроился на зимнюю стоянку в этой бухте, но нашел этот пункт таким незаселенным и невероятно пустынным (там не было японских чайных, которые русскими считались необходимыми для зимней стоянки)—что русская эскадра туда уже никогда больше не вернется. Русский адмирал, как мне доносили, самым настойчивым образом отсоветовал своему прави-

тельству обосноваться в этой бухте, так как там абсолютно нечего делать. Таким образом русские не были заинтересованы в этом пункте. Последняя справка прибыла одновременно с ответом русского министра иностранных дел графа Муравьева немецкому послу, по приказанию канцлера, позондировавшему по этому поводу почву в Петербурге. Муравьев сообщил, что Россия, правда, не имеет прямых договорных, основанных на соглашении с Китаем, прав на бухту, но все же она предъявляет свои притязания на Киа-Чау, на основании «droit du premier mouillage» («право первоначального занятия»), ибо русские суда бросили там якорь раньше других флотилий.

Этот ответ противоречил докладу начальника восточно-азиатской эскадры.

Когда я встретился у канцлера с адмиралом Гольманом, чтобы обсудить этот ответ, князь Гогенлоэ, по прочтении его, улыбаясь своей тонкой иронической улыбкой, сказал, что он не мог найти в министерстве иностранных дел ни одного юриста, который мог бы ему дать справку об этом удивительном «праве»; может быть, это в состоянии сделать представитель морского ведомства. Адмирал Гольман, на основании своего опыта, заявил, что он никогда об этом ничего не слыхал; это бессмыслица и выдумка Муравьева, который не хочет, чтобы другой народ обосновался в Киа-Чау. Я посоветовал для разъяснения вопроса затребовать заключения еще жившего тогда известнейшего знатока международного морского права, тайного советника адмиралтейства Перельса, признанного авторитета в этой области. Так и сделали. Заключение его было уничтожающим для Муравьева, подтверждало мнение Гольмана и совершенно разрушало легенду о «droit du premier mouillage». Так проходили месяцы, а между тем предстояло мое посещение Петергофа в августе 1897 г. В согласии с князем Гогенлоэ я решил лично открыто поговорить с царем и, если возможно, положить таким образом конец нотам и дипломатическим хитростям Муравьева.

Объяснение произошло в Петергофе. Царь сказал мне, что он совершенно не заинтересован в пунктах южнее линии Тянь-Дзинь—Пекин, так что у него нет никаких оснований ставить нам препятствия в Шаньтуне. Его интересы, после того как англичане поставили ему затруднения в Мокпо, сосредоточились в Ялу, Порт-Артуре и т. д. Он даже будет рад, если Германия на будущее время окажется желанным соседом России по ту сторону Чилийского залива. После этого у меня был разговор с Муравьевым. Он прибегал к разным трюкам, всячески изворачивался, сославшись, наконец, и на свое знаменитое «droit du premier mouillage» [1]). Я только и ожидал этого момента и в свою очередь перешел в наступление, основательно припер его к стенке заключением Перельса. Когда я, наконец, по желанию царя, передал ему результат беседы обоих государей, дипломат еще более смутился, потеряв свое притворное хладнокровие, и капитулировал.

Таким образом, в политическом отношении почва была подготовлена. Осенью пришло известие от епископа Анцер об убийстве

[1]) «Право первоначального занятия».

2-х немецких католических миссионеров в Шаньтуне. Весь немецкий католический мир, в особенности партия центра, требовал энергичных мер. Канцлер предложил мне немедленно вмешаться в это дело. На зимней охоте в Лецлингене я обсуждал с ним в одной из маленьких башенок замка шаги, которые надо было предпринять. Князь предложил вручить присутствующему принцу Генриху Прусскому командование эскадрой, которую надо было выслать для подкрепления восточно-азиатской морской дивизии. Я сообщил об этом своему брату в присутствии канцлера. Принц и присутствовавшие были очень обрадованы. Канцлер послал об этом сообщение в министерство иностранных дел, а также находившемуся в дороге новому статс-секретарю по иностранным делам г. фон-Бюлову.

В ноябре 1897 года Киа-Чау был занят. В декабре того же года принц Генрих со своей дивизией выступил на борту «Германии» в Восточную Азию, где впоследствии и перенял командование над всей восточно-азиатской эскадрой. 6-го марта 1898 г. был подписан арендный договор с Китаем относительно Киа-Чау. В то же время мистер Чемберлен в Лондоне возбудил у японского посла, барона Кото, мысль о заключении англо-японского союза, чтобы поставить преграду упорному продвижению России на восток.

Естественно будет спросить, почему, говоря о нашем смелом выступлении, мы умалчиваем об Англии, которая была ведь в данном случае существенно заинтересована. Дело в том, что в этом отношении прелюдия с Англией разыгралась уже раньше. У меня было намерение возместить недостаток немецких угольных станций основанием таковых по возможности по соглашению с Англией, путем аренд ования, или покупки. Так как канцлер Гогенлоэ, мой дядя, одновременно родственник королевы Виктории, был издавна известен ей и пользовался ее большим уважением, то я надеялся, что это несколько облегчит переговоры с английским правительством. Но эта надежда не оправдалась. Переговоры тянулись без конца, без надежды на успешное завершение. По желанию канцлера я решил поэтому переговорить лично с английским послом в Берлине. В разговоре с ним я сетовал на отношение ко мне английского правительства, которое всюду и всегда оказывает противодействие даже самым законным требованиям Германии. Посол без обиняков согласился с этим и выразил свое удивление по поводу того, что английское правительство так мало идет навстречу Германии и что оно так близоруко. Ибо когда такая молодая возрождающаяся страна, как Германия, развитие которой ведь нельзя задержать, вместо того, чтобы получить нужное ей либо собственными силами, либо соединившись с другими странами, обращается непосредственно к Англии, прося ее предварительного согласия, то это в сущности больше, чем Англия могла бы пожелать. И так как Англии уже принадлежит почти весь мир, то она ведь могла бы найти одно место, где ею было бы позволено Германии основать свою станцию. Он не понимает, сказал английский посол, этих господ из Доунингстрита. Если Германия не получит такого места с помощью Англии, то она, по всей вероятности, самостоятельно займет подходящий пункт, так

как Англия, в сущности, и имеет никакого права воспрепятствовать ей в этом.

Я подчеркнул, что таково и мое мнение и в заключение еще раз резюмировал перед послом мою точку зрения: Германия единственная страна в мире, не имеющая еще, несмотря на свои колониальные владения и на свою быстро развивающуюся торговлю, ни одной угольной станции. Мы охотно желали бы приобрести таковые с согласия Англии. Если же Англия откажется войти в наше положение и пойти нам навстречу, то нам придется обратиться к другой великой державе, чтобы с помощью последней достигнуть своего. И эта беседа также не помогла. В конце концов переговоры были прерваны Англией в довольно невежливой форме. Тогда-то канцлер и я решили обратиться к России.

Занятие Киа-Чау вызвало удивление и гнев английского правительства. При отклонении нашей просьбы она, конечно, рассчитывала на то, что никто не поможет Германии в достижении ее цели. Случилось иначе, и дело не обошлось без нареканий из Лондона. Когда английский посол их высказал, ему напомнили о происшедшем со мной разговоре и разъяснили, что вина в том, что не произошло никакого соглашения с Германией, падает исключительно на его правительство.

Несговорчивое поведение Англии тогда нас удивляло. Одно обстоятельство, которое в то время мне не было известно, могло бы теперь пролить свет на это дело. В книге «The Problem of Japan» анонимного автора, вышедшей в 1918 г. в Гааге, написанной якобы экс-дипломатом из Дальнего Востока, приводятся выдержки из книги профессора истории при Вашингтонском университете в С.-Луп, Roland Usher. Usher точно так же, как и его бывший коллега, профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке John Bassett Moore, часто привлекался государственным департаментом в Вашингтоне в качестве советника по вопросам внешней политики, ибо он был таким большим знатоком в международных вопросах, касавшихся и Соединенных Штатов, каких в Америке не много. Благодаря вышедшей в 1913 году книге профессора Usher, впервые стало известно о существовании и содержании заключенного весной 1897 г. «Agreement» или «Treatry» (соглашении или договора) тайного характера между Англией, Америкой и Францией. Это соглашение устанавливало, что в случае, если Германия или Австрия или обе вместе начнут войну в интересах «пангерманизма», то Соединенные Штаты тотчас же станут на сторону Англии и Франции и предоставят все свои средства на помощь этим державам. Профессор Usher приводит в дальнейшем все причины, в том числе и колониального характера, заставившие Соединенные Штаты принять участие в войне против Германии, близость которой он предсказывал еще в 1913 г.

Анонимный автор «The Problem of Japan» составил особую таблицу пунктов заключенного в 1897 г. соглашения между Англией, Францией и Америкой, разделив их по отдельным рубрикам и изобразив таким образом в наглядной форме размеры взаимных обязательств. Эта глава его книги читается с чрезвычайным интересом

и дает хорошее понятие о событиях, предшествовавших мировой войне, и о приготовлениях к ней со стороны Антанты, которая, еще не вступивши под именем «Entente cordiale», уже тогда объединялась против Германии. Экс-дипломат при этом замечает: Здесь мы имеем договор, заключенный, по утверждению профессора Usher еще в 1897 г.,—договор, который предусматривает все этапы участия Англии, Франции и Америки в будущих событиях, включая и завоевание испанских колоний, и контроль над Мексикой и Центральной Америкой, и использование Китая, и аннексию угольных станций. Тем не менее, профессор Usher хочет уговорить нас, что все эти мероприятия были предприняты лишь для того, чтобы спасти мир от «пангерманизма». Излишне напоминать профессору Usher'у,—продолжает экс-дипломат,—что если бы даже вообще признать существование призрака «пангерманизма», то в 1897 г. об этом, уже, конечно, никто не слыхал, ибо к этому времени Германия еще не выставила своей большой морской программы, обнародованной только в 1898 г. Таким образом, если Англия, Франция и Соединенные Штаты действительно лелеяли те обширные планы, которые профессор Usher им приписывает, и если они заключили союз для осуществления этих планов, то едва ли возможно будет объяснить как возникновение этих планов, так и их выполнение таким слабым предлогом, как успехи «пангерманизма». Так говорит экс-дипломат. Этому можно поистине поражаться. Галлы и англо-саксонцы с целью уничтожения Германии и Австрии и устранения их конкуренции на мировом рынке, в обстановке полнейшего мира без малейших угрызений совести заключают направленный против Испании, Германии и т. д. настоящий договор о разделе, разработанный до мельчайших деталей. Договор этот был заключен объединенными галло-англо-саксонцами за 17 лет до начала мировой войны и цели его систематически разрабатывались в течение всего этого периода. Теперь можно понять ту легкость, с какой король Эдуард VII мог проводить свою политику окружения: главные актеры уже давно спелись и были готовы. Когда он окрестил этот союз «Entente cordiale», это было для мира, особенно для немцев, неприятной новостью; для другой же стороны это было только официальным признанием давно уже известных фактов. Принимая во внимание соглашение между Францией, Англией и С.-А. Соединенными Штатами, можно понять противодействие Англии в 1897 г. ее соглашению с Германией относительно угольных станций и ее недовольство тем, что Германии, с согласия русских, удалось стать твердой ногой в Китае, который они уже сговорились использовать втроем без участия Германии.

Usher проболтался и убедительно доказал, кто действительно является виновником мировой войны. Подлинная причина войны—заключенный весной 1897 г. и направленный против Германии договор, называемый иногда gentleman's agreement», договор, являвшийся основой и исходным пунктом враждебной Германии политики, систематически разрабатывавшейся странами Антанты в течение 17 лет. Когда им удалось привлечь на свою сторону Россию и Японию, они, инсценировав в Сербии убий-

ство в Сараеве и, поджегши таким образом фитиль в заранее предусмотрительно наполненной порохом бочке, начали войну.

Сообщения профессора Usher'a являются также полным опровержением утверждений, что отдельные военные действия Германии во время мировой войны, как, например, случай с «Лузитанией», обострение подводной войны и т. д., вызвали участие Соединенных Штатов в войне. Все это совершенно не верно. Недавно появившаяся прекрасная книга Джона Кеннет Турнер (John Kenneth Turner) под названием «Shall it be agsain» на основании убедительных и исчерпывающих материалов доказывает, что причины и цели войны в действительности не были теми, какими были выдвинуты Вильсоном. Америка — точнее — президент Вильсон — с самого начала, во всяком случае уже с 1915 года, решил выступить против Германии. Он сделал это под предлогом подводной войны, а на самом деле под влиянием могущественных финансовых кругов и по настойчивым требованиям своего партнера, Франции, человеческий материал которой все больше и больше истощался. Америка не хотела оставить ослабленную Францию одну рядом с Англией, аннексионистские аппетиты которой в отношении Калэ, Дюнкирхена и т. д. были ей хорошо известны.

Роковым для Германии был тот факт,—об этом следует здесь вскользь упомянуть,—что наше ведомство иностранных дел не сумело противопоставить английской политике окружения и хитростям России и Франции равного по достоинству дипломатического искусства... Это было отчасти последствием того, что при князе Бисмарке сотрудники министерства иностранных дел в сущности не получили хорошей школы, и когда, после ухода князя и графа Герберта, исчез все подавлявший дух Бисмарка, то оказалось, что они не доросли до самостоятельного ведения внешней политики.

В Германии, однако, вообще трудно воспитать хороших молодых дипломатов. Ибо наш народ не одарен дипломатическими талантами, которые блестяще проявились лишь в отдельных гениях, как, напр., Фридрих Великий и Бисмарк. Частая смена в течение этих лет статс-секретарей также неблагоприятно отражалась на ведомстве иностранных дел. Все канцлеры, по примеру Бисмарка, удерживали за собой влияние на министерство иностранных дел и выдвигали своих статс-секретарей, руководителей иностранной политики. Я считался в этом отношении с предложениями рейхсканцлеров, так как признавал за ними право самим избирать своих главных сотрудников в области иностранной политики. Связанная с этим частая смена не могла, однако, способствовать преемственности в политике и приносила большой вред. В ведомстве иностранных дел неизменно царил принцип: «только никаких неприятных столкновений с другими державами»; «surtout pas d'histoires»[1]), как сказал один французский генерал какому-то заговорщическому кружку, о котором ему донесли, что он собирается поднять мятеж. Один из статс-секре-

[1]) Только без всяких историй.

тарей однажды во время доклада, когда я указал ему на затруднительное положение в одном вопросе внешней политики, сказал мне: это необходимо уладить; министерство иностранных дел прежде всего имеет в виду один принцип: «Только спокойствие». Только этим принципом можно объяснить ответ, данный германским представителем в южно-американской республике одному просившему у него помощи и защиты немецкому купцу, у которого разграбили его лавку и расхитили его имущество: «Ах, оставьте же меня в покое с этими вещами. Мы только что завязали хорошие отношения с республикой, которые нашим заступничеством в вашу пользу могут только испортиться». Незачем и упоминать о том, что, где только я узнавал о подобном взгляде на дело,—я тотчас же смещал с должности виновного.

Министерство иностранных дел и в народе, и в армии пользовалось общей нелюбовью. При всех канцлерах я неоднократно говорил о необходимости коренных реформ. Но это было тщетно. Всякий новый канцлер, особенно, если он сам раньше не служил по иностранному ведомству, нуждался в министерстве иностранных дел, прежде всего для того, чтобы войти в курс иностранной политики. Это, конечно, требовало времени. Когда же он, наконец, осваивался в этой области, то он считал себя связанным благодарностью к осведомлявшим его лицам; будучи перегружен другими работами и не зная хорошо персонала, он, помимо того, боялся предпринять решительные перемены, тем более, что, как ему казалось, он все еще нуждался в совете «осведомленных» лиц.

Но вернемся снова к Цзинтау. Тут все было приспособлено для оживления торговли и промышленности и все делалось сообща с китайцами. Над таможней в Цзинтау развевался и флаг Китайской империи. Город так быстро развивался, что в последние годы перед войной он стоял на шестом месте среди всех китайских торговых городов, тотчас же после Тянь-Цзиня. Цзинтау был цветущей германской торговой колонией; китайцы ее ценили, восхищались ею. В противоположность чисто военным, основанным с целью подавления и завоевания морским базам России и Англии,—там работало много китайцев. Это был своего рода склад образцов немецкого гения и продуктов немецкого труда, давших туземному населению большой выбор и вызвавших соревнование китайцев, до тех пор не знавших Германии, ее мастерства и фабрикатов.

Быстрый расцвет Цзинтау, как торгового порта, возбудил зависть японцев и англичан; убегая от жары Гонконга, Кантона и Шанхая, последние толпами приезжали туда со своими семьями, наслаждаясь прекрасным морским берегом, прохладным воздухом и великолепным приморским отелем этой колонии и предаваясь лаун-теннису и другим видам спорта. Из зависти Англия в 1914 году потребовала, чтобы Япония забрала Цзинтау, хотя фактически этот город принадлежал Китаю. Япония сделала это с радостью, обещая вернуть город Китаю. Передача последовала, однако, после долгих настояний лишь в начале 1922 г., несмотря на то, что Япония договорилась с Америкой, что она не предпримет никаких террито-

риальных изменений в Китае, не посоветовавшись предварительно с Вашингтоном.

Таким образом большое культурное германское дело за границей, которое явилось образцом того, как культурная страна может показать другой нации преимущества своей культуры, погибло благодаря английской зависти и конкуренции. Когда-нибудь, когда то же самое случится с Гонконгом, Англия в этом раскается и будет горько упрекать себя в том, что она изменила своему старому принципу, который всегда был могущественным фактором ее успехов. «White man together against coloured man»[1]). Когда Япония осуществит свой лозунг «Азия для азиатов» и подчинит своей власти Китай и Индию, тогда Англия будет запоздало оглядываться в сторону Германии и ее флота.

По поводу желтой опасности впоследствии, после русско-японской войны, у меня при встрече с русским царем произошел следующий разговор. Царь, находясь тогда явно под впечатлением все растущего японского могущества и вытекавшей отсюда опасности для России и Европы, спросил моего мнения по этому поводу. Я ему ответил: «Если русские причисляют себя к культурным государствам Европы, то они должны быть готовы взять на себя защиту последней и бороться вместе с ней за свое существование и свою культуру, а вместе с тем и за существование и культуру всей Европы. Если же русские чувствуют себя азиатами, то пусть они соединятся с «желтой опасностью» и вместе с ней набросятся на Европу».

Соответственно с этим царь и должен сорганизовать защиту своей страны и свою армию. На вопрос царя, что, по моему мнению, сделают русские, я ответил: «Второе». Царь очень рассердился и захотел тотчас же знать, на каких фактах я основываю свое заключение. Мой ответ гласил: «на том факте, что строится железная дорога и что русские войска стягиваются к прусско-австрийской границе».

Царь протестовал: он-де и его династия «европейцы»; его страна и народ, конечно, будут стоять за Европу, и для него будет долгом чести защитить последнюю от «желтых». На это я заметил, что если это так, то он должен немедленно бросить свои военные приготовления. Царь промолчал. Я старался во всяком случае использовать в интересах Германии и всей европейской культуры страх царя Николая II перед возрастающим японским могуществом. Несмотря на объединение с Японией, Россия впоследствии была сломлена, как первое из принявших участие в войне государств.

У умных японских политиков, которых ведь не мало, должны бы теперь возникнуть некоторые сомнения в правильности того пути, по которому они вели свою страну во время мировой войны. Они, быть может, даже должны были бы спросить себя, не было ли выгоднее для Японии воспрепятствовать мировой войне. Последнее было в ее власти; она должна была лишь твердо и недвусмысленно стать на сторону центральных держав, у которых она в прошлом так много и охотно училась. Если бы Япония своевременно в этом духе и на-

[1]) Незыблемый союз белых народов против цветных рас.

правляла свою внешнюю политику и боролась бы, подобно Германии, мирными средствами за свое участие в мировой торговле, то я бы с радостью оставил в стороне «желтую опасность» и в кругу других миролюбивых народов приветствовал бы возрождающуюся нацию, «пруссаков востока».

Никто больше меня не сожалеет о том, что «желтая опасность» не потеряла своей остроты еще тогда, когда наступил кризис 1914 г. Опыт мировой войны может еще в этом отношении внести свои коррективы.

Причину присоединения Германии к шагу Франции и России в Шимоносеки следует искать в политическом положении Германии в Европе. Германия была ущемлена между наступающей, угрожающей границам Пруссии, Россией и Францией, воздвигавшей на своих границах все большее количество фортов и укреплений; в Берлине тревожно смотрели на будущее. Вооружения этих двух держав далеко превосходили наши, и их флот был гораздо новее и сильнее, чем флот Германии, состоявший из нескольких старых, едва боеспособных судов. Нам казалось поэтому целесообразным и предусмотрительным пойти на предложение этой сильной группы для того, чтобы она, в случае нашего отказа, не обратилась бы тотчас же к Англии и не достигла бы сближения с ней против нас. В последнем случае уже тогда создалась бы ситуация 1914 г., и Германия попала бы в тяжелое положение. Наша политика в этом отношении тем более понятна, что Япония все равно уже тогда собиралась перенести свои симпатии на Англию. Совместные действия Германии и франко-русской группы помимо того давали возможность, в связи с общей политикой на Дальнем Востоке, постепенно прийти и в Европе к менее напряженным взаимоотношениям и более дружественному сожительству Германии с обоими своими соседями.

Проводившаяся нами политика и в этом случае последовательно шла по линии сохранения всеобщего мира.

В вопросе о Киа-Чау князь Гогенлоэ, несмотря на свой преклонный возраст, выказал такое упорство в достижении своей цели и такую твердую настойчивость, которые ему надо поставить в большую заслугу.

К сожалению, в эпизоде с телеграммой президенту Крюгеру канцлеру изменили его осмотрительность и свойственный ему ясный взгляд на вещи; только этим можно объяснить то, что он так упорно настаивал на отсылке телеграммы Крюгеру. Князь, правда, подчинился влиянию такой энергичной личности, как красноречивый бывший прокурор фон-Маршалль и убедительным речам сладозвучного, словно сирена, г. ф.-Гольштейна. Тем не менее, он оказал этим плохую услугу своей стране, а мне причинил большой вред, как в Англии, так и внутри страны.

В виду того, что так называемая Крюгеровская телеграмма вызвала много шума и явилась причиной важных политических последствий, я хочу подробно рассказать об этой истории.

Вторжение Джемсона вызвало в Германии большое, все возраставшее возбуждение. Германский народ был возмущен этим насилием

над маленькой нацией, по происхождению нидерландской, стало быть, нижне-саксонско-немецкой, пользовавшейся у нас, как родственный народ, особой симпатией. Это возбуждение, охватившее также и высшие круги общества и угрожавшее породить большие затруднения с Англией, причиняло мне не мало забот. Я придерживался того мнения, что если Англия хочет завоевать Бурскую территорию, то этому помешать нельзя, хотя я и был убежден в том, что этот захват является несправедливым. Но я не мог преодолеть общее течение: даже в кругу моих близких знакомых меня довольно строго осуждали за мою позицию в этом вопросе.

Однажды на совещании у рейхсканцлера, моего дяди, на котором присутствовал и имперский статс-секретарь по морским делам адмирал Гольман, неожиданно появился сильно взволнованный статс-секретарь барон Маршалль с какой-то бумагой в руках. Он заявил, что возбуждение в народе и в рейхстаге так велико, что совершенно необходимо дать ему внешнее выражение. Это лучше всего можно сделать посредством посылки телеграммы президенту Крюгеру, черновик которой он держал в руках. Я высказался против этого и меня поддержал адмирал Гольман. Рейхсканцлер при этих дебатах в начале держался пассивно. Я знал, что психология английского народа совершенно незнакома министерству иностранных дел и барону Маршалль и пытался разъяснить последнему те последствия, которые этот шаг вызовет в английском народе; мне вторил адмирал Гольман. Но маршала нельзя было переубедить. Тогда заговорил, наконец, и канцлер, который заявил, что я, как конституционный монарх, не имею права итти против народного сознания и своих конституционных советников. В противном случае грозит опасность, что сильное возмущение оскорбленного в своем чувстве справедливости и сочувствующего нидерландцам немецкого народа выйдет из берегов и обратится также и против меня. Уже и так-де в народе говорят: кайзер сам наполовину англичанин и питает тайные симпатии к Англии; он-де находится вполне под влиянием своей бабушки, королевы Виктории; пора положить конец влиянию английских дядюшек; кайзер должен выйти из английской опеки и т. д. Поэтому он, канцлер, если бы даже признавал справедливость моих возражений, должен во имя обще-политических интересов, а прежде всего во имя добрых отношений между мной и моим народом, настаивать на подписании мной телеграммы. Он, как и г. ф.-Маршалль берут на себя, как конституционные советники, полную ответственность за телеграмму и ее последствия.

Адмирал Гольман на предложение канцлера разделить его точку зрения и с своей стороны выступить против меня, ответил отказом, заметив, что весь англо-саксонский мир непременно взвалит ответственность за телеграмму на кайзера, ибо там никогда не поверят, что эта провокация исходит от старшего советника Его Величества, а будут ее толковать, как «импульсивный» поступок «юного» кайзера.

После этого я попытался еще раз отговорить канцлера и г. Маршалля от их плана. Но оба они настаивали на том, чтобы я подни-

сал телеграмму, подчеркивая, что ответственность за последствия они целиком берут на себя. Я считал, что, исчерпавши все доводы, я в конце концов не могу не считаться с их соображениями, и подписал телеграмму.

Весь этот эпизод со всеми деталями, как он здесь описан, снова был вызван в моей памяти адмиралом Гольльманом незадолго до его смерти. В газете «Times» в № от 11 сентября 1920 года тогдашний корреспондент этой газеты сэр Valentine Chirol рассказывает, что непосредственно после отсылки этой телеграммы г. ф.-Маршалль сказал ему, что последняя передавала не личное мнение кайзера, а явилась «государственным актом», за который канцлер и он сам несут полную ответственность.

После опубликования телеграммы в Англии, как я и предсказывал, разразилась настоящая буря. Я получил из всех кругов Англии, особенно из аристократических, а также от незнакомых мне дам из общества, целый поток писем со всевозможными упреками, не останавливавшихся даже перед личными оскорблениями и ругательствами. Начались клеветнические нападки со стороны прессы, и вскоре легенда о моей вине в появлении телеграммы сделалась такой же непререкаемой, как церковное аминь. Если бы Маршалль и в рейхстаге заявил о действительном ходе дела, как он его изобразил в разговоре с корреспондентом Chirol, то я лично не был бы в такой степени замешан в этом эпизоде.

В феврале 1900 г., в разгар бурской войны, когда я, приняв в Вильгельмсгофене присягу рекрут, находился с флотом у Гельголанда на маневрах линейных кораблей, я через Гельголанд получил телеграфное донесение с Вильгельмштрассе, что Россия и Франция обратились к Германии с предложением сообща напасть на Англию и парализовать ее морские сношения, пользуясь отвлечением ее военных сил. Я высказался против этого и приказал отклонить предложение Франции и России. Предполагая, что Париж и Петербург изобразят дело в Лондоне так, будто предложение нападения на Англию исходило из Берлина, я тотчас же телеграфировал из Гельголанда королеве Виктории и принцу Уэльскому (Эдуарду) об этом предложении и об его отклонении мной. Королева ответила сердечной благодарностью; принц Уэльский реагировал выражением крайнего изумления. Впоследствии Ее Величество секретно дала мне знать, что, через короткое время после моей телеграммы из Гельголанда о предложении Парижа и Петербурга, в Лондон действительно пришло предвиденное мной сообщение с изображением дела в противоположном смысле; королева была рада открыть своему правительству, на основании моего сообщения, интриги Франции и России и успокоить его насчет лояльного поведения Германии. Королева при этом подчеркивала, что она никогда не забудет дружеской услуги, оказанной мной Англии в тяжелое для нее время. Когда Cecil Rhodes (Сесиль Родс) обратился ко мне с ходатайством разрешить ему провести через принадлежавшую Германии часть Южной Африки свою Капско-Каирскую железнодорожную и телеграфную линию, я в согласии с министерством иностранных дел

и канцлером, дал ему свое разрешение при условии проведения ветки через Табора и использования для постройки железной дороги на германско-африканской территории германских материалов. Rhodes на эти условия согласился с готовностью. Он был благодарен за осуществление при содействии Германии своей заветной мечты, после того, как незадолго до того король Леопольд Бельгийский отказал ему в его просьбе.

Rhodes был полон восхищения перед Берлином и мощными немецкими промышленными предприятиями, которые он здесь ежедневно посещал. После он говорил, что сожалеет, что уже раньше не был в Берлине с целью познакомиться с мощью и гением Германии и завязать сношения с германским правительством и руководящими торговыми кругами. Он хотел приехать в Берлин еще до Джемсоновского похода, но в Лондоне ему тогда в этом помешали.

Если бы он мог раньше осведомить нас о своем намерении хлопотать о разрешении ему провести Cape-to-Cairo-Line как через страну буров, так и через наши колонии, то германское правительство, вероятно, могло бы ему помочь, уговорив президента Крюгера, как известно, не хотевшего и слышать о таком разрешении. Тогда бы не произошло этой «Stupid Jameson-raid» («Нелепого Джемсоновского нападения»). Телеграмма Крюгеру не была бы отправлена. Впрочем,—прибавил Rhodes,—телеграмма Крюгеру была совершенно справедлива, и он за нее не был на меня в претензии. Так как в Германии не могли иметь точных сведений о целях и намерениях Англии, то этот поход действительно можно было рассматривать, как «act of piracy» («разбойнический набег»), который естественно вызвал среди немцев справедливое возмущение. А, между тем, он, Родс, хотел лишь получить полоску земли для проведения своей дороги, как это ему только что разрешила Германия. Такое желание не было бы незаконным и было бы, без сомнения, поддержано Германией. Впрочем, добавил Rhodes, кайзеру нечего горевать о нашумевшей телеграмме и огорчаться по поводу криков английской прессы. Rhodes не знал всей истории в связи с отправленной Крюгеру телеграммой и хотел утешить меня, считая меня ее инициатором. Rhodes в дальнейшем посоветовал мне построить Багдадскую железную дорогу, вызвав таким образом к жизни Месопотамию и устроив ее орошение. Это, по его мнению, является задачей Германии, точно так же, как его задача—создание «Cape-to-Cairo-Line». Так как проведение этой линии через нашу территорию ставилось в зависимость от предоставления нам островов Самоа, то Rhodes горячо ратовал в Лондоне за уступку их нам.

В делах внутренней политики князь Гогенлоэ, как канцлер, управлял мягкой рукой, что было мало полезно для общей системы. С Ватиканом он, благодаря своим старым связям с господином ф.-Гертлингом, сумел установить хорошие отношения. Его мягкость и снисходительность распространялись и на имперские земли, к которым он, как знаток, издавна проявлял особый интерес; но ему за это не отвечали благодарностью: косвенно поощряемый французский дух все более и более дерзко проявлялся в имперских

землях. Князь Гогенлоэ любил пользоваться даже и в отношении к социалистам такими средствами, как посредничество, соглашение и примирение, часто применяя эти средства даже тогда, когда энергичное вмешательство было бы гораздо более у места.

Князь Гогенлоэ горячо приветствовал мою поездку на восток, в Стамбул и Иерусалим. Он был рад упрочению отношений с Турцией и считал возникший на этой почве проект Багдадской дороги крупным, достойным Германии культурным начинанием. Поездка в Англию, которую я, по настоянию дряхлеющей королевы-бабушки, желавшей на закате своих дней еще раз увидеть своего старшего внука, совершил в 1899 г., вместе с моей женой и двумя сыновьями, встретила у канцлера самую горячую поддержку. Он ожидал от этой поездки ослабления последствий в свое время им же самим обостренного инцидента с телеграммой Крюгеру, думая в то же время получить разъяснение некоторых важных вопросов, благодаря моим личным беседам с английскими государственными деятелями. Королева Виктория, чтобы предупредить всякие непристойности со стороны английской прессы, резко полемизировавшей с германской в связи с бурской войной и несправедливыми отчасти нападками некоторых немецких газет, поручила автору «Life of Prince Consort» Сэру Теодору Мартин сообщить английской прессе желание Ее Величества, чтобы императору, ее внуку, был оказан достойный и дружеский прием. Так и случилось. Визит прошел гладко и удовлетворил меня во всех отношениях. У меня были важные беседы с различными влиятельными лицами. О телеграмме Крюгеру во все время моего пребывания в Англии никто ни разу не упомянул. Напротив, королева-бабушка не скрыла от своего внука, как несимпатична ей была бурская война. Она не скрывала своего недовольства поведением мистера Чемберлена и своего нерасположения к нему и еще раз поблагодарила меня, как за мое немедленное и резкое отклонение русско-французского предложения о вмешательстве, так и за мое быстрое уведомление об этом предложении. Можно было ясно видеть, как сильно любила королева свою прекрасную армию и как она была удручена полученным вначале английской армией отпором, поведшим к значительным потерям. Старый фельдмаршал, герцог Кэмбриджский, сказал по этому поводу прекрасные слова: «The British nobleman and officer have shown that they can die bravely as gentlemen»[1]). При отъезде королева напутствовала меня сердечными приветами по адресу своего глубоко-уважаемого кузена—much cherished cousin—рейхсканцлера, ум и опытность которого, как она надеялась, будут всегда содействовать упрочению хороших отношений между обеими сторонами. Мой доклад о успешной поездке удовлетворил князя Гогенлоэ во всех отношениях, в то время, как со стороны известной части прессы и многих взволнованных «друзей буров» я был встречен самыми резкими нападками. Немцу недостает как раз того, что привито английскому

---

[1]) Британский дворянин и офицер доказал, что он умеет умирать, как джентльмен.

народу и воспитано в нем долгой политической традицией: когда борьба уже началась, хотя бы только на дипломатическим поприще, англичанин безропотно идет за своим знаменем. Он поступает по пословице: «You can't change the jokey while running»[1]).

Осенью 1900 г. князь Гогенлоэ оставил канцлерский пост, так как это бремя стало непосильно для него в виду его престарелого возраста. К тому же ему были несимпатичны вечные партийные раздоры и споры. Он неохотно выступал перед партиями в рейхстаге. Не менее раздражала его необузданная часть прессы, которая, оперируя бисмарковскими цитатами, думала, что охраняет, якобы, бисмарковские традиции и которая, особенно во время бурской войны, сильно вредила англо-германским отношениям. Надежда, которую питали при выборе князя Гогенлоэ и при его вступлении в должность канцлера, — надежда, что князь Бисмарк будет ему чинить меньше затруднений, оправдалась лишь отчасти. Благодаря моему примирению с Бисмарком, внешне выразившемся в его торжественном въезде в Берлин и пребывании в древнем замке Гогенцоллернов, атмосфера, правда, сильно разрядилась, и Бисмарк стал гораздо снисходительнее; но его приверженцы и те, кто примкнул к нему из-за желания фрондировать, все еще не могли отказаться от своего образа действий.

В то же время, как раз тогда, когда я поехал в Фридрихсру на торжество 80-летия со дня рождения Бисмарка, народное представительство отказало старому рейхсканцлеру в доверии. Это должно было глубоко задеть князя Гогенлоэ и преисполнить его негодования. Смерть его великого предшественника глубоко потрясла его, как и меня, и мы вместе со всем немецким народом искренно оплакивали в нем одного из величайших сынов Пруссии и Германии, хотя он часто и делал нашу работу нелегкой. Я поспешил прибыть на моей поездки на север, чтобы почтить память того, под начальством которого я некогда, еще принцем, с гордостью работал, и кто, будучи преданным слугой своего старого государя, помог объединению германского народа.

Князя Гогенлоэ побудил к уходу, между прочим, и его сын, Александр, много бывавший в доме своего отца—в обществе его называли «кронпринц»—и существенно отличавшийся от своего обязательного отца.

Князь Гогенлоэ, как рейхсканцлер, мог наблюдать целый ряд своих успехов: окончание борьбы за «гражданское уложение», реформу военно-уголовного судопроизводства, закон о флоте, Самоа, вручение Вальдерзее верховного командования в Китае во время боксерского восстания, Цзинтау и Янътценьский договор. 15 октября 1900 года я распростился с князем Гогенлоэ. Мы были оба очень тронуты. Ибо это покидал кайзера не только канцлер и преданный сотрудник, но и дядя; и племянник с благодарностью и глу-

[1]) «Во время скачек нельзя менять жокея».

боким уважением смотрел на старика, который в 75 лет,—возрасте, когда другие обыкновенно предаются отдыху и созерцанию,—без колебаний последовал зову кайзера, взял на себя напряженный труд и посвятил свое время и силы германскому отечеству. Когда он собирался уже покинуть мою комнату, он еще раз пожал мою руку, прося подарить ему на те годы, которые ему еще осталось прожить и которые он думал провести в Берлине, ту неподдельную и верную дружбу, какую он так долго наблюдал между мной и адмиралом Гольльманом и какой всегда восхищался. Я навсегда сохраню о нем верную память.

IV.

БЮЛОВ.

На следующий день по уходе князя Гогенлоэ вступил в должность канцлера назначенный мной его преемником статс-секретарь по иностранным делам граф Бюлов. Мой выбор пал на него потому, что он был прекрасно знаком со всеми многочисленными вопросами становившейся все более напряженной и запутанной внешней политики, особенно с вопросами англо-германских взаимоотношений; помимо того, он уже выказал себя искусным оратором и умел находчиво вести дебаты в рейхстаге. Его предшественнику, нехватало именно последнего качества, что частенько сильно давало себя чувствовать. Когда в союзном совете стали известны намерения князя Гогенлоэ уйти, баварский посол в Берлине, граф Лерхенфельд, весьма экспрессивно сказал мне, чтобы я только, упаси Бог, не выбрал опять южно-германца. Последние-де не годятся для руководящего поста в Берлине; здесь естественно лучше могут ужиться северо-германцы; поэтому для империи будет лучше, если на пост канцлера будет выбран именно северо-германец.

Бюлов был мне давно лично знаком, сначала как посол в Риме, а затем, как статс-секретарь; я уже тогда часто посещал его дом и неоднократно вел с ним беседы в его саду. Сблизился я с ним, когда он сопровождал меня в моей поездке на Восток, служа при содействии посла барона Маршалль, посредником в моих личных сношениях с руководящими членами турецкого правительства. Отношение нового канцлера ко мне было уже, таким образом, вполне определившимся, ибо мы уже давно договорились друг с другом обо всех политических проблемах и вопросах. При этом он и по возрасту стоял гораздо ближе ко мне, чем его предшественники, которые, собственно, могли бы быть моими дедушками. Это был первый молодой канцлер, которого видела Германская империя. Это облегчало нам обоим совместную работу.

За время моего пребывания в Берлине не проходило почти ни одного дня, когда бы я ни предпринимал продолжительной утренней прогулки с Бюловым в саду рейхсканцлерского дворца, во время которой обсуждались его доклады и затрагивались все актуальные вопросы. Я часто приходил к нему на обед. Встречая самый радушный прием со стороны графа и его любезной супруги, я всегда находил там массу интересных людей, в искусном выборе которых граф был большим мастером. Граф был неподражаем и в умении поддерживать разговор, и умно трактовать различные всплывавшие во время бесед темы. Для меня всегда было наслаждением вступать в присутствии брызжущего умом канцлера, в непринужденное

внеслужебное общение и в волнующий обмен мнений со многими профессорами, учеными и художниками, как и государственными чиновниками всякого рода. Граф был также превосходным рассказчиком анекдотов, как прочитанных, так и пережитых им самим, передаваемых им на различных языках. Он охотно рассказывал случаи из своей дипломатической деятельности, особенно в период своего пребывания в Петербурге. Отец графа был интимным другом князя Бисмарка и одним из его ближайших сотрудников. Молодой Бюлов также начал свою карьеру под начальством великого канцлера. Он вырос на Бисмарковских идеях и традициях, находясь под их сильным влиянием, но в то же время не будучи слепо и несамостоятельно привержен к ним.

В одной из моих первых бесед с Бюловым, как с рейхсканцлером, он осведомился о моем взгляде на то, каким образом лучше всего вести себя с англичанами и поддерживать с ними сношения. Я сказал, что, по моему мнению, в сношениях с англичанами главное—это полная откровенность. Англичанин, защищая свою точку зрения и свои интересы, до дерзости не считается ни с чем, и потому он очень хорошо понимает, когда другие по отношению к нему поступают так же. Дипломатничать или тонко хитрить с англичанином нельзя,—это применимо лишь по отношению к латинским и славянским народам,—ибо в таком случае он становится недоверчив и начинает подозревать, что по отношению к нему поступают нечестно и хотят исподтишка нанести ему удар. А, между тем, стоит только у англичанина вызвать недоверие, с ним уже ничего нельзя поделать, несмотря на самые красивые слова и готовность итти на самые крупные уступки. Я поэтому могу дать канцлеру только один совет,—сказал я,—придерживаться в политике по отношению к Англии только прямого пути. Я сказал это с особым ударением, так как тонкому дипломату графу Бюлову привычка хитрить была особенно присуща, ставши для него второй натурой.

Во время беседы с канцлером я нашел случай предостеречь его относительно личности Гольштейна. Несмотря однако на это предостережение, бывшее только повторением сказанного мне в свое время Бисмарком, Бюлов много работал, скорее вынужден был работать с Гольштейном. Этот замечательный человек сумел, особенно с того времени, как министерство иностранных дел после ухода Бисмарка в известной степени оспротело, создать себе там постепенно все более влиятельное положение, которое он при трех канцлерах настолько укрепил, что считался незаменимым. Гольштейн несомненно был одарен большим умом, соединенным с феноменальной памятью и определенным даром политического комбинирования, доходившим, правда, у него подчас до смешного. Уважение к нему в немалой степени покоилось и на том, что он в широких кругах, особенно среди старших чиновников, слыл «носителем Бисмарковских традиций», отстаивающим их против «молодого государя». Значение Гольштейна прежде всего основывалось на его прекрасном знакомстве с личным составом всего иностранного ведомства. Имея поэтому решающее влияние на все личные назначения, он, естествен-

но, держал в своих руках карьеру более молодых чиновников, чем легко объяснить то, что он постепенно достиг господствующего положения в министерстве иностранных дел. В то же время он все больше стремился добиться решающего влияния и на направление иностранной политики. И, действительно, временами он на самом деле был spiritus rector как иностранного ведомства, так и иностранной политики. Опасность при этом заключалась в том, что его далеко простиравшееся влияние сказывалось всегда только за кулисами: он избегал всякой официальной ответственности, как советника. Он предпочитал действовать, оставаясь в тени. Он отказывался от всяких ответственных постов, многие из которых были для него открыты, от всякого титула и повышения. Он жил в полном уединении. Я долго тщетно пытался завязать с ним личное знакомство, я пробовал приглашать его к обеду, но Гольштейн неизменно отказывался. Единственный раз в течение многих лет он снизошел до того, чтобы пообедать со мной в министерстве иностранных дел. Характерным для него при этом было то, что тогда как все были во фраках, он появился в обыкновенном сюртуке, извинившись тем, что «у него нет фрака». Таинственность, которой он окружал свою деятельность, стремясь не быть за нее ответственным, обнаруживалась иногда и в манере его записок.

Они несомненно подкупали своим умом, но были подчас также запутаны и двусмысленны, как предсказания Дельфийского оракула. Случалось, что, когда на основании его записок принималось то или иное решение, г. ф.-Гольштейн вслед за тем неопровержимо доказывал, что имел в виду как раз обратное. Мне это сильное влияние безответственного закулисного советника, часто в обход официальных ответственных инстанций, казалось опасным. Со мной неоднократно случалось,—в особенности при Рихтгофене,—что, когда я при обсуждении какого-нибудь политического вопроса с иностранным послом предлагал ему поговорить об этом с статс-секретарем, тот мне отвечал: «J'en parlerai avec mon ami Holstein» [1]). Я находил неправильным уже одно то, что чиновник министерства иностранных дел в обход своего начальника ведет переговоры с иностранными послами. Но то, что последние называли этого чиновника без церемоний «ami», во всяком случае выходило, по моему мнению, из границ полезного.

Постепенно дело приняло такой оборот, что Гольштейн действительно выполнял добрую долю внешней политики. При этом он слушался разве только одного канцлера; но, что думал или говорил по этому поводу кайзер, это для него не играло никакой роли. Успехи присваивались министерством иностранных дел себе; если же были неудачи, то это была вина импульсивного молодого государя.

Несмотря на все это, и Бюлов сначала, повидимому, считал Гольштейна незаменимым. Он долго работал с ним, пока, наконец, и для него гнет этого всем неприятного человека стал невыносим. Господину фон-Тширшки, как статс-секретарю, принадлежала заслуга по-

[1]) «Я поговорю об этом с моим другом Гольштейном».

кончить, наконец, с этим шатким положением. На мой запрос он мне заявил, что считает невозможным дальнейшее пребывание господина ф.-Гольштейна в министерстве иностранных дел, так как Гольштейн вносит дезорганизацию в министерство, старается совершенно устранить его, статс-секретаря, доставляя много затруднений и канцлеру. На основании этого я приказал г. ф.-Типпельскирху подготовить отставку Гольштейна, которая затем, после выздоровления канцлера от постигшей его в это время тяжелой болезни, с его согласия и была осуществлена. Господин фон-Гольштейн сам охарактеризовал себя тем, что тотчас же после своей отставки перешел на сторону господина Гардена, предложив ему свои услуги для кампании против кайзера.

1901 г. дал графу Бюлову, в связи с переговорами с Англией, прекрасный случай показать себя и блестяще выдержать испытание. Сам граф Бюлов еще всячески благоговел перед бисмарковской теорией о том, что надо вступать в дружбу с другой страной, сохраняя, однако, при этом всегда хорошие отношения с Россией, и в этом он находил поддержку со стороны многочисленных псевдобисмарковцев.

Среди юбилейных торжеств по поводу 200-летия дома Гогенцоллернов, меня вызвало к смертному одру моей бабушки известие об опасном положении старой королевы Виктории. Я спешно выехал вместе с моим дядей, герцогом Коннаутским, любимым сыном королевы, моим большим другом и зятем принца Фридриха Карла,— присутствовавшим на торжествах в Берлине в качестве представителя королевы, — и был сердечно принят в Лондоне тогдашним принцем Уэльским и всей королевской семьей. Когда мой экипаж медленно выехал со станции, к дверцам экипажа подошел выступивший из стоявшей в безмолвной тишине густой толпы народа простой человек и, обнажив голову, сказал «Thank you Kaiser» [1]). Принц Уэльский, позднее—король Эдуард VII, заметил по этому поводу: That is what they all think, every one of them, and they will never forget this coming of yours» [2]). И все же это случилось, и притом довольно скоро.

Когда королева тихо почила на моих руках, для меня упал занавес над многими воспоминаниями молодости. С ее смертью начиналась новая глава в истории Англии и в англо-германских отношениях. Я, насколько было возможно, завязал сношения с руководящими английскими деятелями, замечая всюду несомненно симпатизирующее и дружественное нам настроение, обнаруживавшее желание поддержать хорошие отношения с Германией. На прощальном банкете я и король Эдуард VII экспромтом произнесли сердечные по тону и содержанию речи, произведшие сильное впечатление на слушателей. Когда стали расходиться, английский посол в Берлине, пожав мне руку, сказал, что моя речь дошла до сердца всех

---

[1]) «Спасибо тебе, кайзер».

[2]) «Это думают здесь все, весь народ; тебе никогда не забудут того, что ты приехал.»

его соотечественников, так как мои слова были искренни и, просты что и требуется для англичан. Речь мою следует немедленно опубликовать, ибо она возбудит отклик во всей стране, благодарной за мой приезд. Это будет полезно для взаимоотношений обеих стран. Я ответил, что это дело британского правительства и британского короля; я лично не имел бы никаких возражений против опубликования моей речи. Она, однако, не была опубликована. Британский народ никогда не узнал о словах, бывших искренним выражением моих чувств и мыслей. В моей беседе с тем же послом, происшедшей позже в Берлине, он выразил свое глубокое сожаление по поводу того, что мысль об опубликовании моей речи не была приведена в исполнение, но причины этого указать не мог.

В заключение этого повествования о моем пребывании в Англии нельзя не упомянуть о том факте, что часть немецкой прессы, к сожалению, обнаружила отсутствие такта и понимания, как скорби английского королевского дома и английского народа, так и обязательств, налагаемых на меня политическими соображениями и родственными связями.

По возвращении я мог рассказать канцлеру о моих хороших впечатлениях, в особенности же о том, что настроение в Англии, повидимому, благоприятно для сближения и соглашения с Германией. На совещании с Бюловым в Гомбурге по вопросу об использовании создавшейся ситуации, канцлер остался доволен результатами моей поездки. Я отстаивал при этом ту мысль, что необходимо непременно попытаться заключить хорошее соглашение с Англией, если нельзя добиться союза, который мне казался предпочтительнее. Прочное соглашение могло бы удовлетворить и нас, и англичан, а в конце концов из него в будущем мог бы развиться и союз.

Случай к этому представился неожиданно скоро. Во время моего пребывания весной 1901 г. в Гомбурге граф Меттерних, бывший при мне представителем министерства иностранных дел, принес мне однажды донесение из Берлина о том, что мистер Чемберлен запросил там, хочет ли Германия пойти на союз с Англией. Я тотчас же спросил: «Против кого», ибо если Англия так внезапно, в состоянии полного мира, предлагала союз, то она, очевидно, нуждалась в немецкой армии. В таком случае было важно узнать, против кого и за что германские войска, по приказанию Англии, должны были бороться в ее рядах. На это последовал ответ из Лондона: против России, ибо последняя угрожает Индии и Стамбулу.

Я в своем ответе обратил внимание Лондона на старое традиционное братство по оружию между русской и германской армиями и на тесные родственные связи между обоими царствующими домами. Затем я указал на опасность войны на два фронта в случае заступничества Франции за Россию, а также и на тот факт, что мы на Дальнем Востоке шли до сих пор вместе с Францией и Россией (1895 г. Шимоносеки) и теперь в мирное время нет никакого повода ни с того, ни с сего начинать конфликт с Россией. Восточная гра-

ница Пруссии, в виду перевеса русских военных сил и дислокаций русских войск, находится под большой угрозой; защитить ее от русского вторжения Англия не в состоянии, так как в Балтийском море ее флот может сделать немногое, а в Чёрное он лишен возможности проникнуть. Таким образом, при совместном выступлении против России Германия одна только и подвергнется сильному риску, совершенно не говоря уже об опасности вторжения Франции. На это Чемберлен дал знать, что должен быть заключен прочный союз, при чем Англия, конечно, возьмет на себя обязательство оказать помощь Германии.

Вслед за тем я указал и на то, что прочность союза будет гарантирована лишь тогда, когда английский парламент даст на него своё согласие. Ибо ведь министерство может по воле народа, выраженной в парламенте, пасть, благодаря чему подпись министерства аннулируется и союз теряет свою силу. Первоначально мы можем рассматривать предложение Чемберлена, лишь как его чисто личную идею.

Ответ Чемберлена гласил, что он добьется вотума со стороны парламента; он сумеет склонить унионистов на сторону этого союза, пусть только его подпишут в Берлине. Однако, союз не был осуществлен, так как нельзя было склонить парламент на сторону этой идеи. Таким образом этот «план» был построен на песке. Вскоре после этого Англия заключила союз с Японией (Гайаси). Началась русско-японская война, в которой Япония—так как это совпадало с ее собственными планами—играла, в угоду английским интересам, раньше предназначавшуюся Германии роль ландскнехта. После войны Россия была отброшена с востока на запад, где она, вместо Китая, могла снова с пользой заниматься Балканами, Константинополем и Индией, вынужденная оставить Японии свободу действий в Корее и Китае.

На 1905 г. падает предпринятая мною, почти помимо моей воли, поездка в Танжер, история которой такова. В начале марта я, как и в предыдущем году, намеревался предпринять с целью отдыха путешествие по Средиземному морю, использовавши для этого один из возвращавшихся в Неаполь из Куксгафена пароходов. Баллин назначил для этой цели пароход «Гамбург». На его предложение взять с собой также гостей, так как пароход был совершенно пуст, я пригласил с собой целый ряд лиц, между ними тайного советника Альтгофа, адмирала Мензинга, графа Пюклера, посла фон-Барнбюлера, профессора Шимана, адмирала Гольмана и др.

Когда стал известен план поездки, Бюлов сообщил мне, что в Лиссабоне сильно желают, чтоб я там остановился и нанес визит двору. Я согласился. Перед самым отъездом Бюлов потребовал, чтобы я остановился и в Танжере, поддержавши своим посещением Марокканской гавани марокканского султана против французов. Я отклонил это предложение, считая, что марокканский вопрос содержит слишком много горючего материала, и опасаясь, как бы мой визит вместо пользы, не принес лишь вред. Но Бюлов все же все время

возвращался к этому вопросу, не сумевши, однако, убедить меня в необходимости и целесообразности визита в Танжер.

В пути я много беседовал с бароном фон-Шеном, сопровождавшим меня в качестве представителя министерства иностранных дел, об оппортунистическом характере этого визита. Мы оба были согласны в том, что лучше оставить мысль о Танжерском свидании. Из Лиссабона я телеграфно сообщил канцлеру об этом решении. Бюлов ответил настойчивым требованием, чтобы я считался с мнением немецкого народа и германского рейхстага, которые желают этого шага: ехать в Танжер, по его словам, было необходимо. Я подчинился с тяжелым сердцем, боясь, что этот визит, в связи с тогдашним положением вещей, в Париже будет сочтен провокацией, а в Лондоне вызовет желание поддержать Францию в случае войны. Подозревая, что Делькассе хочет создать из Марокко повод к войне, я боялся, что он может использовать в этих целях мое посещение Танжера. Свидание произошло с большими трудностями на Танжерском рейде не без дружеского участия итальянских и южно-французских анархистов, мошенников и искателей приключений. На маленькой площади стояла громко кричавшая толпа испанцев со знаменами; это были, по объяснению сопровождавшего меня полицейского чиновника, собравшиеся испанские анархисты.

Первое доказательство того, какое действие произвело свидание в Танжере, я получил, когда прибыл в Гибралтар, где встретил со стороны англичан чисто официальный и ледяной прием, в полную противоположность с сердечным приемом в прошлом году. Что я предвидел, то и подтвердилось на деле. В Париже царили раздражение и гнев. Делькассе пытался подстрекать к войне; он не мог достигнуть своего лишь потому, что как морской, так и военный министры заявили, что Франция еще не готова. Справедливость моих опасений позже подтвердилась также беседой Делькассе с редактором «Gaulois», в которой министр сообщил изумленному миру, что в случае войны Англия станет на сторону Франции. Таким образом, в связи с навязанным мне свиданием в Танжере, я уже тогда почти попал в такое положение, что меня могли обвинять в возбуждении пожара мировой войны. Думать и поступать по-конституционному часто является для государя, на которого в конце концов всегда взваливается ответственность, тяжелой задачей.

В октябре 1905 г. парижская газета «Matin» сообщила о сделанном Делькассе в совете министров заявлении, что Англия предложила на случай войны высадить в Голштинии 100.000 человек и занять канал Императора Вильгельма. Это английское предложение затем было еще раз повторено, при чем Англия соглашалась изложить его в письменной форме. Известный депутат Жорес, убитый в начале войны в 1914 г. во имя политики Извольского, еще раньше знал содержание опубликованных в «Matin» сообщений Делькассе.

Падение Делькассе и замену его Рувье надо приписать отчасти влиянию князя Монакского. Князь во время Кильской недели,

после беседы со мной, с рейхсканцлером и членами правительства, убедился в искренности нашего желания достичь соглашения с Францией, чтобы сделать возможным мирное сожительство обеих стран. Он был в хороших отношениях с германским послом князем Радолином и энергично добивался сближения обеих стран. Сам князь Монакский придерживался того мнения, что Делькассе опасен для сохранения мира; надо надеяться, что Делькассе скоро падет, — говорил князь Монакский,—и будет заменен Рувье, политиком более осторожным и несомненно склонным к соглашению с Германией.

Князь Монакский, лично стоявший близко к Рувье, охотно предлагал германскому послу свои услуги в качестве посредника.

Делькассе пал, и Рувье стал министром. Я приказал тотчас же начать действовать, рассчитывая на поддержку князя Монакского. Канцлер получил приказание подготовить «rapprochement» (сближение с Францией). Я обратил особое внимание князя Радолина, лично получившего в Берлине свои инструкции, на то, что необходимо хорошо использовать звезду Рувье для устранения всех возможностей конфликта между обеими странами, при чем я указал ему, что для сношений с Рувье ему пригодятся информации князя Монакского, которого он хорошо знает. Князь Радолин с радостью, энергично принялся за благодарную задачу. Вначале переговоры шли хорошо, и я уже питал надежду, что важная цель будет достигнута, и что при помощи соглашения удастся сгладить плохое впечатление, произведенное свиданием в Таинкоре. Между тем переговоры о Марокко продолжались и после бесконечных трудностей окончились созывом Алжезирасской конференции на основе выработанной князем Бюловым декларации, подчеркивающей, что пункт 17 Мадридской конвенции о наибольшем благоприятствовании должен остаться основным пунктом соглашения и на Алжезирасской конференции, при чем реформы в Марокко, которых домогается одна лишь Франция, поскольку они действительно необходимы, допустимы только с согласия держав-участниц Мадридской конференции. Эти события, привлекавшие к себе общее внимание, отодвинули на задний план переговоры с Рувье.

В отношении внутренней политики я и канцлер сошлись на том, что главная задача—это снова привести в порядок сильно расклеившиеся при Гогенлоэ партийные дела в рейхстаге и в первую очередь снова собрать вокруг правительства консерваторов, благодаря бисмарковцам, ставшим к нему в оппозицию. Канцлер проводил эту задачу с большим терпением и упорством. В конце концов он добился знаменитого блока, явившегося последствием крупного поражения социалистов на выборах.

В консервативной партии было много членов, имевших прямые отношения с двором, а также и со мной лично. Для этой партии, таким образом, было легче, чем для всякой другой, узнавать о моих планах, как в политической, так и в других областях, и обсуждать вместе со мной мои предложения раньше, чем они становились законопроектами. У меня, однако, нет впечатления, чтобы это делалось в той мере, в какой это было возможно. При непринужденном

предварительном обсуждении, я, вероятно, пришел бы к соглашению с консерваторами, как в вопросе о Срединном канале, проведению которого они, как известно, противились, так и в менее важных вопросах о постройке собора и Берлинской оперы,—вопросах, близких моему сердцу, в связи с моей приверженностью к церкви и искусству.

Если я упомяну, что ладить с консерваторами было вовсе не так легко, то в этом не будет ничего нового. Они, имея, в связи со своей традиционной службой государству, большой опыт и самостоятельные взгляды, пришли таким образом к крепко скроенным государственно-политическим убеждениям, которых и держались стойко и действительно консервативно.

Они преимущественно из своих рядов выдвигали великих государственных деятелей, выдающихся министров, блестящий офицерский корпус, образцовое чиновничество; их самонадеянность не была таким образом необоснована. К этому же надо прибавить, что их преданность королю была непоколебима. Король и отечество были им обязаны благодарностью. Но их слабость состояла в том, что они иногда были слишком консервативны, т.-е. слишком поздно шли навстречу требованиям времени и вначале боролись против всяких прогрессивных шагов, хотя бы они и были направлены в их пользу. Это можно объяснить их прошлым. Но именно это обстоятельство и мешало во время моего царствования, совпавшего со стремительным развитием империи, в особенности же ее промышленности и торговли, полному взаимному внутреннему пониманию между консерваторами и мной, ибо я хотел и обязан был не только не ставить преград развитию страны, но и всячески содействовать ему. Если я сказал, что ладить с консерваторами по указанной мной причине не всегда было легко, то я очень хорошо знаю, что то же самое говорят и про меня. Причина взаимных недоразумений, быть может, кроется в том, что я хотя и был близок по своим традициям к консерваторам, но партийно-политически консерватором не был. Я стоял и теперь стою за прогрессивный консерватизм, который консервирует жизнеспособное, отметает устаревшее и приемлет полезное новое. В общем там, где имело место предварительное обсуждение того или иного вопроса, я переносил даже и неприятную и горькую правду, если только она преподносилась мне в тактичной форме, лучше и считался с ней больше, чем об этом думают.

Если, следовательно, обо мне и о консерваторах утверждают, что как я, так и они были несговорчивы, то это имеет одни и те же корни. В отношении меня со стороны консерваторов было бы только правильнее чаще использовывать путь предварительных объяснений с глазу на глаз. Я к этому всегда был готов. И если мы не могли договориться в вопросе о канале, то как раз консерваторы должны были лучше всего понять и оценить то, что я не разделял точки зрения прекрасного изречения: «Unser König absolut, wenn er unsern Willen tut»[1]). Если бы я признал этот очень удобный для меня прин

[1]) «Наш король самодержавен, если он творит нашу волю».

ции, то именно консерваторы, при своем представлении о сильной, действительно управляющей королевской власти, логически должны были бы бороться против меня. В сущности консерваторы должны были бы одобрить то, что их достойному уважения принципу гражданской гордости перед королевским троном я противопоставил мой принцип королевской гордости перед консервативным парламентским троном, как я это делал и по отношению ко всем другим партиям. Случайные расхождения с консервативной партией и отдельными консерваторами не могут заставить меня забыть услуги, оказанные как раз людьми из этих рядов дому Гогенцоллернов-Прусскому государству и Германской империи.

Но Бюлову все же удался в конце концов трудный фокус, объединения консерваторов с либералами с целью обеспечения значительного большинства за партиями, стоящими за правительство. При этом в самом блестящем свете выявились большие способности канцлера, его ловкость, политическое искусство и проницательное знание людей. Крупные заслуги его в связи с достигнутым им успехом завоевали ему полное признание и благодарность, как с моей стороны, так и со стороны отечества.

Безграничное ликование берлинцев по поводу поражения социал-демократов на выборах вылилось в незабываемую для меня ночную демонстрацию перед дворцом, во время которой мой автомобиль, окруженный многотысячной толпой торжествующих людей, должен был медленным шагом прокладывать себе путь. Лустгартен наполнился огромной массой народа, по бурным требованиям которого императрица и я должны были выйти на балкон.

Канцлер присутствовал при моем свидании с королем Эдуардом VII, в Киле (1904 г.). Среди многочисленных гостей находился также бывший обергофмейстер моей матери, граф Зекендорф, находившийся, в связи со своими частыми посещениями Англии, в долголетнем знакомстве с Эдуардом VII, который удостоил графа большим доверием. Граф Зекендорф по поручению Бюлова, с которым он дружил, устроил беседу английского короля с канцлером. Беседа произошла на борту английской королевской яхты после завтрака, на который были приглашены я и канцлер. Король и канцлер долго сидели вдвоем за сигарой. Впоследствии Бюлов рассказал мне содержание этой беседы. При обсуждении вопроса о заключении союза между Германией и Англией, король заявил, что в этом нет никакой необходимости, ибо не существует никаких оснований вражды и раздоров между этими странами. Отклонение предложения от союза было очевидным доказательством незыблемости английской политики окружения, скоро обнаружившейся особенно ясно и неприятно на Алжезирасской конференции. Дружественный Франции и неприязненный к Германии образ действий Англии, открыто выявившийся на конференции, был следствием особого приказа короля Эдуарда VII, делегировавшего в Алжир в качестве своего контролирующего представителя, лично инструктированного им сэра Mackenzie Wallace.

Из намеков, сделанных сэром Wallace своим знакомым, было ясно, что желание короля—оказывать резкое противодействие Гер-

мании и при всяком случае поддерживать Францию. Когда внимание сэра Wallace было обращено на то, что в сущности можно, прийти к сближению с Германией, сговорившись с ней предварительно по тому или иному вопросу, он отвечал, что на первом плане должно стоять англо-русское соглашение; когда последнее будет достигнуто, можно будет «поладить» и с Германией. Английское «поладить» означало окружение Германии.

Отношения между мной и канцлером в течение всего этого времени были дружеские и полные доверия. Канцлер несколько раз приезжал также и на «Кильскую неделю». Здесь ему, между прочим, представился случай переговорить с князем Монакским и многими, находившимися на яхте последнего влиятельными французами, самым выдающимся из которых был, несомненно, м-сье Жюль Рош, лучший знаток всех европейских бюджетов и большой поклонник Гете, всегда носивший при себе в кармане «Фауста».

В апреле 1906 г. произошел печальный случай с переутомленным канцлером, упавшим в рейхстаге в обморок. Получив известие об этом, я тотчас же поспешил туда и был рад, что статский советник Ренверс мог дать мне успокоительные сведения о состоянии здоровья Бюлова. Летом, во время пребывания князя на отдыхе в Нордерней, я из Гельголанда, где производил инспектирование, поехал на миноносце в Нордерней и сделал сюрприз канцлеру и его супруге, неожиданно посетивши их на их вилле. Я провел день в легком разговоре с уже поправившимся, загоревшим от морского воздуха и солнца канцлером.

Поздней осенью 1907 г. императрица и я, по приглашению короля Эдуарда VII, поехали на свидание с ним в Виндзор, прошедшее очень хорошо, при чем со стороны английской королевской семьи нам был оказан очень любезный прием. После Виндзорского свидания я поехал на отдых в принадлежавший генералу Стюарт-Уэртлей (Stuart-Wortley) замок Гайлайф (Highcliffe), расположенный на южном берегу Англии против Нидльса (Needles).

Перед моим отъездом в Англию канцлер, очень довольный английским приглашением, имел продолжительные беседы со мной о средствах, каким образом стать на более дружескую ногу с Англией, и напутствовал меня различными пожеланиями и предложениями, которых я должен был придерживаться, как основной линии своего поведения, в беседах с англичанами. Во время моего пребывания в Англии я неоднократно имел случай говорить о намеченных канцлером темах и довести до сведения Эдуарда высказанные мне при отъезде пожелания канцлера. Шифрованные телеграммы с сообщением об этих беседах регулярно отправлялись мной в Берлин. В ответ я несколько раз получал от канцлера телеграммы с выражением его одобрения. Я показывал их вечером после ужина бывшим со мной доверенным лицам; так, их, например, читали обергофмаршал граф Эйленбург и князь Макс Эгон Фюрстенберг, радовавшиеся вместе со мной одобрению канцлера. По возвращении из Англии я сделал канцлеру общий доклад, после чего он выразил мне

благодарность за то, что я так много лично потрудился и поработал для улучшения взаимоотношений обеих стран.

Через год последовал инцидент с так называемым интервью, опубликованным в «Daily Telegraph». Целью этого интервью было улучшение англо-германских отношений. Через представителя министерства иностранных дел господина фон-Иенниша я передал предложенный мне черновик на рассмотрение канцлера. При помощи примечаний я указал на некоторые места, которые, по моему мнению, не годились и должны были быть вычеркнуты. Это, однако, в связи с целым рядом недосмотров со стороны министерства иностранных дел при прохождении по инстанциям, не было сделано. В прессе разразилась буря. Канцлер выступил в рейхстаге, защищая однако кайзера от нападок на него не в такой степени, как я ожидал, и заявивши, что в будущем он воспрепятствует обнаружившейся в последние годы склонности кайзера к личной политике. Консервативная партия опубликовала в прессе открытое письмо королю, содержание которого известно. Во время этих событий я находился сначала в Эккартсау у австрийского наследника Франца Фердинанда, а затем в Вене у императора Франца Иосифа. Оба они порицали поведение канцлера. Из Вены я поехал в Доннауэшпиген, чтобы нанести визит князю Фюрстенбергу. Пресса нашла возможным обратиться к нему с требованием, чтобы он, как честный и прямой человек, еще раз, как следует, сказал кайзеру правду. Когда мы вместе обсудили весь инцидент, князь посоветовал мне восстановить в министерстве иностранных дел текст телеграмм, которыми я в 1907 г., во время моего пребывания в Гайлайфе, обменялся с канцлером и представить их рейхстагу.

От всего этого я морально тяжело страдал. К этому присоединилось еще и то, что как раз в это время внезапная смерть похитила у меня близкого друга детства, военного министра графа Гюльзен-Гезелер. Преданная, самоотверженная дружба и забота со стороны князя Фюрстенберга и его близких были для меня благодетельными в эти тяжелые дни. Письма из Берлина, часть которых становилась на мою сторону, резко осуждая канцлера, также служили мне утешением.

По моем возвращении ко мне явился канцлер и, прочитавши лекцию о моих политических прегрешениях, потребовал подписания мной официального заявления, которое затем и было передано прессе. Я подписал это заявление так же молча, как молча я терпел нападки прессы на меня и на корону. Канцлер своим поведением нанес тяжелый удар прочному доверию и искренней дружбе, связывавшим нас до тех пор. Сам князь Бюлов был, несомненно, того мнения, что своим поведением в этом инциденте, как в рейхстаге, так и по отношению ко мне лично, он лучше всего служит мне и делу, особенно если принять во внимание, что волны общественного негодования вздымались тогда очень высоко. Но я не мог одобрить его поведения, тем более, что его выступление против меня в инциденте с интервью в «Daily Telegraph» стояло в резком противоречии с предупредительностью и уважением, которые Бюлов обычно мне выказывал. Я так привык к проявле-

нию любезности со стороны князя, что мне было непонятно его обращение со мной в этом случае. Во всяком случае прекрасные и дружеские до тех пор отношения между кайзером и канцлером были омрачены. Я прекратил личное общение с канцлером, ограничиваясь только деловыми и официальными встречами. Посоветовавшись с министром двора, я решил привести в исполнение предложение князя Фюрстенберга о восстановлении текста телеграммы из Райлайфа, поручив это сделать министерству иностранных дел. Но план этот потерпел крушение, так как нельзя было найти соответствующих материалов.

В конце зимы канцлер попросил у меня аудиенцию. Я ходил с ним взад и вперед по картинной галлерее дворца, между портретами моих предков и картинами битв Семилетней войны и был изумлен, когда канцлер вернулся к событиям осени 1908 г., объясняя свое тогдашнее поведение. Я воспользовался случаем, чтобы поговорить с ним обо всем происшедшем. Откровенная беседа и удовлетворившие меня объяснения князя устранили натянутость между нами. В результате Бюлов остался на своей должности. Канцлер попросил меня прибыть в тот же день вечером к нему на обед, как я это часто делал раньше, чтобы ясно доказать обществу, что все между нами опять обстоит благополучно. Я исполнил его желание. Этот знаменательный день закончился вечером, на котором, видимо, обрадованная княгиня держала себя с пленительной любезностью, а князь по обыкновению вел оживленную и умную беседу. После какой-то остряк в одной газете сочинил об этой аудиенции стишок по знаменитому образцу: «Die Träne quillt, Germania hat mich wieder» [1]). Этим примирением я хотел также доказать, что привык ставить дело выше личной обиды. Несмотря на огорчавшее меня поведение князя Бюлова в рейхстаге, я, само собой, никогда не забывал его выдающихся достоинств, как государственного деятеля, и его крупных заслуг перед отечеством. Благодаря его ловкости, ему удалось, несмотря на многие кризисы, избежать мировой войны, и притом в такое время, когда я вместе с Тирпицем строил наш оборонительный флот. Это было большое достижение.

За аудиенцией последовал еще серьезный эпилог с консерваторами. Министерство внутренних дел сообщило центральному комитету партии об аудиенции и ее результатах, с просьбой, чтобы и партия взяла теперь обратно свое «открытое письмо». Эта просьба, выдвинутая исключительно в интересах престижа короны, а не моей личности, была отклонена партией. Только во время войны (1916 г.), при посредстве представителя консервативной партии при главной квартире, между нами завязались прежние связи. Если консерваторы недостаточно вступились за корону, то, конечно, левые либералы, демократы и социалисты тем более отличились в поднятой ими буре негодования, справлявшей настоящие оргии в их партийной прессе, громко взывавшей к ограничению автократически-самодержавных вожделений и т. д. Это продолжалось в течение всей зимы, не

[1]) «Слезы льются, Германия снова имеет меня».

встречай никакого противодействия и никаких опровержений со стороны высших правительственных кругов. Только после аудиенции, данной канцлеру, все снова смолкло.

Позднее все больше и больше стало обнаруживаться охлаждение между канцлером и партиями. Консерваторы отгораживались от либералов, блок получил трещину и в конце концов он вместе с канцлером был погублен центром и социалистами, как это мне позднее неоднократно, в последний раз еще в Спа, рассказывал граф Гертлинг. Последний гордился тем, что принимал энергичное участие в падении Бюлова. Когда дела стали хромать, канцлер сделал соответствующее заключение и посоветовал мне избрать пятым канцлером господина фон Бетмана. После долгих совещаний я решил исполнить желание Бюлова, приняв его отставку и назначив канцлером рекомендованного им преемника.

V.

БЕТМАН.

Господин фон Бетман-Гольвег был мне хорошо знаком еще со времен моей молодости. Когда я в 1877 г. заканчивал первый период моей действительной военной службы, в качестве лейтенанта I гвардейского полка, часть последнего была расквартирована в Гогенфинове у старого господина фон Бетман, отца будущего канцлера. Я чувствовал себя вовлеченным в симпатичный семейный круг, во главе которого стояла достойная и обаятельно-умная жена фон Бетмана, урожденная швейцарка. Впоследствии, я, еще будучи принцем, а позднее и кайзером, часто приезжал в Гогенфинов, навещая старика Бетмана. Каждый раз при этом встречал меня молодой Бетман: мы оба тогда не подозревали, что он некогда станет моим рейхсканцлером.

В этой обстановке все больше и больше развивалось то живое общение между нами, благодаря которому мое уважение к работоспособности, дарованиям, и симпатичному мне благородному характеру Бетмана постоянно возрастало. Мое уважение сопровождало его во всей его чиновничьей карьере.

Как обер-президент Бранденбурга и имперский статс-секретарь по внутренним делам, Бетман выказал себя с хорошей стороны и, уже в качестве статс-секретаря, с успехом выступал в рейхстаге.

Мне было легко работать с канцлером. Я и при Бетмане продолжал придерживаться привычки посещать канцлера по возможности ежедневно, подробно обсуждая с ним во время прогулки по саду канцлерского дворца вопросы политики, события дня и разного рода проекты и выслушивая его доклады.

Я охотно бывал и в доме канцлера, так как спутница его жизни, образец настоящей немецкой женщины, обладала скромным благородством, которое вызывало к ней уважение со стороны каждого посетителя; ее обаятельная сердечная доброта распространяла вокруг себя атмосферу редкой теплоты. Небольшие вечера, введенные в обычай Бюловым и особенно ценившиеся мной, устраивались и Бетманом, что по прежнему давало мне возможность входить в непринужденное общение с людьми всех кругов общества и всяких званий.

Во время поездок, которые канцлер должен был предпринять с целью представительства, он, благодаря своему выдержанному спокойствию и превосходной манере выражаться, снискал себе повсюду общие симпатии. Та часть заграницы, которая была настроена к нам не враждебно, считала его фактором политической устойчивости и мира, который он, совершенно в моем духе, энергично стремился сохранить и упрочить.

Что касается иностранной политики, то канцлера с самого начала беспокоило положение, занятое Англией по отношению к Германии, как и все более выявлявшаяся, начиная с Ревеля, политика «окружения» короля Эдуарда VII. Последняя причиняла ему такие же заботы, как и все возраставшая жажда реванша во враждебной нам Франции и ненадежность России. В период его канцлерства стало ясно, что и на Италию в военном отношении рассчитывать нельзя; кампания Баррера хронически порождала там возможность всякого рода сюрпризов.

При своем вступлении в должность г. фон-Бетман нашел ситуацию с Францией отчасти прояснившейся, так как 9 февраля 1909 г. было подписано германско-французское соглашение насчет Марокко. Этим соглашением князь Бюлов подтвердил отступление германской политики в отношении Марокко, признавши там политическую гегемонию Франции. Точка зрения, руководившая нашей политикой при поездке в Танжер и на Алжезирасской конференции, была, таким образом, окончательно оставлена. Глубокое удовлетворение французского правительства, в связи с этим успехом, выразилось в мало радостном для нас пожаловании князю Радолину и господину фон-Шену ордена Почетного легиона.

В тот же день король Эдуард VII с королевой Александрой нанесли свой первый официальный визит германской императорской чете в столице Берлине; наконец-то, через 8 лет после своего восшествия на престол, король Эдуард собрался с визитом. Берлин встретил высокого гостя с ликованием (!!) и ничем не выказал своего недовольства неприязненной к Германии политикой английского короля. Король в смысле здоровья не производил благоприятного впечатления. Он постарел, был утомлен и страдал, сверх того, сильным катаром. Несмотря на это, он принял приглашение берлинского городского самоуправления на чашку чаю в ратуше. По его рассказам, подтвержденным и берлинцами, встреча английского короля с берлинскими городскими деятелями была во всех отношениях удачна. Я сообщил Эдуарду, моему дяде, о подписании германско-французского соглашения относительно Марокко; он принял это известие с видимой радостью. Когда я прибавил: «У hope this agreement will be a steppingstone to a better understanding bet ween the two coun tries» [1]), король, одобрительно кивнув головой, сказал: «May that be so» [2]). Если бы король в этом же духе действовал, мои надежды, вероятно, не потерпели бы крушения. Все же в тот момент визит английской королевской четы породил более дружескую атмосферу.

Во время своего канцлерства господину ф.-Бетману пришлось, в связи с известными событиями 1909—1914 г.г., усиленно заниматься вопросами иностранной политики.

Об этом периоде уже опубликован с разных сторон богатый материал, как, напр., в книге статс-секретаря фон-Ягова: «Причины

---

[1]) «Я надеюсь, что это соглашение будет шагом вперед в смысле улучшения взаимоотношений обеих стран».

[2]) «О, если бы это было так».

мировой войны. В «Бельгийских документах» объективно обрисовано поведение германского правительства в различных запутанных вопросах международной политики. Здесь следующим образом определяются основные линии моего поведения: с одной стороны, осторожная сдержанность, а с другой стороны, поддержка австро-венгерского союзника во всех случаях, где дело шло об очевидной угрозе его великодержавному положению, с одновременными, однако, советами Австро-Венгрии проявить возможную умеренность. Работа «честного маклера» и посредническая деятельность повсюду, где возникала опасность миру, и, наконец, твердая защита своих собственных интересов. То, что рядом с этим, в связи с стремлениями окружения Германии со стороны ее противников, шло, направленное к определенной цели, усиление армии и флота, как средств обороны, при центральном положении Германии с ее открытыми, незащищенными границами, было повелительным долгом самосохранения. Этот исторический период хорошо обрисован и в книге Штегемана. Не менее интересно изображают канун войны Фридъюнг, Гельфферих и др.

Смерть инициатора политики «окружения», Эдуарда VII, про которого в докладе бельгийского посла из Берлина было однажды сказано, «что европейский мир подвергается наибольшей опасности как раз тогда, когда король английский старается его обеспечить», вызвала меня в Лондон, где я разделил с родственным мне королевским домом печаль, в которую кончина короля повергла английскую династию и нацию. Вся королевская семья, в знак своей благодарности за проявленное мной родственное отношение, встретила меня на вокзале. Король Георг поехал со мной в Вестминстер-Галль, где на высоком катафалке покоился великолепно украшенный гроб, охраняемый военным караулом из гвардейских и линейных войск, отрядами из Индии и колоний, при чем все они стояли в характерной траурной позе, с опущенными головами, скрестивши руки на ружейных прикладах и рукоятках шпаг, с обращенным вниз оружием. Старинная зала под могучим готическим деревянным сводом, скупо освещенная лишь несколькими солнечными лучами, падавшими из узких окон, мощно высилась над катафалком. Один луч блестел на украшенном английской короной пышном гробе короля, вызывая причудливую игру красок на драгоценных камнях. Мимо катафалка безмолвно проходили бесконечные толпы мужчин, женщин и детей всех сословий и званий, многие со сложенными руками, чтобы отдать последний долг пользовавшемуся популярностью государю. Это была глубоко захватывающая картина в причудливой средневековой раме.

Вместе с королем Георгом я подошел к катафалку, возложил венок и произнес тихо молитву, при чем моя правая рука и рука короля—кузена сами собой нашли друг друга и сомкнулись в крепком пожатии. Это произвело глубокое впечатление на присутствовавших; вечером один из моих родственников сказал мне по этому поводу: «Your handshake with our king is all over London, the people are deepey impressed by it and take it as a good omen for

the future» [1]).—«That is the sincerest wish of my heart» [2])—был мой ответ.

Сопровождая верхом гроб моего дяди, я был свидетелем величественной захватывающей траурной демонстрации, при чем, несмотря на огромные толпы народа, которых насчитывали несколько миллионов, на улицах, балконах и крышах видны были люди исключительно в черном и мужчины с обнаженными головами; всюду царили образцовый порядок и безмолвная тишина.

На этом торжественно-мрачном фоне еще более красочно выделялись шпалеры британских войск. Великолепный вид имели батальоны английской гвардии в своих великолепно сшитых красных мундирах, белом кожаном снаряжении и черных медвежьих шапках. Это было великолепное зрелище поразительной военной выправки, настоящая радость для каждого подлинно-солдатского сердца. Шпалеры войск также стояли в уже описанной мной траурной позе. Во время моего пребывания в Лондоне, я, по особому желанию короля Георга, жил в Букингемском дворце. Вдова усопшего короля, королева Александра, приняла меня с трогательной добротой и много говорила со мной о прошлых временах; мои воспоминания о Лондоне начинались еще с детских лет, так как еще мальчиком я присутствовал на свадьбе моего усопшего дяди.

Для многочисленных знатных гостей и их свиты, как и для представителей иностранных держав, королем был дан банкет, на котором, между прочим, присутствовал г. Пишон. Он был мне представлен, и в разговоре с ним я мог передать ему пожелания канцлера, касавшиеся наших интересов в Марокко и некоторых других политических вопросов. Господин Пишон с готовностью обещал выполнить эти пожелания. Все остальное, что позже связывалось с этим разговором, принадлежит к области фантазии.

Хотя 1909—1914 г.г. требовали необычайного внимания к внешней политике, все же одновременно уделялось усиленное внимание и внутреннему строительству, считаясь с требованиями быстро расцветавших торговли, промышленности, сельского хозяйства и путей сообщения. К сожалению, работы в этом направлении сильно затруднялись жестокими партийными раздорами.

Канцлер стремился провести все, что было осуществимо. Но его склонность к чрезмерно-детальному анализу всех проблем и его желание проводить лишь то, что он при своей педантичной рассудительности считал окончательно созревшим, стали с течением времени сильно тормозить внутреннее строительство. Было трудно заставить его принять какое-нибудь решение, пока он не был убежден в его абсолютной непререкаемости. Это затрудняло сотрудничество с ним и вызывало у менее знавших его впечатление нерешительности, в то время как это, в сущности, была лишь чрезмерная добросовестность.

[1]) «О рукопожатии, которым вы обменялись с нашим королем, говорят во всем Лондоне; оно произвело глубокое впечатление на народ, рассматривающий его как хорошее предзнаменование для будущего».

[2]) — «Это самое искреннее мое желание».

К тому же у канцлера со временем стало проявляться сильное и все возраставшее стремление выдвигать свое превосходство, часто доходившее в спорах до упрямой, почти менторской неуступчивости и поучений инакомыслящих. Это создало ему много врагов и часто портило мне жизнь. Один знакомый канцлера, знавший его с детства, которому я при случае сказал об этой черте Бетмана, заметил, смеясь, что эта черта его характера проявилась еще в школе. И тогда уже г. фон-Бетман беспрестанно менторствовал и поучал своих товарищей по классу, к которым принадлежал и мой собеседник; в классе поэтому ему даже дали прозвище «гувернантка». Это качество,—сказал мой собеседник,—несчастие для Бетмана, ибо большинство людей не хочет больше иметь гувернантки, но оно вошло ему в плоть и кровь, и от этой своей черты он уже не откажется.

Характерным в этом смысле является отношение Бетмана к господину ф.-Кидерлену, которого Бетман, несмотря на мое настойчивое нежелание, непременно хотел иметь своим статс-секретарем. Господин ф.-Кидерлен был дельным работником, но с сильным характером, всегда стремившимся отстоять свою самостоятельность. После того, как Кидерлен занимал свою должность уже около года, вдруг ко мне приходит однажды г. фон-Бетман, начинает жаловаться на своенравие и неподчинение Кидерлена и просит, чтоб я его усовестил. Я отклонил эту просьбу, указавши на то, что канцлер выбрал Кидерлена против моей воли и должен сам с ним уметь справиться. Поддержание дисциплины в ведомстве иностранных дел,—сказал я,—обязанность самого канцлера, а у меня нет никакого желания вмешиваться в это дело. Непригодность Бетмана, как канцлера, стала между тем очевидной. По существу своего характера он был пацифистом, и им владела мысль притти какой угодно ценой к соглашению с Англией. Я прекрасно понимаю, когда пацифистки-настроенный человек поступает так, в надежде таким образом избежать войны. Цели Бетмана вполне отвечали моей политике. Но те методы, какими Бетман пытался осуществить их, я считал непригодными. При всем том я поддерживал все его усилия в этом отношении, на самом деле не веря в их действительный успех. В течение его канцлерства в конце концов стало все больше выясняться, что реальные задачи политики были очень далеки от него. А между тем он всегда вел себя так, словно знает все лучше других. И меня он постоянно поучал. В связи с этим слишком высоким мнением о себе, он был непоколебим в своих суждениях, уверенный в их правильности даже тогда, когда на самом деле все случалось иначе, чем он себе представлял.

Его доклады всегда были прекрасно подготовлены, блестящи по форме и поэтому производили подкупающее впечатление. А между тем именно в этом крылась известная опасность. Судя по его докладам, существовало всегда одно разрешение того или иного вопроса, которое он и предлагал. Кажущаяся положительность и обоснованность его докладов и проектов, всестороннее освещение затрогиваемых вопросов, ссылки на авторитеты, на иностранных и немецких политиков, дипломатов и т. п.—все это легко вызывало

впечатление, будто бетмановское разрешение вопроса является единственным достойным внимания. Несмотря на такую основательную разработку всех вопросов, он делал одну ошибку за другой.

И именно поэтому он был, на ряду с другими, виновником постигшего нас несчастья.

По моем прибытии в 1914 г. из поездки на север, Бетман, не отказываясь от портфеля, все же признался, что все его политические расчеты потерпели неудачу. При всем том я и после его речи в рейхстаге и объявления войны Англией 4 августа 1914 г. оставил Бетмана на его посту, ибо считал чрезвычайно опасной смену лиц на высшем государственном посту в самый критический момент германской истории. Это могло помешать тому сплоченному народному единению, в котором мы нуждались в связи с вызовом Антанты. К тому же, как сам канцлер, так и министр внутренних дел утверждали, что за Бетманом стоят рабочие. Я не хотел отнять у рабочих, ведших себя в 1914 г. безупречно, государственного деятеля, к которому они, как мне было сказано, питали доверие.

Постоянные утверждения министра внутренних дел и представителя иностранного ведомства о том, что лишь Бетман пользуется поддержкой рабочих, в конце концов еще подкрепились и донесением мне, что канцлер списка л себе также необходимое для заключения мира доверие заграницы. Бетман поэтому оставался в своей должности, пока кронпринц, наконец, не установил у партийных вождей, что все эти утверждения об общем доверии к Бетману ошибочны. Это стало для меня особенно ясно тогда, когда по уходе Бетмана, в котором сыграли роль еще и другие причины, я именно в демократической и социал-демократической прессе прочел самые неодобрительные отзывы о нем.

Настоящими откровенными замечаниями я не хочу обвинять Бетмана и оправдывать других. Но когда говорят о таких важных вопросах, то личные соображения должны отойти на задний план. В благородных намерениях Бетмана я никогда не сомневался.

Здесь надо также сказать несколько слов и о реформе прусского избирательного права, так как поведение г. фон-Бетмана в этом вопросе характерно для его осторожно-медлительной политики. В течение зимы 1914—15 гг.,—когда после блестящего летнего похода наступила суровая и тяжелая зимняя окопная война,—героические подвиги войск и прекрасный дух, который я наблюдал как у офицеров, так и у солдат на позициях и в лазаретах, произвели на меня такое глубокое впечатление, что я решил про себя и с своей стороны приготовить своему испытанному, прекрасному «вооруженному народу» при его возвращении домой приятный подарок в виде реформы избирательного права.

Я часто обсуждал эту тему в разговорах с приближенными, указывая на необходимость реформы прусского избирательного права. Человек, который возвратится домой после такой войны с орденом Железного креста, иногда даже и обеих степеней, не должен быть обойден при выборах.

В это же время подоспела переданная мне г. фон-Лебель записка, по тем же соображениям возбуждавшая вопрос о реформе прусского избирательного права. Краткое, ясное и убедительное изложение так мне понравилось, что я давал читать разным лицам эту записку, выдвигавшую, главным образом, лишь общие принципы, не останавливаясь на деталях. Я был рад, что у всех, кого я только ни спрашивал, записка находила полное признание.

Через министра внутренних дел фон-Валентини я передал мою благодарность господину фон-Лебель и поручил ему представить новую, более детально разработанную, записку с практическими предложениями.

Это было выполнено им весной 1915 года. Записка, широко детализировавшая вопрос, разбирала различные избирательные системы, определенно не предлагая, однако, ни одной из них. Записка была одобрена мной и отослана рейхсканцлеру с приказом в течение года обсудить ее в кабинете министров и представить мне соответствующий законопроект. Закон этот, понятно, должен был быть введен лишь после заключения мира.

Тотчас же после этого я направился в Плесс. Битва при Горлице-Тарнове, окончившаяся победоносным разгромом врага, явилась вступлением к всецело захватившему мое внимание галицийско-польскому походу, поведшему к завоеванию вновь Львова, Перемышля, занятию Варшавы, Модлина, Брест-Литовска и т. д.

В это же время бросил свою зловещую тень на события и случай с «Лузитанией». Италия разорвала союз,—неудивительно, что записка об избирательном праве отошла у меня на задний план.

Зима и лето 1916 г. с их боями на всех фронтах, кровавым летним сражением и блестящей осенней и зимней румынской кампанией, требовали моего присутствия во всех пунктах западного и восточного фронта до Орсовы и Ниша, где произошло первое знаменательное свидание с болгарским царем, и я, понятно, не мог заняться внутренней реформой так детально, как это диктовалось важностью вопроса.

Весной 1917 года я обратился к канцлеру с предложением составить к Пасхе проект обращения к народу относительно реформы, имея, конечно, в виду, что кабинет министров уже давно обсудил записку фон-Лебеля. Канцлер сговорился в Гомбурге с главой министерства и со мной насчет текста указа, в котором он предложил оставить открытым вопрос о формах избирательного права, так как вопрос этот им еще не совсем выяснен.

На Пасхе и появился указ, в основу которого, как и предвиделось раньше, была положена мысль, что реформа должна быть проведена только после заключения мира, так как большая часть избирателей находилась на позициях перед лицом врага.

Партии и пресса своими спорами и раздорами, требованиями введения в Пруссии общеимперской избирательной системы и внесения соответствующего законопроекта еще во время войны, со своей стороны сделали все возможное, чтобы отсрочить осуществление моих первоначальных намерений. Таким образом, вопрос вступил в мало

утешительную, медленную фазу своего развития, особенно затянувшуюся вследствие бесконечных переговоров в ландтаге. Лишь после ухода ф.-Бетмана я узнал через ф.-Лебеля, что его записка 1915 г. вовсе не была представлена кабинету министров, а без движения пролежала полтора года под сукном. По рассказам Лебеля канцлер под давлением страны отказался от всех новых предложенных избирательных систем, так как был убежден в неизбежности введения и в Пруссии, уже существовавшего при выборах в рейхстаг, общего избирательного права.

Во всяком случае первоначальное мое желание, благодаря медлительной политике Бетмана и партийным раздорам, было таким образом основательно искажено. Я хотел по собственной инициативе, без всяких влияний извне, встретить почетным даром свою победоносно возвращающуюся домой армию, свой «вооруженный народ», своих храбрых пруссаков, с которыми я сообща стоял пред лицом врага.

Сильное стремление канцлера всячески проявлять свое превосходство приводило к тому, что при нем статс-секретарь по иностранным делам не играл самостоятелной роли, и ведомство иностранных дел было как бы филиальным отделением управления канцлера, что особенно чувствовалось в отношении отдела прессы. Бетман также претендовал на полную самостоятельность и по отношению ко мне. Опираясь на то, что согласно конституции, канцлер один несет ответственность за внешнюю политику, он повсюду распоряжался совершенно свободно и по своему усмотрению. Ведомство иностранных дел могло сообщать мне лишь то, что было удобно канцлеру, и поэтому я часто не был информирован о самых важных вопросах. Вина в том, что подобное явление вообще могло иметь место, лежит в имперской конституции. Здесь вообще будет уместно прибавить несколько слов о взаимоотношениях между кайзером и канцлером, как они определяются по смыслу имперской конституции. Я говорю, следовательно, не о моем отношении к господину фон-Бетману, а, совершенно не касаясь личностей, имею в виду ненормальность отношений между кайзером и рейхсканцлером, порождаемую имперской конституцией.

Я обращаю внимание на следующие пункты:

1. Согласно имперской конституции канцлер является руководителем и представителем иностранной политики всего государства; он несет полную ответственность за эту политику и осуществляет ее после докладов кайзеру посредством подчиненного ему ведомства иностранных дел.

2. Кайзер имеет влияние на иностранную политику лишь постольку, поскольку канцлер предоставляет ему это влияние.

3. Кайзер может проявить свое влияние лишь путем обсуждения информации, возбуждения тех или иных вопросов, посредством разных предложений и докладов о вынесенных им из своих заграничных поездок впечатлениях, дополняющих политические донесения послов.

4. Канцлер может допустить подобное влияние кайзера, руководясь им в своих решениях, если он согласен со взглядами кайзера на тот или иной вопрос. В противном случае он остается при своей точке зрения и проводит ее. (Пример—телеграмма президенту Крюгеру).

5. Согласно конституции у кайзера нет никаких средств заставить канцлера и ведомство иностранных дел принять его точку зрения на вопросы иностранной политики. Он не может заставить канцлера вести такую политику, за которую канцлер не считает возможным нести ответственность. Если кайзер все же настаивает на своем, то канцлер может потребовать отставки.

6. С другой стороны у кайзера нет никаких конституционных средств помешать канцлеру и ведомству иностранных дел вести ту политику, которую кайзер считает опасной или неправильной. Если канцлер настаивает на своей точке зрения, кайзеру остается только прибегнуть к смене канцлера, но каждая такая смена—«тяжелая процедура», глубоко задевающая жизнь наций, и поэтому во времена политических затруднений и острых моментов чрезвычайно опасна, являясь ultima ratio, тем более рискованной, что число лиц, пригодных для этого ненормально выросшего по своему значению поста, очень ограничено.

Роль рейхсканцлера, скроенная по масштабу выдающейся личности Бисмарка, в связи со все более расширявшимися имперскими ведомствами, начальником и ответственным руководителем которых был канцлер, приобрела опасный характер в смысле чрезмерного сосредоточения власти в руках одного канцлера. Если принять во внимание этот факт, то никак нельзя просто взваливать на одного кайзера ответственность за все, как это делали еще раньше, а особенно к концу войны и после нее Антанта, критики-всезнайки и брюзжащие сторонники переворота внутри страны. Отметая все субъективное, надо все же сказать, что это является доказательством полного незнакомства с прежней германской имперской конституцией.

Потсдамское свидание с царем в ноябре 1910 года, вполне удовлетворившее всех его участников, было использовано канцлером и господином фон-Кидерленом для того, чтобы войти в сношения с вновь вступившим в должность господином Сазоновым, которого царь для этой цели и привез с собой. Русский государь, повидимому, чувствовал себя у нас хорошо и принял живое участие в устроенной в его честь охоте, в которой он показал себя страстным охотником.

Успех переговоров между государственными деятелями обеих стран, казалось, обещал хорошие виды на будущее: и обе стороны, ознакомившись ближе друг с другом и успокоившись от прежних тревог, прониклись надеждой на то, что наши взаимоотношения примут благоприятный характер. Во время моего пребывания весной на Корфу начались беспорядки малиссоров, приковавшие к себе напряженное внимание Греции. В Корфу были хорошо осведомлены о постоянной контрабанде оружия из Италии через Валону в Албанию, и в греческих кругах склонялись к мнению, что в этих собы-

тиях не малую роль сыграли разные махинации, строившиеся как по ту сторону Адриатического моря, так и в Черногории. Новый турецкий режим, как указывали в греческих кругах, не умеет обращаться с албанцами, которые очень обидчивы и недоверчивы. Прежний султан Абдул Гамид очень хорошо знал эти черты албанцев и прекрасно умел наладить хорошие отношения с ними и держать их в повиновении. Однако, осложнений событий в Албании никто не опасался.

В начале 1911 г. я получил очень сердечное письменное приглашение английского короля Георга присутствовать вместе с императрицей на открытии памятника королеве Виктории, нашей общей бабушки. В связи с этим я в середине мая отправился вместе с императрицей и нашей дочерью в Лондон.

Как со стороны английской королевской семьи, так и со стороны жителей Лондона, нам был оказан сердечный прием. Торжество по поводу открытия памятника было мастерски организовано и очень пышно. Огромная круглая площадь перед Букингемским дворцом была окружена трибунами, переполненными приглашенной публикой. На площади стояли шпалеры войск всевозможных родов оружия и полков британской армии в парадных формах, кавалерия и артиллерия. К памятнику были стянуты знаменосцы со всеми войсковыми знаменами. Королевская семья с ее гостями и свитой сгруппировалась перед самым памятником. Король Георг произнес, произведшую хорошее впечатление, приветственную речь, в которой упомянул, между прочим, и о германской императорской чете.

Окутывавшее памятник покрывало упало при салютах и приветственных криках. Момент, когда показалась мраморная статуя сидящей на троне королевы, над которой возвышалась золотая богиня победы, был захватывающий. Затем последовало прохождение в церемониальном марше стоящих на параде войск; впереди шли гвардейцы, затем—горцы, своими яркими цветными одеждами вносившие в картину военного зрелища элемент какой-то особой живописности; за ними следовали остальные войска. Парад происходил на круглом плацу, и войска должны были двигаться в постоянных поворотах; в то время, как наружное крыло выступало вперед, внутреннее должно было задерживаться. С этой нелегкой задачей войска справились блестяще; ни один солдат не выступил из шеренги. Руководивший парадом герцог Коннаутский по справедливости встретил общее, всецело выпавшее на его долю, одобрение.

Остальные дни нашего пребывания в Лондоне были использованы для прогулок; в связи с проявленным к нам со стороны знатных английских семей гостеприимством, мы имели также случай вступить в тесное общение со многими членами английского общества.

Особое художественное наслаждение король дал своим гостям театральным представлением в «Drury Lane». Была поставлена специально для этого случая сформированной труппой, состоявшей из первых в Лондоне актеров и актрис, известная английская пьеса «Money». В виде сюрприза в антракте опустился нарисованный ad hoc одной дамой занавес, в натуральную величину изображавший

нас, короля Георга и меня, верхом подъезжающими друг к другу, салютуя по-военному. Картина, выполненная с большой экспрессией, вызвала громкие аплодисменты публики. Игра артистов и артисток в «Money» была образцовой, так как каждый из них передавал свою роль, даже самую маленькую, в совершенстве. Это было действительно классическое представление.

На другой день были продемонстрированы на Олимпийском пристанище спортивные состязания британской армии и флота; эти состязания обнаружили выдающееся спортивное искусство, как отдельных лиц, пеших и конных, так и целых сомкнутых войсковых частей. Описывая здесь открытие памятника и еще раньше похороны Эдуарда VII, я намеренно говорил о внешней пышности и помпе, обычных в подобных случаях в Англии. Как видно, в парламентски управляемой, так называемой демократической стране придают больше значения почти средневековым проявлениям помпезной пышности, чем в Германской империи.

Поведение французов в Марокко, не соответствовавшее постановлениям Алжирской конференции, снова привлекло к себе внимание дипломатов.

Канцлер поэтому попросил меня, если представится случай, узнать мнение короля Георга о Марокканском вопросе. Я спросил короля, придерживается ли он того мнения, что образ действий Франции не расходится с постановлениями Алжезирасской конференции. Король ответил, что в действительности этих постановлений больше не существует и лучше всего совершенно предать их забвению. Французы, в сущности, сделали в Морокко то же самое, что в свое время англичане в Египте. Англия поэтому не будет ставить французам никаких препятствий на их пути; надо примириться с совершившимся фактом занятия Марокко и сговориться с Францией о коммерческих гарантиях. В общем наше посещение Лондона до конца прошло удачно; лондонцы всех слоев населения, стоило им лишь увидеть гостей своего короля, всякий раз выражали им свою симпатию.

Таким образом германская императорская чета вернулась домой с наилучшими впечатлениями. Когда я поделился своими впечатлениями с канцлером, последний остался очень доволен. Из замечаний короля Георга он вывел, что Англия считает постановления Алжезирасской конференции уже несуществующими и не будет чинить никаких препятствий занятию Марокко. В связи с этим он и наметил проводившуюся им и ведомством иностранных дел линию, приведшую к инциденту в Агадире, последней, снова оказавшейся неудачной попытке сохранить наше влияние в Марокко. Положение особенно обострилось во время Кильской недели. Ведомство иностранных дел сообщило мне свое намерение послать в Марокко «Пантеру». Я обнаружил сильное колебание по поводу этого шага, но ввиду настойчивых представлений со стороны ведомства иностранных дел, я был вынужден отложить свои сомнения в сторону.

Первая половина 1912 года ознаменовалась посланием сэра Эрнеста Касселя с вербальной нотой, в которой Англия предлагала свой нейтралитет в случае «неспровоцированного» нападения на Герма-

нию, при условии, если последняя согласится на ограничение своего военно-морского строительства и скрытый отказ от последнего законопроекта о флоте. После благожелательного ответа с нашей стороны лорд Гальдан, с целью ведения переговоров, был послан в Берлин. В конце концов переговоры потерпели крушение, благодаря поведению Англии (сэр Грей), взявшей обратно свою собственную вербальную ноту: Грей боялся задеть французов германо-английским соглашением и повредить англо-франко-русскому соглашению.

В деталях обстоятельства дела были таковы: 29-го января 1912 г., перед обедом, явился ко мне во дворец, в Берлине, господин Баллин, прося об аудиенции. Я предположил, что речь идет еще об одном поздравлении с днем моего рождения, и был поэтому не мало удивлен, когда Баллин, после кратких поздравлений, доложил, что он пришел сейчас ко мне в качестве посланца сэра Эрнеста Кассель, который только что прибыл в Берлин с особой миссией и просит о приеме. Я спросил, идет ли речь о политической миссии, и если это так, то почему посредником в этой аудиенции не явился английский посол. Из ответа Баллина выяснилось, что дело, по намекам Касселя, повидимому, очень важное, и что обход посла в данном случае объясняется тем, что в Лондоне было выражено особое желание не вмешивать в это дело официальные дипломатические инстанции как английские, так и германские. Я сказал, что готов тотчас же принять Касселя, но прибавил, что если поручение Касселя будет касаться политических вопросов, то я, как конституционный монарх, немедленно вызову канцлера, ибо не могу единолично, без канцлера, вести переговоры с представителем чужой державы. Баллин привел Касселя, который передал мне документ, составленный «с одобрения и ведома английского правительства». Я прочел небольшой клочек бумаги и был немало удивлен, когда в моих руках оказалось формальное предложение нейтралитета на случай будущих военных столкновений Германии, поставленное в зависимость от известных ограничений в области строительства военного флота; вопрос об этих ограничениях в развитии морских сил должен был стать предметом обоюдных переговоров и соглашений. Я вышел с Баллином в смежную комнату (комнату адъютантов) и дал ему прочесть документ. Когда тот прочел его, мы оба сразу выговорили: «вербальная нота».

Было очевидно, что эта «вербальная нота» относилась к нашему законопроекту о флоте и предназначена для того, чтобы каким-нибудь образом помешать проведению в жизнь этого законопроекта. Во всяком случае, я находился перед странной ситуацией, вызвавшей удивление у Баллина. Это напоминало мне положение в Кронберг-Фридрихсгофе в 1908 году, когда я должен был отклонить обращенное лично ко мне требование английского помощника министра Гардинга,—прекратить наше военно-морское строительство. Теперь близкий соратник Эдуарда VII, точно таким же образом, без предварительного доклада по официальной дипломатической линии является к германскому кайзеру с инспирированной английским правительством «вербальной нотой», с определенной инструкцией обойти все дипломатические инстанции обеих стран.

Он передал мне предложение английского правительства сохранять нейтралитет во время будущих военных осложнений при условии заключения соглашений об ограничении морских вооружений. И таким образом действовала Англия, эта родина «конституционализма». Баллин, когда я ему указал на это, сказал мне: «Святой конституционализм! Где ты? Это ведь «personal politics, with a vengeance!» [1]) Совместно с Баллиным я решил, что надо немедленно вызвать г. фон-Бетмана для того, чтобы, и он был в курсе дела и занял определенную позицию в этом создавшемся странном положении. Бетман, вызванный по телефону, скоро явился. Сложившаяся ситуация сначала повергла и его в некоторое удивление; было интересно наблюдать игру его лица, когда ему рассказали в чем дело. Канцлер предложил привлечь к обсуждению вопроса и начальника заинтересованного ведомства, имперского статс-секретаря по морским делам адмирала фон-Тирпица. Канцлер посоветовал составить ответ на английское предложение на английском языке, в таком же духе и в такой же форме, как и переданная Касселем нота, и отослать его в Лондон с сэром Эрнестом, намеревавшимся вечером уехать обратно. (Английский язык при составлении текста ответа был избран потому, что боялись неясностей и недоразумений при переводе его в Лондоне). Так как я лучше всех знал английский язык, канцлер попросил меня составить ноту; после некоторого сопротивления я должен был, наконец, решиться заняться ремеслом канцелярista. Вскоре представилась следующая картина: я сидел в адъютантской комнате за письменным столом, остальные стояли вокруг меня. Я прочитывал каждое предложение английской ноты, набрасывая тут же ответ, который потом прочитывался снова. Вслед затем начиналась критика справа и слева. Одному ответ казался слишком мягким, другому слишком резким; ответ, таким образом, выливался в определенную форму, исправлялся и оттачивался.

Канцлер, со своей философски анализирующей, глубоко пытливой основательностью, взвешивавший каждое слово для того, чтобы оно, освещенное со всех сторон, не могло потом дать повод к критике, доставлял мне особенно много грамматических и стилистических терзаний. После нескольких часов работы, редакция ответа, наконец, удалась, и нота, перейдя несколько раз из рук в руки, была затем еще раз шесть прочитана мной и, наконец, подписана.

Прощаясь с сэром Эрнестом, канцлер, между прочим, спросил, кого надо ждать из Англии для переговоров. Кассель ответил, что, во всяком случае, будет послан министр, но кто именно, он точно не знает; может быть, министр Винстон Черчилль, теперешний морской министр, так как речь ведь идет о флоте. Канцлер сговорился далее с сэром Эрнестом, что и впредь будет сохранен неофициальный путь переговоров, и что Баллин возьмет на себя передачу всех, связанных с переговорами, известий из Англии. Сэр Эрнест выразил живейшую благодарность за оказанный ему любезный прием и свое глубокое удовлетворение тоном нашей ответной ноты. Позже

[1]) «Это ведь личная политика чистейшей воды»

Баллин из отеля сообщил мне, что Кассель вторично высказал свое удовлетворение успехом своей удавшейся во всех отношениях миссии, при чем он обещал донести своему правительству о вынесенном им хорошем впечатлении.

Когда, несколько позже, мы говорили об этом деле с адмиралом Тирпицем, мы сошлись на том, что законопроекту о флоте грозит опасность и, следовательно, надо проявить наибольшую осторожность.

Втихомолку был приведен в порядок материал, который адмирал фон-Тирпиц должен был представить при переговорах: небольшой исторический обзор развития флота и его расширяющихся задач; первый закон о флоте с его целями и основными принципами; проведение этого закона в жизни и его дополнения, и, наконец, последний законопроект, его значение и способ его выполнения. Канцлер просил, чтобы переговоры велись, главным образом, во дворце в моем присутствии. С Тирпицем я сговорился, чтобы он, насколько сумеет, говорил по-английски, при чем в трудных моментах я буду его переводчиком.

Пока не стало известно, кто будет послан Англией для ведения переговоров, строились самые разнообразные предположения, и Баллин сообщал о возможных комбинациях, при чем среди других имен предполагаемых английских уполномоченных называлось даже имя Грея. Наконец, через Баллина пришло известие, что вести переговоры поручено бывшему адвокату, а теперь военному министру Гальдану, и что последний в скором времени прибудет в Германию. Все были поражены. Представить себе только, как было бы странно, если бы, mutatis mutandis Германия вместо адмирала фон-Тирпица послала бы в Лондон для обсуждения вопроса о флоте военного министра (тогда фон-Геерингa). Обсуждая это назначение, Бетман и Тирпиц высказывали различные предположения. Канцлер полагал, что назначение Гальдана объясняется тем, что Англия, желая сделать приятное Германии, остановила свой выбор именно на нем, как на исследователе Гёте, знатоке немецкой философии, хорошо знающем немецкий язык. Тирпиц же заметил, что Гальдан еще прежде жил некоторое время в Берлине, где он, работая в военном министерстве у генерала фон-Эйнем, познакомился с местными условиями. Я подтвердил, что все это надо принять во внимание. Англия, однако, по моему мнению, благодаря назначению Гальдана, который все же может знать дела флота только поверхностно, налагала на переговоры чисто политический отпечаток. Очень возможно, что в целом этот акт направлен против морской политики Германии вообще и нового законопроекта о флоте в частности. Надо поэтому ничего не упускать из внимания, чтобы из всей этой аферы неожиданно не выкристаллизовалось иностранное посягательство на наше право самоопределения в области организации своей военной обороны.

Гальдан, наконец, приехал и был принят, как гость кайзера. Баллин, на основании информации, полученной им из Англии, разрешил в конце концов загадку назначения Гальдана. Когда Кассель, вернувшись в Лондон, донес правительству об оказанном ему приеме и передал ответную ноту, там, в связи с этим, создалось такое благо-

приятное впечатление, что в Лондоне уже не сомневались в удовлетворительном ходе переговоров. И вот, между министрами, особенно между Черчиллем и Греем, завязалось благородное состязание, кто из них должен поехать в Берлин, чтобы поставить свое имя на этом великом историческом документе,—если только удастся заставить Германию совершенно отказаться от дальнейшего увеличения ее флота. Черчилль полагал, что он наиболее подходящий для этого человек, так как он ведает морскими делами. Но Грей и Асквит завидовали своему коллеге, и долгое время поэтому на первом плане стоял Грей,—новое доказательство того, что главную роль здесь играла политика, а не количество судов. Но спустя некоторое время решили, что будет достойнее для личности и положения Грея, если он появится только к концу переговоров, чтобы поставить свое имя под соглашением и чтобы, как передавала английская информация Баллина, «to get his dinner from the Emperor and to come in for his part of festivities and fireworks» [1]), или, иначе говоря, чтобы воспользоваться «бенгальскими огнями». Так как последние ни в коем случае не должны были выпасть на долю Черчилля, то надо было выбрать для переговоров лицо, близкое к Асквиту и Грею, пользующееся полным их доверием, готовое взять на себя труд по переговорам вплоть до начала «бенгальских огней» и при том уже известное в Берлине и не чуждое Германии. Черчилль, правда, тоже был знаком Германии, так как он несколько раз присутствовал в качестве гостя на императорских маневрах в Силезии и Вюрттемберге. Баллин ручался за достоверность своей лондонской информации. Еще до начала переговоров я обратил, между прочим, внимание статс-секретаря ф.-Тирпица на то, что Гальдан, хоть и занимавший в тот момент пост военного министра, несомненно, хорошо подготовится к предстоящей ему задаче и получит, конечно, подробные инструкции от английского адмиралтейства, где властвует дух Фишера. Фишер в своем руководстве для английских морских офицеров поместил, среди других достойных внимания инструкций, и следующий тезис, характерный для этого адмирала, его ведомства и царившего в нем духа, и гласящий буквально: «If you tell a lie, stick to it» [2]). Кроме того,—сказал я Тирпицу,—не надо забывать, какой сказочной способностью приспособления ко всем обстоятельствам обладают англо-саксонцы, и это делает их способными занимать посты, далекие от их жизненных путей и их образования. Помимо того, общий интерес к флоту в Англии настолько интенсивен, что почти каждый образованный человек до известной степени сведущ в морских делах.

Во время переговоров Гальдан выказал себя превосходно осведомленным человеком, умеющим искусно и решительно вести дебаты, обнаружившие его блестящие качества адвоката.

---

[1]) «Получить свой праздничный обед у кайзера и принять участие в празднествах и фейерверке».

[2]) «Когда ты врешь, то уж держись на этом твердо».

Беседа продолжалась несколько часов и привела в общем к разъяснению вопроса и к предварительному соглашению относительно отсрочки постройки флота и т. д. Подробности этой беседы можно найти в документах имперского морского ведомства. Тирпиц был великолепен. После еще нескольких бесед, происходивших при участии Баллина, Гальдан уехал. Баллин донес мне, что Гальдан высказал ему свое полное удовлетворение результатами своей миссии, выразивши мнение, что приблизительно через 8—14 дней можно будет переслать нам проект соглашения.

Между тем время проходило, и приближался момент внесения законопроекта. Тирпиц предложил, в случае, если до этого момента соглашение будет заключено, соответственным образом изменить законопроект, а в противном случае, внести его в неизмененном виде. Наконец, получилась, правда, не проект соглашения, а содержащая всякого рода вопросы бумага, ответ на которую потребовал много совещаний и длительного обсуждения. Постепенно во мне укреплялось подозрение, что англичане не думают серьезно о соглашении: они нанизывали вопрос на вопрос и выискивали детали, не имевшие никакого прямого отношения к соглашению. Англия шаг за шагом отказывалась от своих предложений и обещаний, и проект соглашения так и не приходил.

В Берлине между тем и со стороны министерства иностранных дел, и со стороны призванных и не призванных инстанций началась ожесточенная кампания, как против законопроекта о флоте, так против Тирпица и меня. Канцлер, питавший надежду, что ему удастся достигнуть соглашения и увековечить свое имя на акте, который должен был освободить Германию от «окружения» и принести с собой урегулирование и улучшение отношений с Англией, также выступил за отказ от законопроекта. Но ведь это означало бы не что иное, как предоставление иностранной державе чудовищного влияния на вопросы германской обороны, подвергши таким образом опасности право на самоопределение нашей нации и нашу боеспособность, в случае, если бы нам была навязана война. Этим Германия, сама не получивши никаких гарантий от своего злейшего противника, дала бы ему возможность предписывать ей то, что последний в своих собственных интересах найдет нужным. В связи с создавшимся положением возникли споры и напряженная борьба, которая особенно резко и не всегда деловито велась как раз теми кругами, которые, в действительности, были мало знакомы с вопросами морской обороны.

В течение этой зимы, столь тяжелой, как для него, так и для меня, адмирал ф.-Тирпиц, своим проницательным взором хорошо разглядевши положение и видя насквозь противника, держался в разгоревшейся борьбе, как настоящий офицер, любящий свое отечество, встречая с моей стороны искреннюю и всемерную поддержку. Все официальные инстанции были согласны с тем, что никакая чужая страна не имеет права решать вместе с нами что мы должны или не должны делать для нашей обороны.

Надежда на заключение соглашения все уменьшалась. Англия выказывала к нему все меньший интерес и постепенно отказывалась от многих существенных пунктов своей вербальной ноты. Таким образом, адмирал Тирпиц и я видели, что все английское предложение было лишь «маневром».

Борьба за законопроект о флоте становилась все ожесточеннее. Как-то я встретил в Куксгафене президента Гамбургского сената, д-ра Бурхарда, которого я уважал, как образец аристократического гражданина Ганзейского города, часто привлекая его в качестве советника и к обсуждению политических проблем. Я обрисовал ему весь ход дела и борьбу, ведущуюся в Берлине по поводу законопроекта, и попросил его, как всегда, высказать свое откровенное мнение, как он в интересах государства считает наиболее правильным поступить в данном случае, так как мне важно слышать объективное суждение, свободное от влияния борющихся в Берлине сторон.

Д-р Бурхард ответил с резкой подчеркнутостью, убедительно и ясно, что мой долг по отношению к народу и отечеству—не отказываться от законопроекта о флоте.

Кто выскакивается против внесения этого законопроекта, тот грешит против своего народа и отечества. То, что мы считаем необходимым для своей обороны, безусловно, должно быть сделано. Прежде всего, однако, нельзя терпеть, чтобы иностранное государство осмеливалось иметь желание вмешиваться в наши дела. Английское предложение является простой «уловкой», чтобы заставить нас отказаться от новеллы о флоте. Этого не должно случиться ни при каких обстоятельствах. Немецкий народ никогда не поймет, почему отказались от его права на самоопределение. Законопроект во что бы то ни стало должен быть внесен в рейхстаг. При этом Бурхард подчеркнул, что в союзном совете он выступит за его принятие (он это и сделал впоследствии в своей блестящей увлекательной речи) и будет вообще действовать в этом направлении в Берлине. Англичане, правда, будут ругаться, но это безразлично—они уже давно это делают—а войны из-за этого они, конечно, не начнут. Адмирал ф.-Тирпиц исполняет лишь свой долг, и я должен всецело помогать ему. Канцлеру следует отказаться от противодействия законопроекту, иначе он рискует, что ему в конце концов еще выбьют окна за его «англофильство». Таково было мнение представителя большого торгового города, которому, в случае войны с Англией, грозила наибольшая опасность. В нем говорил дух настоящего ганзейца. Поразительное подтверждение мнения д-ра Бурхарда об английском предложении я недавно получил в Голландии в разговоре с одним голландцем, которому англичане в свое время сообщили об английских планах. Тирпиц и я поняли правильно: предложение нейтралитета было лишь политическим маневром.

Вскоре пришли также известия и от Баллина о том, что в Англии дела обстоят не совсем благополучно. По полученным оттуда сведениям, там в связи с соглашением возник спор; в Лондоне недовольны Гальданом и утверждают, что он дал себя околпачить Тирпицу. Это, разумеется, свидетельствовало о гневе англичан по

в виду того, что Тирпиц не соглашался с законопроектом о флоте, сам же попался на удочку и что Гальдан не сумел преподнести английским министрам и отдать им в жертву немецкий законопроект о флоте. Об околпачивании со стороны Германии не может быть и речи. Но упреки по адресу Гальдана дают право подозревать, что лишь все его поручения сводились к тому, что он должен был околпачить немцев. Если его соотечественники придерживались того взгляда, что случилось как раз обратное, то можно только горячо благодарить адмирала ф.-Тирпица за то, что он на благо нашего отечества правильно усмотрел и отстоял немецкую точку зрения.

Около середины марта борьба за новеллу о флоте обострилась в такой степени, что 22 марта канцлер, наконец, при выходе моем из Шарлоттенбургской усыпальницы в парке, попросил у меня отставки. После долгих объяснений, при чем я сообщил ему мнение д-ра Бурхарда, канцлер взял просьбу об отставке обратно.

Посетивши спустя некоторое время господина ф.-Бетмана в его саду, я нашел его совершенно разбитым, с телеграммой из Лондона в руках. Она заключала в себе совершенный отказ от предложения нейтралитета и всяких других предложений и в заключение обращалась ко мне еще с указанием оставить ф.-Бетмана на посту рейхсканцлера, так как он пользуется особым доверием британского правительства. Слезы негодования блестели на глазах глубоко разочарованного в своих надеждах канцлера. Похвала иностранного правительства, только что явившегося причиной тяжких испытаний для Германии и для него самого, глубоко оскорбила канцлера. Он вторично попросил отставки: я не принял ее и попытался его утешить. В то же время я приказал запросить германского посла в Лондоне, каким образом он вообще принял такую телеграмму, решившись еще переслать ее в Берлин.

Теперь уже канцлер был согласен с законопроектом о флоте. В действительности, однако, последний был проведен с теми ограничениями, которые были предусмотрены на случай заключения соглашения. В Англии же, напротив, военно-морская программа была выполнена целиком. Этот эпизод с Гальданом характерен для политики Англии. Весь этот широко организованный маневр был устроен исключительно с целью воспрепятствовать развитию германского флота. Проведение огромной судостроительной программы в Америке, ранее обладавшей едва достойным упоминания торговым флотом, во Франции, военный флот которой превосходил по численности германский, в Италии и в России, строившей суда и за границей, — не вызывало, однако, ни малейшего протеста со стороны Англии. А между тем, Германия, ущемленная между Францией и Россией, должна же была быть вооружена по меньшей мере так, чтобы она, обороняясь против этих стран, могла держать в своих руках свое море. Для этой цели постройка нами флота была необходима. Последний ни в коем случае не был направлен против в четверо — в пятеро сильнейшего английского флота, обеспечивавшего превосходство и безопасность Англии в такой степени, что никакой разумный человек в Германии не мог бы мечтать, чтобы германский флот сравнился с ним по силе.

Флот был нам необходим для защиты наших берегов и нашей торговли. Для этого недостаточны такие средства обороны, как подводные лодки, миноносцы и мины. К тому же береговые батареи на Балтийском море так устарели и были так мизерны, что при ураганном огне тяжелой артиллерии с больших современных военных судов они были бы сметены в 48 часов. Таким образом наши берега у Балтийского моря были почти беззащитны. Для их защиты необходим был флот. Скагеррак доказал значение и ценность флота в современной войне. Битва закончилась бы для Англии уничтожающе, если бы в рейхстаге все, представлявшиеся до 1900 г., предложения об усилении флота не отклонялись. Эти 12 потерянных лет уже нельзя было наверстать. Прежде, чем расстаться с Гальданом, необходимо указать еще на один эпизод из его деятельности. В 1906 г. он, с разрешения германского правительства, приехал в Берлин, чтобы получить сведения об организации прусской обороны, о рекрутском наборе, генеральном штабе и т. д. Он занимался в военном министерстве, где его лично осведомлял военный министр, генерал ф.-Эйнем. Поработавши там 2—3 недели, он, очень довольный, вернулся в Англию.

Когда после начала мировой войны поклоннику Гёте, Гальдану, как германофилу, был объявлен бойкот, в связи с которым он даже не мог показываться в обществе, Гальдан для своей реабилитации поручил известному литератору и журналисту, мистеру Бегби, написать апологию деятельности Гальдана, как военного министра. В этой книге под названием «Vindication of great Britain» выставлены заслуги Гальдана в деле сформирования правильно функционирующего генерального штаба и подготовки британской армии к мировой войне.

В книге о Гальдане, между прочим, особо отмечается, как ловко Гальдан использовал в свое время разрешение поработать в прусском военном министерстве, чтобы изучить военное дело в Германии и подготовить до мелочей по нашему образцу реорганизацию британской армии и генерального штаба для предстоящей борьбы против оказавших ему гостеприимство немцев. Здесь целиком выявляется хитрый и ловкий адвокат, который, под защитой гостеприимства чужой страны, изучает ее военные учреждения, для того, чтобы из приобретенных таким образом материалов и познаний выковать оружие против этой страны. Характерно, что книга посвящена памяти короля Эдуарда VII, доверенным посланцем и орудием которого Гальдан был. В Берлине тогда видели в миссии Гальдана «сближение» с Англией, к которому там всегда стремились; в действительности же это была лишь разведка короля Эдуарда VII в доме своего германского кузена. Англия отблагодарила Германию мировой войной, которую Гальдан помог подготовить. Тут уж, действительно, Гальдан околпачил немцев.

Таков был подлинный характер миссии Гальдана. Впоследствии всякого рода политиканы в прессе и обществе утверждали без всяких сомнений, что, предпринятое Гальданом, многообещающее «сближение» Англии с Германией потерпело крушение, благодаря упрям-

ству кайзера и адмирала ф. Тирпица и их упорному отстаиванию, против желания всех «разумных советников», законопроекта о флоте.

В описываемое время встал затронувший и меня вопрос об образовании самостоятельного албанского государства. Многие жаждавшие короны кандидаты уже предстали перед ареопагом европейских держав, не будучи, однако, приняты последними; некоторые намеченные державами кандидаты были отклонены албанцами. Я проявлял индиферентное отношение к этому вопросу, считая, что как и при всяком «образовании государства», здесь по возможности, надо считаться с историческим развитием, особенно же со своеобразными географическими условиями страны и нравами народа.

Единого государства с государем и династией во главе у этого удивительного народа никогда не было. Албанские племена живут крайне обособленно, в долинах, огороженных и замкнутых высокими горными хребтами. Их политическое управление похоже на управление шотландских кланов. Христиане и магометане представлены в одинаковой степени среди них. Испокон века укоренившаяся у них кровавая месть, как и конокрадство, являются там освященными временем обычаями. Сельское хозяйство развито очень слабо; земледелие находится в зачаточном состоянии, при чем применяемые для этой цели орудия крайне примитивны. Суд творится главой племени на открытом воздухе под деревом, как это некогда было у древних германцев.

Каждый мужчина носит оружие; большинство из них прекрасные стрелки. Когда вождь племени, объезжая округ, показывается в каком-нибудь селении, население ждет от него даров в виде звонкой монеты, которая порой и кидается им в толпу с высокого коня. При вступлении вождя в управление, таких подарков, естественно, ждут еще больше; и если их нет, то это считается крайне предосудительным. До балканской войны многие албанцы поступали на турецкую службу, где они могли достигать высоких чинов, так как их очень ценили за их прилежание, острый ум и большую энергию. Они поставляли турецкому государству большое число чиновников, пополняя также в известной мере и дипломатию, и армию. Знатные молодые албанцы с честью служили в великолепной гвардейской дворцовой части султана, которая комплектовалась из солдат такого роста, воинственного вида и мужественной красоты, как они. Они отчасти являлись родственниками султана, так как последний имел в своем гареме знатных албанок из лучших племен; такими кровными узами султан стремился обеспечить себя от кровавой мести албанских племен, попутно узнавая все, что волновало сердца албанских князей. При этом все доходившие, таким образом, до султана желания албанцев, как, например, посылка оружия и военного снаряжения, постройка училищных зданий, проведение дорог и т. п. выполнялись потом как бы незаметно и случайно. Таким образом, султану удавалось «родственным» путем удерживать вообще очень неспокойных албанцев в спокойствии и преданности к себе.

На основании этого знакомства с местными условиями, я старался повлиять, чтобы албанским государем, по возможности, был

избран магометанский князь или египетский принц, который должен обладать и полным кошельком, особенно нужным в Албании. Мой совет не был одобрен «ареопагом держав», которые, ничуть не считаясь с интересами албанцев, заботились лишь о том, чтобы иметь возможно больше шансов ловить в Албании рыбу в мутной воде.

Я нашел поэтому очень мало утешительного в том, что выбор пал на принца Вильгельма Вид. Я высоко ценил его, как благородную рыцарскую отзывчивую натуру, но считал его неподходящим для этого поста. Принц был слишком мало знаком с балканскими делами, чтобы быть в состоянии взять на себя эту тернистую задачу. Мне было вообще нежелательно, чтобы немецкий принц там осрамился. Ибо с самого начала было ясно, что Антанта будет ему чинить всяческие затруднения. Поэтому на запрос со стороны принца я откровенно высказал своему кузену все свои сомнения, подчеркнув те затруднения, которые его ожидали, и настойчиво ему советуя не принимать албанского трона. Приказывать ему я не мог, так как последнее слово принадлежало князю Виду, как главе дома.

После принятия принцем предложенной ему державами кандидатуры, я принял его на аудиенции в присутствии канцлера. Определенная нерешительность, сквозившая в поведении принца, смотревшего на предстоящую ему задачу без всякого энтузиазма, подкрепила меня и канцлера в желании еще раз убедительно отсоветовать молодому кандидату вступление на вновь изобретенный албанский трон.

Но все было напрасно. Честолюбивая, мистически настроенная супруга принца видела в албанском троне осуществление своих желаний. А ведь se que femme veut, Dieu le veut! [1]). Кармен Сильва также не мало способствовала приему принцем албанской кандидатуры; ею даже была опубликована по этому поводу статья в прессе, начинавшаяся словами: «Сказочная страна хочет иметь своего государя».

Таким образом все предостережения, несмотря на их благожелательный характер, нисколько не помогли. Я, между прочим, настойчиво советовал принцу не вступать на албанский престол до урегулирования финансового вопроса. Ибо то, что побудило меня предложить избрать на албанский престол богатого князя, теперь и случилось. Принц был не очень состоятелен, и державы вынуждены были предоставить ему субсидию, вокруг которой завязались мало отрадные передряги. Субсидия была, в конце концов, выплачена принцу в уменьшенном размере.

Наибольшая опасность для нового государя и его системы таилась в личности Эссад-Паши, ненадежного интригана и корыстолюбивого ландскнехта, который сам домогался положения владетельного князя и располагал известной силой в виде своих вооруженных приверженцев. С самого начала он стал противником нового государя и тайно конспирировал с Италией. Было бы вполне естественно и целесообразно, если бы новый государь окружил себя

[1]) «Чего хочет женщина, того хочет Бог».

знакомыми, преданными ему людьми из Германии. Но этого не произошло. Один англичанин и один итальянец были приставлены к его персоне в качестве «секретарей». Они действовали в ущерб его интересам, давая ему плохие советы и интригуя против него.

Во время приготовлений принца ко вступлению на албанский престол, появилась превосходно написанная брошюра австрийского офицера генерального штаба об его путешествии по Албании. Живо и картинно рисовал офицер страну с ее географическими и климатическими условиями, население и его нравы, отмечая всю бедность и отсталость страны. Он указывал на то, что будущий государь ни в коем случае не должен остаться жить на берегу, а должен показываться населению и разъезжать по стране.

При примитивных путях сообщения государь этой страны должен, оставаясь целые дни на коне, разъезжать верхом по стране, с пресловутым «мешком цехинов», знакомым по всем восточным легендам и сказаниям, чтобы повсюду, где он находится, золотым дождем всех расположить к себе. Из всего населения страны он должен всеми способами особенно крепко связаться с некоторыми племенами, чтоб в его распоряжении была вооруженная сила, на которую он мог бы опереться.

Только тогда он мог бы диктовать свою волю и бороться с противниками, которые захотели бы восстать против него. При совершенном отсутствии армии в европейском смысле этого слова,—писал автор брошюры,—такая тактика была бы единственно целесообразной.

На первое время князь, как видно, должен был вести жизнь кочевника и кавалериста, образовавши для этой цели походный лагерь из шатров со всеми необходимыми принадлежностями и лошадьми. Подходящих для этого людей можно было найти в достаточном количестве в находившемся раньше под командой принца эскадроне 3-го гвардейского уланского полка, ибо многие из улан этого полка, очень привязанные к принцу, выразили готовность сопровождать его в Албанию в качестве добровольцев. Они, несомненно, сослужили бы ему лучшую службу и принесли бы ему больше пользы, чем враждебные стране приготовления к захвату власти.

Я посоветовал моему кузену самым тщательным образом проштудировать брошюру австрийского офицера и последовать ее указаниям, особенно в отношении выбора резиденции, которая должна быть расположена по возможности дальше от места стоянки военных судов великих держав, чтобы албанский король не оказался под их гнетом и не возбудил у албанцев подозрения, будто он нуждается в защите иностранных держав против своих подданных. Читал ли Вид брошюру? Во всяком случае все его дальнейшее поведение стояло в резком противоречии, как с ее указаниями, так и с моими советами.

Королевская чета уехала в Албанию, и очень скоро произошло то, что я предвидел. Согласно сообщениям о прибытии государя в Албанию, королева, будучи сама немкой, обратилась с балкона к собравшимся албанцам с приветствием по-французски, так как по-немецки албанцы, видите ли, не понимают. «Двор» остался в Ду-

рано под защитой пушек с иностранных судов. Король не разъезжал верхом по стране, не разбрасывал с балкона, даже и в день своего прибытия в Албанию, цехинов, не отстранил своевременно Эссада; и в результате все приключение с албанским престолом кончилось так, как можно было ожидать.

Я несколько дольше остановился на описании моего поведения в деле избрания албанского короля потому, что, в связи с этим событием, про меня с разных сторон распространялись ложные сяухи с целью приписать мне в этом деле мотивы, от которых я был очень далек. И в данном случае я лишь ответил на обращенный ко мне запрос, честным советом, продиктованным мне здравым смыслом.

1912 г. ознаменовался также свиданием с русским царем в Балтийском порте, куда я, по приглашению Николая II, поехал на своей яхте. Обе наши яхты бросили якорь друг около друга, так что сообщение между ними было очень легкое. Царь, его дети и все его приближенные состязались в проявлениях любезности и гостеприимства по отношению ко мне. Мы вместе осматривали русские и немецкие суда и обедали то у царя, то у меня. Одно утро мы провели на берегу Балтийского порта. На лугу выстроился 85-й Выборгский пехотный полк, шефом которого я был; полк был выстроен для парада; а затем были продемонстрированы батальонные упражнения, прошедшие так же хорошо, как и прохождение полка церемониальным маршем в конце. Полк, состоявший из 4 батальонов, производил превосходное впечатление. Он был в походном обмундировании; на солдатах были коричнево-серые рубашки и фуражки, причем последние были у всех молодцевато надвинуты на бок, что придавало загорелым воинственным лицам здоровых молодых солдат отважное выражение, которое должно было радовать каждый солдатский глаз.

Несмотря на оказанный мне прекрасный и необыкновенно любезный прием, мне, однако, не было сделано ни малейшего намека о заключенном незадолго до того балканском союзе. Это было мое последнее посещение России перед началом войны.

VI.

Мои сотрудники в области управления.

Здесь не должно быть скрыто, что сотрудничество со мной его превосходительства ф.-Стефана и общение с ним доставляло мне особую радость. Это был человек старой школы, так хорошо сжившийся со мной, что все мои мысли и побуждения всегда находили у него живой отклик и проводились им с той силой, которая характеризовала его убежденность в том, что он делал. Человек железной энергии, неутомимой работоспособности, полный к тому же здорового юмора, наделенный зорким глазом в отношении оценки новых возможностей, очень сведущий в области политики и техники,—он был как бы создан для творческого сотрудничества со мной. Я питал к нему безграничное доверие, которого он никогда не обманул. Я многому научился благодаря общению с этим инициативным умным советником.

Почтовое дело достигло при нем небывалой высоты и вызвало изумление всего мира. Великое изобретение последнего столетия, телефон, был в широких размерах использован и приспособлен к обслуживанию и облегчению взаимных сношений. В области строительного дела Стефан также сделал решительный шаг вперед, встретивший мое одобрение и поддержку.

Все большие государственные сооружения подлежали санкции, контролирующей строительство «Академии строительного дела», которая тогда являлась медленно работающим, тормозящим всякое дело и отсталым учреждением. Я сам на личном опыте имел случай познакомиться с этим учреждением.

«Белый зал», сначала сооруженный как временное помещение, на скорую руку для индийского маскарада „Lallah Rokh“ в честь дочери Фридриха Вильгельма III, принцессы Шарлотты и ее супруга, впоследствии царя Николая I, был совершенно бесстилен. Предпринятое, по моему приказанию, обследование выяснило, что материалы, из которых был сделан этот зал, подгнили и негодны. Зал в высшей степени обветшал и был сильно поврежден, так что необходимо было отстроить его заново.

При участии и содействии вдовствующей императрицы, возникли по этому поводу разные проекты и планы. Архитектором Ине мне был, наконец, представлен проект здания, встретивший общее одобрение. Лишь строительная академия долго противилась осуществлению проекта, считая, что надо сохранить «Белый зал» во всей его

старинных нет греческой красоты, а что последним не нуждается в перестройке. Когда перестройка все-таки была закончена, она, в конце концов, понравилась и так критически настроенным до тех пор господам из строительной академии. С академией строительного дела вступил в конфликт и господин ф.-Стефан. Он задался целью перестроить или выстроить заново целый ряд почтовых зданий, особенно, в больших городах; а между тем при ужасающей медлительности и волоките, царившей в академии строительного искусства, он вовсе не получал оттуда ответа или получал отрицательный ответ. В академии господствовал схематизм. Господин же Стефан придерживался того взгляда, что молодая германская империя и в своих постройках должна вызывать впечатление мощи, и потому почтовые здания должны воздвигаться в соответственном духе. Почтовые здания, помимо того, должны были, по его мнению, подходить к общему стилю того или иного города или, по крайней мере, к стилю наиболее старинных и значительных зданий в городе. Я мог только солидаризоваться с этими принципами.

В конце концов дело дошло до разрыва с академией строительного дела. Его превосходительство ф.-Стефан потерял терпение и доложил мне, что он освободил свое ведомство и свои постройки от влияния академии, составил сам особую комиссию из собственных архитекторов и чиновников и просит меня, чтобы я и с своей стороны контролировал все наиболее важные строительные планы. Я это охотно сделал.

Стефан был страстным охотником, и на дворцовых охотах я всегда находил удовольствие в общении с этим бодрым, всегда уравновешенным, преданным чиновником и советником.

Из министров, которых я особенно высоко ценил, больше всех выделялся его превосходительство фон-Миквель. Будучи министром финансов в Пруссии, он провел там крупную финансовую реформу, поставившую страну на здоровый фундамент и ликвидировавшую ее расчеты. Общение с этим тонким политиком доставляло мне огромное наслаждение и богатый опыт. Осведомленность Миквеля в самых разнообразных вопросах была поразительна. Его беседа и по освещению, и по обоснованию затрагиваемых им тем была всегда оригинальна, остроумна и остра. При этом через его изложение, в связи с освещением той или иной темы, красной нитью проходила резко выявлявшаяся линия исторического анализа. Его познания по истории и древним языкам были прямо-таки легендарны: при своих докладах он мог, например, возвращаясь к временам римлян, черпать из сокровищницы своих знаний латинские цитаты для своего предмета. Даже когда он усвоивал поучительный тон, он при своей блестящей диалектике никогда не был скучен и всегда до последнего момента приковывал к себе внимание слушателей.

Именно Миквель, между прочим, поощрял меня к осуществлению грандиозных проектов проведения каналов и оказал мне содействие, когда прусские консерваторы, вступивши в борьбу с проектом проведения внутреннего срединного канала, провалили его. Он поддерживал короля и уговорил его не уступать, пока победа, наконец,

бы задержана. Он, как и я, знал, какое благодеяние принесли Англии и Франции их каналы и как велико значение этих каналов в отношении разгрузки железных дорог, к которым предъявляются все большие требования. Во время мировой войны мы имели прекрасную восточно-западную водную транспортную линию для переправки вооружения, раненых, осадных орудий, продовольствия и т. п., что позволяло отчасти разгруженному таким образом железнодорожному транспорту произвести в более широких размерах переброску солдат и уменьшило недостаток угля. Но и в мирное время, для которого канал был предназначен, он приносил очень большие выгоды.

Мигель был пламенным поклонником идеи германского кайзерства и императорского величия Гогенцоллернов; его глубокие рассуждения на эту тему находили во мне внимательного слушателя. Это был человек, который, опираясь на старые традиции, мыслил пангермански и по-кайзеровски, дорос в то же время до полного понимания требований нового времени, значение которых в каждый данный момент он правильно оценивал.

С самого начала я заботился о расширении железнодорожной сети. Из докладов об обороне страны, из жалоб генерального штаба, так и из собственных наблюдений, я хорошо знал совершенно несносную отсталость Восточной Пруссии в отношении железных дорог. Это положение стало прямо таки угрожающим, в связи с постепенным, но не прекращающимся усилением русских войск у нашей границы и расширением русской железнодорожной сети.

В течение последних лет царствования императора Вильгельма Великого русские войска под влиянием Франции все более заметно стягивались к Восточной границе Прусского королевства, и собранные там большие массы русской кавалерии заставляли бояться вторжения русских в Пруссию, Познань и Силезию; император в связи с этим приказал фельдмаршалу Мольтке сделать ему доклад о положении. Генерал-квартирмейстер граф Вальдерзее и я присутствовали при этом докладе, результатом которого было решение передвинуть на восток прусские войска и взяться там за расширение находившейся до того времени в пренебрежении железнодорожной сети.

Начатые в этом направлении, по приказанию кайзера Вильгельма I, работы требовали много времени, тем более, что новые постройки, в особенности новые большие железнодорожные мосты через Вислу и Ногат, проводились военным ведомством лишь после долгой борьбы, и при сильном противодействии со стороны железнодорожного ведомства (Майбах). На железные дороги смотрели, как на «государственный кошелек» и всем хотелось строить лишь «прибыльные» дороги. К затратам, обусловленным военными требованиями, направленными к обороне отечества, относились поэтому не слишком благожелательно, ибо, благодаря им, уменьшилась доходность железных дорог, чему придавалось такое большое значение. Намеченные императором Вильгельмом I мероприятия в отношении расширения железнодорожной сети, были полностью осуществлены лишь в течение моего царствования. Кто возьмет в руку карту железных дорог

1888 г., тот будет крайне изумлен недостатком железнодорожных сообщений в восточной части страны и особенно в Восточной Пруссии, что особенно бросается в глаза, если сравнить эту карту с картой 1914 г., свидетельствующей о том, как много было сделано в области железнодорожного строительства за этот промежуток времени. Имея старую железнодорожную сеть, Восточная Пруссия погибла бы в 1914 г.

Министр ф.-Майбах, бесспорно, имеет большие заслуги перед железнодорожным ведомством. Он должен был считаться с желаниями и требованиями быстро развивающегося промышленного Запада, при чем, конечно, по возможности принимались во внимание и военные интересы. Но восточная часть страны при этом министре терпела недостаток и в железнодорожных линиях, и в мостах, и в подвижном составе. В случае мобилизации, на восток должны были бы быть отправлены сотни локомотивов, чтобы тамошние дороги могли хоть сколько-нибудь отвечать требованиям генерального штаба. Для сообщения с Востоком существовали лишь два устаревших решетчатых моста у Диршау и у Мариенбурга. Генеральный штаб стал настойчиво требовать улучшения этого положения, и, в конце концов, дело дошло до конфликта между ним и Майбахом. Лишь министр Тилен, в связи со своей достойной признательности самоотверженной деятельностью, произвел настоящий переворот в этом деле и, правильно оценивая требования военного ведомства, содействовал сооружению дорог на востоке. Тилен был дельный, старательный, в высшей степени преданный мне и высокоценимый мной старо-прусский чиновник. Вместе с Миквелем он вел борьбу за внутренний срединный канал, всегда находясь на стороне своего государя. Характерны для него слова, сказанные им в моем присутствии на многолюдном торжестве открытия Эльба-Травского канала в Любеке: «Срединный канал должен быть сооружен и будет сооружен». Отношения между мной и им до самого конца ничем не омрачились.

Несмотря на оборудованность запада железными дорогами, и там еще в отношении железнодорожной сети были, с точки зрения готовности к мобилизации, важные пробелы, которые уже давно должны были быть устранены. Рейн мог быть перейден до Майнца лишь на одном железнодорожном мосту; переход Майнца мог быть совершен исключительно у Франкфурта. Генеральный штаб давно требовал устранения этого дефекта. Это было тем более необходимо, что военные интересы вполне совпадали с общими потребностями сообщения. Если, например, кто-нибудь с запада хотел отправится на Таунусские курорты или на правый берег Рейна, он должен был сначала поехать до Франкфурта, а оттуда снова в обратном направлении, хотя у Майнца он проезжал почти мимо Висбадена.

Министр Будде был призван для реорганизации железнодорожного дела в стране. Как бывший начальник железнодорожного отдела генерального штаба, отличавшийся необыкновенной работоспособностью, упорной энергией, и быстро находивший решение любых вопросов, он уже давно был мне знаком; он неоднократно делал мне доклады о пробелах нашего железнодорожного дела, ко-

торые особенно скажутся, в случае необходимости быстрого выступления, на двух фронтах; постоянно указывая на русские и французские приготовления, он подчеркивал, что в интересах обороны страны, мы должны противопоставить им такие же приготовления и с нашей стороны. Железнодорожное строительство, естественно, всегда имело прежде всего в виду поднятие и облегчение промышленности и торговли; все возраставшая безграничная потребность последних в транспорте этим строительством, однако, еще не была бы удовлетворена, так как не хватало дополняющей железные дороги сети каналов. Одновременно все возраставшая угроза войны на два фронта, для которой у нас, по финансово-техническим причинам, не было достаточных железнодорожно-технических средств, заставляла нас в области железнодорожного строительства считаться в большей степени, чем раньше, с военными интересами. Россия при помощи французских миллиардов выстроила против нас громадную железнодорожную сеть, а во Франции железнодорожная сеть, приноровленная к нападению на Германию, беспрестанно расширялась проведением новых трех- и четырехколейных дорог, что для нас было еще совершенно незнакомым.

Министр Будде, не медля, взялся за дело. Были сооружены второй большой железнодорожный мост через Рейн, у Майнца, и, помимо того, мост через Майн у Костгейма. При помощи специально проведенных веток было установлено сообщение с линией правого берега Рейна и с Висбаденом; кроме того, был оборудован железнодорожным сообщением треугольник у Бибрих-Мосбаха. Таланты министра блестяще выявились и в организации и дисциплинировании выросшего в целую армию железнодорожного персонала, как и в его предусмотрительных заботах о своих подчиненных.

Я искренно уважал этого полного сил, деятельного человека; и, когда коварная болезнь преждевременно унесла его в могилу, я глубоко сожалел о постигшей меня потере.

В его превосходительстве фон-Брейтенбахе я приобрел нового активного помощника и сотрудника в моих железнодорожных планах. В течение нескольких лет этот деятель вырос в выдающуюся личность. Мне был близок этот благородный и обязательный человек с разносторонними знаниями и широким политическим кругозором, одаренный к тому же большой работоспособностью. Его совместная работа с генеральным штабом в военных делах базировалась на твердом убеждении в необходимости укрепить наши средства обороны против возможных нападений со стороны наших врагов. При нем было приступлено к постройке трех новых мостов через Рейн у Рюдесгейма, Нейвида и Лорелей; закончить их удалось лишь во время войны, при чем названы они были именем кронпринца, Гинденбурга и Людендорфа. На востоке были сооружены новые станции, мосты и линии; некоторые из них уже во время самой войны.

На Западе Брейтенбахом был осуществлен еще целый ряд других крупных начинаний: большой мост через Рейн у Кельна взамен старого решетчатого моста, затем новый мост у Байертурма для товарных поездов и новые дороги в Эйфеле. По моей инициативе, была

также сооружена линия прямого сообщения от Гиссена до Висбадена с перестройкой Гомбургского и Висбаденского вокзалов и проведением ветки на Франкфурт и Гехст. Далее было установлено прямое сообщение из Флиссингена в Таунус. Но никогда нельзя угодить всем, и поэтому, как я хочу здесь вскользь упомянуть,—мы подверглись резким нападкам со стороны владельцев франкфуртских гостиниц. Они, естественно, были не слишком рады тому, что уничтожались прежние пересадки и Франкфурт терял свое значение пересадочного пункта, так как в связи с этим они лишились многих клиентов, прежде вынужденных провести ночь во Франкфуртских гостиницах.

Особенно энергично стали эти круги в оппозицию против Гехтской окружной ветки. В споре относительно внутреннего срединного канала победа, наконец, была решена в пользу моих планов. Проведение его производилось при Брейтенбахе по частям и с большим успехом. В той степени, в какой это сооружение уже тогда могло быть использовано, оно вполне оправдало наши ожидания.

Одновременно был расширен и углублен канал Императора Вильгельма, что по своей сложности было равносильно почти проведению нового канала. У Эмдена был помимо того построен большой морской шлюз. Все эти сооружения в области строительства шлюзов и мостов являлись необыкновенными достижениями, возбуждавшими удивление во всем мире, ибо они, например, что касается шлюзов, далеко превосходили Панамский канал. Трудные задачи были целиком и блестяще выполнены чиновниками. Поскольку строителем являлось в данном случае государство, все работы проводились большей частью при руководящем содействии прусского министерства путей сообщения.

Я часто бывал в доме Брейтенбаха, где нередко велись беседы на хозяйственные и политико-экономические темы и где при посредстве министра мне представлялась возможность входить в общение с целым рядом выдающихся людей и обсуждать важные проблемы.

Планы всех больших вокзалов, шлюзов и мостов предварительно представлялись министром на мое рассмотрение и утверждение.

Я намеренно несколько дольше остановился на этой теме, чтобы доказать: во-первых, влияние, которое монарх может и должен оказать своей личной деятельностью на развитие своей страны; во-вторых, как его свободный от всяких партийных соображений выбор может поставить во главе ведомств дельных людей; в-третьих, какие блестящие достижения были сделаны при честном сотрудничестве этих людей с монархом, полным доверием которого они пользовались. В нашей совместной работе все было ясно и честно.

Для нас имело значение только дело; мы считались лишь с благом и развитием отечества, его укреплением и усилением для состязания на мировом рынке.

С министерством просвещения я, как это и понятно, находился в постоянной и тесной связи. Господина фон-Госслера и господина ф.-Тротта следует считать самыми значительными и выдающимися руководителями этого ведомства, в лице директора Альтгофа обладавшего почти единственным в своем роде сотрудником.

Из собственного опыта моих школьных лет я знал теневые стороны гимназического воспитания. Преимущественно филологический характер образования приводил к известной односторонности всего воспитания. С 1874 г. по 1877 г. я мог наблюдать в Кассельской гимназии, как молодежь, хоть и охваченная энтузиазмом в связи с событиями 1870—1871 г.г. и образованием новой империи, все же, однако, совершенно не была проникнута подлинной идеей германизма и чувством civis Germanus sum, к которому я впоследствии, при закладке Заальбурга, призывал свой народ. Создать такое настроение и разбудить его в подрастающем поколении, заложить твердый фундамент таких убеждений и чувств в молодых сердцах,—эта задача едва ли была по силам нашим педагогам при господствовавшем в нашей школе несколько окостеневшем антично-филологическом учебном плане. Преподавание отечественной истории, которая в особенности должна заставить пламенеть молодые сердца и укреплять в них любовь к родине, ее будущности и величию, находилось в совершенном загоне. С историей новейшего времени, начиная с 1815 г., учащихся знакомили очень мало. Школа воспитывала молодых филологов, а не пригодных к практической работе на пользу расцветающего молодого государства немецких граждан; другими словами, из школы не выходили сознательные немцы. В небольшом кружке моих одноклассников я часто пытался говорить о пангерманской идее, чтобы бороться с сепаратистскими и другими враждебными пангерманизму идеями. Книга о германском флоте адмирала Вернера была одной из немногих книг, посредством которых можно было зажечь в сердцах юношества огонь живой любви к Германской империи.

Наряду с односторонностью школьного образования мне особенно бросались в глаза житейские планы тогдашнего юношества. Молодежь того времени преимущественно занимала мысль, как бы сделать карьеру в качестве чиновника, при чем достичь звания юриста или асессора всегда считалось самой достойной целью. Это объясняется тем, что быт старой Пруссии еще давал себя чувствовать и в молодой Германской империи. Пока государство состояло преимущественно из правительства и чиновничьего аппарата, стремление немецкого юношества к чиновничьей карьере было понятно и обосновано; в чиновничьем государстве это и был для молодого человека настоящий путь к служению отечеству. Уверенные в себе, сильные, благодаря спорту, британские мальчики, с которыми я познакомился в Этоне, конечно, уже тогда говорили о колониальных завоеваниях, об экспедициях для исследования новых земель, о распространении британской торговли, стремясь к тому, чтобы в качестве пионеров своего великого отечества, посредством практической свободной деятельности, а не в качестве государственных служащих, увеличить и укрепить Great Britain. Англия давно уже была мировым государством, в то время, как мы еще были чиновничьим; поэтому английская молодежь могла себе ставить более крупные и далеко идущие цели. Но после того, как Германия также вступила в качестве ценного фактора в мировое хозяйство и мировую поли-

тику, круг идей немецкого юношества должен был бы видоизмениться несколько более быстрым темпом. Я поэтому в позднейшие годы моего царствования с беспокойством сравнивал гордых молодых британцев, изучавших латинский и греческий языки, гораздо меньше, чем это требовалось у нас, с бледными, переучившимися детьми моей страны. Конечно, и тогда уже в Германии были предприимчивые люди, в доказательство чего можно привести ряд блестящих имен; но мысль о том, что можно служить отечеству не по определенному официальному проторенному пути, а свободным соревнованием, еще не укрепилась у всех в достаточной степени. Я привел английский пример потому, что мне кажется более правильным брать без предубеждения все хорошее, где бы мы его ни находили, чем ходить с шорами на глазах.

Именно поэтому, я, будучи кайзером, повел борьбу за школьную реформу для моего немецкого юношества, встретивши отчаянное сопротивление, как со стороны филологии внутри министерства и вне его, так и со стороны педагогических кругов. К сожалению, реформа вышла не такой, какую я ожидал, и привела не к тем результатам, на которые я надеялся.

Идея германизма во всем ее величии была разъяснена изумленному немецкому народу только Чемберлэном в его книге: «Основные черты XIX столетия». Но как показывает гибель немецкого народа, это было напрасно. Немцы распевали, правда, Deutschland über alles [1]), но вместе с тем они, по приказанию врагов, позволили свергнуть кайзера, уничтожить империю, подчинившись руководству русских преступников, в культурном отношении стоящих неизмеримо ниже их, и вонзивши, таким образом, кинжал в спину собственной тяжко борющейся армии. Если бы немцы всех сословий и всех званий были воспитаны на чувстве гордости своим отечеством, такое самоунижение большого народа было бы немыслимо. Это унижение, происшедшее, несомненно, при особых, в высшей степени тяжелых обстоятельствах, является тем менее понятным, что в мировой войне немецкое юношество, хоть и переучившееся и не столь закаленное спортом, как английское, совершило поистине неслыханные деяния. 1914—1918 г.г. показали, чем мог бы стать немецкий народ, если бы он правильно развивал свои превосходные качества. 4 августа 1914 г. герои Лангемарка, бесчисленные великолепные фигуры немцев всех сословий в нужде и смертельных опасностях долгой войны,—все это свидетельствует о том, на что способен немец, когда он отбрасывает в сторону филистерство и с воодушевлением, которое у него так редко открыто проявляется наружу, берется за великое дело. Пусть немецкий народ никогда не забудет об этих воплощениях своего лучшего национального «Я» и всеми силами стремится им подражать, навсегда восприявши их подлинно немецкий дух.

На посту министра юстиции я застал уважаемого друга моего отца, его превосходительство фон-Фридберга, которого еще со времен моей юности я знал, как желанного гостя в родительском доме.

---

[1]) „Германия превыше всего".

Я питал к нему такое же глубокое уважение, каким этот простой общительный человек пользовался у моих родителей.

В последние годы я охотно и часто бывал у его превосходительства Безелера; в его доме я имел возможность слышать из уст собиравшихся у него знаменитых юристов непринужденное обсуждение многих интересных правовых проблем и входить в общение с юридическими авторитетами. К юристам самим по себе я не чувствовал особого влечения, так как, по моему мнению, в юриспруденции часто проявляется слишком много педантизма, оторванности от жизни и доктринерства. Однако составление гражданского уложения очень интересовало меня. Я принимал участие в заседаниях, связанных с этим вопросом, и гордился тем, что это фундаментальное немецкое творение было закончено в мое царствование. Когда, во время моего пребывания в Англии, я встретился однажды на завтраке у лорда Гальдана с верховным судьей Англии, я спросил великого юриста, какого он мнения о германском суде. Его ответ гласил: «Вы судите по букве закона; мы же судим по смыслу и содержанию закона». Я часто подчеркивал, как печально то, что у нас не может быть введено быстрое судопроизводство английской «Police Court» на случай правонарушений полицейского характера, нарушений правил сообщения и т. п. В Англии наказания в таких случаях объявляются уже на следующий день; тогда как в Германии в собирании материала, допросах свидетелей, проходят часто месяцы; и, в конце концов, нередко незначительное наказание налагается тогда, когда самый проступок уже давно забыт. Тяжелые наказания, которым подлежит в Англии и клевета в печати, я охотно ввел бы и в Германии.

У министра финансов ф.-Шольца я, еще будучи принцем, был некоторое время как бы вольнослушателем, принимая участие в заседаниях, в которых играл большую роль знаменитый Мейнеке. Мейнеке был помощником статс-секретаря в министерстве финансов, и ему приходилось поэтому часто иметь дело с другими министрами, ибо финансы имели одинаково важное значение для всех. Он достиг некоторой популярности тем, что, постоянно улыбаясь, он всегда находил наилучший, как он уверял, выход из всех затруднительных положений. Шольц был толковый и преданный долгу чиновник; но ему не удавалось заинтересовать меня скучной материей о налогах и т. п. Иначе было при опытном Микеле, в руки которого министерство перешло после Шольца. Я уже говорил об этом талантливом человеке. Представивши мне доклад о прусской финансовой реформе, он предложил мне три проекта: небольшой, средний, и предусматривающий широкие финансовые реформы. К радости министра, я без колебаний высказался за последний. Государь и министры с большим удовлетворением встретили осуществление реформы.

Министр внутренних дел г. фон-Путткамер, во время 99 дней царствования моего отца, был вынужден, к большому огорчению тогдашнего кронпринца, подать в отставку. Это был дельный испытанный старо-прусский чиновник и преданный королю истый померанец, джентльмен до мозга костей. О нем ходила молва, что своим падением он был обязан интригам императрицы Виктории, супруги

Фридриха III. Но это не верно. Императрица, сочувствуя английскому либерализму, правда, не терпела старо-прусского консервативного министра, но виновницей его отставки она не была. Возможно, что князь Бисмарк устранит его, считаясь с нелюбовью к нему императрицы.

Лесное хозяйство и практическое содействие его развитию всегда были близки моему сердцу, тем более, что лесоводство могло доставить государству новые денежные ресурсы.

Наряду с господином фон-Подбельским, барон фон-Шорлемер был самым дельным министром земледелия. Г. фон-Подбельский стремился организовать на востоке в крупном масштабе лесоводство с целью защиты этих областей, при помощи лесной преграды, от восточного ветра и улучшения, таким образом, климата, стараясь в то же время создать естественную преграду против русского вторжения; г. Шорлемер же, при помощи сооруженных им больших дорог, существенно содействовал облегчению вывоза леса из восточных лесных округов и увеличению способности к конкуренции с русским лесом. Оба министра в союзе со мной стремились поднять наш прекрасный прусский персонал, работающий в лесном хозяйстве, и улучшить условия его существования, чего эти особенно близкие мне, всегда работящие, преданные королю чиновники вполне заслуживали; от честности этих чиновников, их усердия и преданности делу зависел и приток больших сумм в государственную казну. От политического такта и способности г-на фон-Шорлемера, всегда ясно знающего свои цели, я жду еще многого для восстановления нашего отечества [1]).

В области лесоводства я многому научился от знатоков лесного дела барона фон-Гевеля (Ноахимсталь) и барона Шиле фон-Штернбурга (Спитткемен) во время моих охотничьих поездок с этими всеми почтенными охотниками и администраторами.

Интересно привести здесь один характерный русский курьез. Царю, часто слышавшему о крепких рогах Роминтенских оленей, захотелось иметь таких же оленей и в Спале (Польша). Для инструктирования в этом направлении, летом был послан в охотничий замок в Спале барон фон-Штернбург. Он был очень предупредительно встречен в замке генералом, которому тамошняя охота была подчинена. Штернбургу бросилось в глаза, что все помещения, даже необитаемые покои, постоянно отапливались. Когда он обратил внимание генерала на огромный расход дров, генерал, пожав плечами, сказал, что никогда нельзя знать заранее, не приедет ли в Спалу царь. К Штернбургу был приставлен специалист-немец, так как сам генерал не был знаком с округом и ничего не понимал в вопросах, связанных с разведением зверей.

Во время поездок Штернбург нашел много мест, где можно было развести хорошие луга или устроить специальные площади для корма животных. Он обратил внимание на необходимость подобных

---

[1]) Его недавняя смерть, унесшая его в могилу в расцвете его плодотворной деятельности, является тяжелой потерей для отечества.

мероприятий, так как звери начали уже обдирать кору, нанося этим большой вред состоянию деревьев. Немец, печально покачав головой, рассказал, что он уже докладывал об этом, но безрезультатно, ибо сено для зверей нужно получать по железной дороге с Черного моря. Сено часто либо вовсе не прибывает, либо прибывает с сильным запозданием или в испорченном виде. Это положение, однако, изменить нельзя, ибо слишком много людей зарабатывает на этих поставках, за которые платят громадные деньги. Когда, помимо того, им было обращено внимание на многочисленные древесные остатки, находимые при вскрытии во внутренностях животных, что свидетельствовало о недостаточном их питании и выдвигало необходимость устройства пастбищ, то по этому поводу была вызвана из Петербурга специальная комиссия ветеринарных врачей. В течение многих недель комиссия эта жила на царский счет в Спале. Застрелив многих зверей, она подвергла их исследованию и устраивала заседания. Результат был такой: найдя у зверей в желудке древесные остатки, ветеринары решили, что животные могут этим жить и что устройства пастбищ поэтому излишни; в виду этого доставляемое с Черного моря сено, как добавочная пища, вполне достаточно. Так осталось и в дальнейшем, несмотря на посещение Спальского замка Штернбургом.

Когда я слышал эту историю, я невольно вспомнил об анекдоте, который князь Бюлов любил рассказывать из периода своего пребывания в Петербурге. Он там часто бывал в салоне мадам Дурново, где собиралось высшее общество. Однажды один высокопоставленный генерал пожаловался хозяйке, что он попал в какую-то денежную историю», причинившую ему большие неприятности «сверху». Генерал, повидимому, хотел своим рассказом возбудить сочувствие к своему несчастью, но мадам Дурново коротко и с обычной своей резкостью бросила ему: «Mon cher général, quand on fait des saletés, il faut qu'elles réusissent« [1]).

В качестве статс-секретаря по делам почт и телеграфов, г. фон-Подбельский, которого я сам выбрал после отклонения целого ряда кандидатур, умело следуя по стопам Стефана, успешно выполнял возложенные на него задачи. Человек большой практичности, прекрасно знающий свое дело, опытный и сведущий в финансовых вопросах, с прирожденным административным талантом и к тому же находчивый и одаренный едким остроумием, хороший оратор, он часто с большой энергией и ловкостью действовал там, где нужно было впервые проложить себе путь, особенно в вопросах всемирного почтового сообщения, радио-телеграфа и т. п. Этот бывший гусарский полковник на службе своему отечеству составил себе имя, которое никогда не забудется. Забавный контраст с его карьерой составляет карьера одного русского гусарского полковника при Николае I. Сильно разгневавшись однажды на святейший синод, царь прогнал его председательствующего. Спустя

[1]) «Мой дорогой генерал, когда делают нечистые дела, надо, по крайней мере, иметь при этом счастье».

некоторое время он осматривал лейб-гвардии гусарский полк, находившийся под командой полковника графа Протасова. Высочайшее удовлетворение царя превосходным видом и прекрасной маршировкой полка нашло себе совершенно неожиданное выражение в словах царя, обращенных к командиру: «Ты превосходно провел свой полк. В знак того, что я доволен тобой, я назначаю тебя прокурором святейшего синода. Ты приведешь мне его в порядок».

Здесь, между прочим, необходимо упомянуть и о превосходном, достойном уважения человеке, министре Меллере. Будучи, как и Гинцпетер, родом из Билефельда, он был в дружеских отношениях с моим старым воспитателем. Являясь одним из корифеев национал-либеральной партии, он пользовался в рейхстаге со стороны всех партий большим уважением за свой прямой, благородный характер вестфальца и большой опыт в вопросах торговой политики. Когда рейхсканцлер, князь Бюлов предложил мне назначить Меллера министром торговли, я обратил его внимание на то, что Меллер член партии и депутат. Канцлер по этому поводу сказал, что национал-либералы будут приятно изумлены назначением Меллера. Я, однако, заметил, что кабинет министров прусского короля не может и не должен быть партийным, а обязан вне зависимости от каких бы то ни было партий стоять выше их. Персонально я очень ценю Меллера, — прибавил я,—но если он станет министром, то скоро каждый парламентарий заберет себе в голову стать министром. В связи с назначением Меллера и в других партиях разгорятся аппетиты к министерским портфелям, последствий чего нельзя даже и предвидеть. Кроме того, отсутствие Меллера будет сильно ощущаться в парламенте, где я как раз не хочу его лишиться, в виду его влияния среди всех партий. Несмотря на мои возражения, Бюлов настоял на своем. Меллер стал министром и в качестве такового был в очень хороших отношениях со мной. Сравнительно скоро, однако, произошло то, что я предсказывал: по разным обстоятельствам, имевшим значение и внутри его партии, министр Меллер вынужден был уйти с министерского поста

VII.

Наука и искусство.

С живым интересом я всегда следил, всячески стараясь содействовать их разрешению, за вопросами науки, искусства, открытий, врачебного дела и т. п., входящими в широкую и многостороннюю область, заботы о которой лежат на обязанности министерства просвещения.

Особое удовлетворение доставляло мне содействовать развитию высших технических школ. Возрастающее значение техники привлекало к этим учебным заведениям все большие группы наиболее даровитой молодежи, а достижения работавших там преподавателей, как и выходивших оттуда молодых инженеров, прибавляли немецкому имени во всем мире все большую и большую славу.

Профессор Слаби, имевший мировое имя, был одним из самых выдающихся ученых среди шарлоттенбургских преподавателей. До самой своей смерти он находился в живом общении со мной, своими увлекательными речами вводя меня в курс всех новейших изобретений. Наши беседы происходили не только в лаборатории, но и в тихом охотничьем домике в лесу, где я вместе с императрицей в небольшом кругу лиц с напряженным интересом внимал словам Слаби. Он был мне близок и как человек, неоднократно доставляя мне подлинное духовное наслаждение своим простым и ясным отношением к самым разнообразным вопросам, которые он всегда умел освещать в увлекательной и захватывающей форме. Слаби имел для меня большое значение, и я навсегда сохранил благодарное расположение к этому умному человеку.

Под впечатлением достижений высших технических школ и таких людей, как Слаби, Инце, и др., я решил пожаловать этим школам такое же право представительства в верхней палате, каким обладали университеты. Но университеты заявили министру просвещения энергичный протест против этого; завязалась жестокая борьба против тщеславия ученых-классиков, длившаяся до тех пор, пока я, наконец, соответствующим указом не осуществил своей воли. Слаби получил мое телеграфное сообщение об указе, находясь в лаборатории на лекции, и тут же сообщил об этом студентам, встретившим радостную новость восторженными криками. Высшие технические школы оказались достойными сделанной им чести.

При все ожесточавшейся борьбе за мировой рынок и районы сбыта повелительно выдвигалась необходимость использовать в этих целях знания корифеев немецкой науки, предоставивши им больше

свободы, покоя, возможностей работать и материальных средств. Многим выдающимся талантам учебная деятельность мешала в их исследовательской работе, и для последней в их распоряжении оставались только каникулы. Это положение создавало переутомление и переобремененность работой, которые необходимо было устранить. В первую очередь нужно было оказать содействие развитию химии. Ясно учитывая создавшееся положение, министр фон-Тротт и директор департамента Альтгоф помогли мне основать «общество императора Вильгельма» и набросали устав этого общества. За короткое время своего существования последнее сделало много полезного и дало мне возможность познакомиться во время общих собраний с выдающимися учеными всевозможных научных дисциплин, с которыми я потом поддерживал регулярные сношения; я посещал также их лаборатории и мог таким образом следить за ходом их работы. Был основан ряд новых лабораторий; некоторые старые лаборатории, благодаря взносам членов общества, получали материальную поддержку. Я был горд своим созданием, ибо оно оказалось полезным для отечества: изобретения исследователей—членов общества,—послужили на пользу всему народу. Это начинание, с мирными целями и многообещающим будущим, находилось в опытных руках г-на фон-Тротта. К сожалению, война, наряду со всеми другими радостями, похитила у меня и эту радость. Я не могу теперь поддерживать общение с учеными из организованного мной общества, что для меня очень тяжело. Пусть это мое начинание продолжает жить и работать на пользу науки и благо отечества.

Тяжелую борьбу пришлось мне выдержать, когда я вызвал в Берлин профессора Гарнака. Правее стоящие теологи и ортодоксы подняли резкий протест против назначения Гарнака профессором в Берлине. После того, как я еще раз посоветовался с Гинцпетером, высказавшимся в том смысле, что для Берлина и Пруссии будет чрезвычайно печально, если я уступлю в этом вопросе, я настоял на назначении Гарнака, и оно состоялось. В настоящее время тогдашнее противодействие назначению Гарнака является совершенно непонятным. Такой крупной личностью является Гарнак. Такое господствующее положение он завоевал себе в духовном мире. Столько пользы и столько знаний я извлек из живого и интимного общения с этим великим талантом. Так много сделал он, являясь руководителем королевской библиотеки и деканом правления «общества императора Вильгельма,» в качестве которого, он, будучи сам теологом, произносил самые вдохновенные и содержательные речи о точных науках, об исследованиях и изобретениях в области химии и т. п. Я всегда охотно буду вспоминать о личности Гарнака и об его деятельности.

Профессор Эрих Шмидт из Берлинского университета был также близок мне и часто бывал у меня; талантливым речам этого подлинного немца я обязан многими приятными вечерами.

Особым моим доверием пользовался профессор Шиман. Прямолинейный балтиец и передовой борец за германизм в противовес панславизму, проницательный политик и блестящий историк и писатель, Шиман постоянно привлекался мной в качестве советника

in rebus politicis и в вопросах, связанных с историей. Ему я обязан многими ценными сведениями, особенно в области ориентирования в восточных делах. Он часто бывал у меня в доме и, как например, при посещении Танжера, неоднократно сопровождал меня в поездках; в беседах я делился с ним, между прочим, важными секретными материалами о никому неизвестных еще политических событиях. Его непоколебимая скрытность оправдывала мое доверие. Для меня было большим удовлетворением, когда, после освобождения Балтики, я мог назначить этого испытанного человека попечителем Дерптского университета. Совпадение наших политических взглядов на Россию хорошо иллюстрируется следующим фактом. После Портсмутского мира, заключенного в 1905 г. между Россией и Японией, при посредничестве моем и президента Рузвельта, в Берлине, как с официальной стороны (со стороны министерства иностранных дел), так и с неофициальной, строилось много предположений о том, какой политической линии будет придерживаться Россия в дальнейшем. В общем преобладал тот взгляд, что, озлобленная своим поражением Россия склонится на сторону Запада, стало быть, Германии, чтобы найти здесь те связи и подкрепления, с помощью которых она могла бы нанести ответный удар Японии, снова отвоевавши потерянные области и восстановивши, таким образом, свой престиж. Я придерживался совершенно иного мнения, которое я, однако, официально не мог закрепить. Я подчеркивал, что русские одновременно и азиаты и славяне. Как азиаты, они, несмотря на свое поражение, питают расположение к Японии, как славяне же, они охотно вступят в союз с теми, кто показал уже однажды им свою силу. Я поэтому пришел к заключению, что несмотря на соглашение в Бьёрке, Россия через некоторое время пойдет не с Германией, против которой она позже даже обратит свои силы, а с Японией. И в официальных и неофициальных кругах меня прямо осмеивали за подобные фантазии. Я вызвал Шимана и, не высказывая ему своей точки зрения, спросил его мнения по этому поводу. Я был очень удовлетворен, когда в ответ Шиман изложил как раз мои взгляды. Долгое время Шиман и я оставались почти одиноки в своих взглядах по этому важному вопросу внешней политики. События доказали впоследствии нашу правоту. Берлинские, так называемые знатоки России, а с ними и официальный мир ошиблись.

Уже в первые дни царствования передо мной встал вопрос о необходимости некоторых художественных построек. Прежде всего, надо было воздвигнуть достойный моего деда и бабушки надгробный памятник. Старый мавзолей в Шарлоттенбурге был уже недостаточен, и требовалась пристройка к нему. К сожалению, отложенные для таких «экстренных сооружений» императором Вильгельмом Великим денежные средства, так называемый чрезвычайный строительный фонд, были израсходованы во время 99 дней царствования Фридриха III на другие нужды. Таким образом, я вынужден был обременить казну непредвиденными расходами. Мавзолей моих родителей в Марли, на который я также должен был предоставить средства,

был сооружен императрицей Викторией, вдовой Фридриха III, по ее собственным рисункам и планам. Подробный осмотр королевских дворцов как в столице, так и в провинции обнаружил, особенно в Берлинском дворце, в смысле санитарном, жилищном и т. д. такие дефекты, что нельзя было дольше откладывать устранение их. С большим трудом и терпением, но вместе с тем и с радостью, я в течение моего 30-летнего царствования, с помощью архитекторов, художников и т. п., уважая старые традиции моих предшественников, снова привел в порядок дворцы, руководствуясь при этом заботливо составленными сметами, лично проверенными и исправленными мной.

При перестройке Берлинского дворца много помогли тонкие суждения вдовствующей императрицы и ее прекрасное знакомство со стилями. Общий интерес имеет следующее суждение моей матери: «Каждый стиль хорош, пока он чист». Эклектизм 90-х годов архитектор Ине называл «стиль à peu prés». Последним творением, к сожалению, слишком рано скончавшегося господина фон-Ине была реставрация картинной галлереи, законченная лишь в первое время войны. С трудом восстановленный дворец моих отцов, которым я так гордился, был впоследствии обстрелян, взят приступом, разграблен и опустошен революционными бандами. Подобные художественные сооружения, как произведенные мной постройки и упомянутая уже реставрация Белого зала, лежат на обязанности каждого государства, будь оно абсолютистским, конституционным или демократическим. Они являются мерилом культурности страны и содействуют расцвету искусства. В часы отдыха я занимался археологией и раскопками. При этом я стремился установить корни, из которых развилась эллинская античная культура, и отыскать нити влияния востока на запад в культурном отношении. Особенно важной мне казалась ассириология, ибо от нее можно было ожидать освещения и разъяснения Ветхого Завета. Поэтому я с радостью принял предложенное мне председательствование в немецком обществе изучения востока и углубился в его работы, успеху которых я, по мере своих сил, содействовал; я никогда не пропустил ни одного из публичных докладов этого общества. Я поддерживал оживленную связь с правлением общества и заставлял постоянно докладывать мне о раскопках Ниневии, Ассура, Вавилона, в Египте и Сирии. С целью защиты и облегчения этих раскопок я часто лично входил в сношения по этому поводу с турецким правительством. Член общества изучения востока, профессор Делич, прочел свой известный, вызвавший много возражений, доклад на тему «Вавилон и библия», нашедший, к сожалению, еще слишком несведущую и почти неподготовленную аудиторию и давший повод к разного рода ложным толкованиям и нападкам, исходившим, между прочим, и из церковных кругов. Всеми силами я старался помочь выяснению этих недоразумений. Сознавая, что широкие круги еще недостаточно понимают и оценивают значение ассириологии, занимавшей умы стольких выдающихся людей, в том числе и духовных лиц обоих вероисповеданий, я распорядился через моего испытанного друга и блестящего театрального деятеля

графа Гюльзен-Гезелера поставить в театре пьесу «Ассурбанипал», которая после долгой подготовки и была инсценирована под наблюдением немецкого общества изучения востока. На генеральную репетицию были приглашены ассириологи всех стран. В ложах были видны пестрые группы профессоров, протестантских и католических духовных лиц, евреев и христиан.

Многие благодарили меня за то, что этим представлением я показал, как далеко подвинулась уже археологическая наука, и вместе с тем выявил перед широкой публикой значение ассириологии.

Пребывание на Корфу также доставило мне приятный случай послужить археологии и лично заняться раскопками. Случайная находка рельефного изображения головы Горгоны вблизи города Корфу побудила меня самого приняться за работу по раскопкам. Я вызвал на помощь авторитетного археолога и знатока греческих древностей, профессора Дёрпфельда, который и взял на себя руководство этими раскопками. Профессор Дерпфельд, будучи, как и я, восторженным поклонником эллинской культуры, с течением времени стал для меня преданным другом и неоценимым источником познаний по строительному искусству, вопросам стиля и т. д. у древних греков и ахеян.

Было настоящим наслаждением слушать, как Дерпфельд читает и объясняет стихи Гомера, и смотреть, как он восстанавливает на карте, по намекам и описаниям поэта, древние ахейские поселения, разрушенные в эпоху переселения дорян. Названия древних селений, повидимому, часто переносились переселявшимися обитателями их на свои новые поселения, что значительно затрудняет точное установление местоположения древних селений. Несмотря на это Дерпфельд с Гомером, в качестве «Бедекера» в руках, разыскал целый ряд их, узнавая местность по точным географическим описаниям поэта. Это так меня заинтересовало, что я вместе с императрицей предпринял в сопровождении Дерпфельда поездку по морю, чтобы самому проверить искусство Дерпфельда. Мы поехали в Лейкас (Итака) и одно за другим посетили там известные по Одиссее места, при чем Дерпфельд прочитывал соответствующий, описывающий данное место текст из Гомера. Пораженный, я должен был согласиться с тем, что в каждом отдельном случае местность вполне соответствовала описанию ее Гомером. Начатые мной под руководством Дерпфельда раскопки на Корфу имели весьма важные результаты для археологии, доказавши крайне древний возраст самого раннего дорического искусства. Уже найденное рельефное изображение Горгоны подало повод к многочисленным гипотезам, правдоподобным и неправдоподобным, к сожалению, связанным с излишней полемикой. Повидимому, здесь наметилась та нить между Азией и Европой, которую я искал. Я регулярно посылал доклады в археологическое общество, привлек к сотрудничеству также и известного профессора Каро из Афин и был занят приготовлениями к докладам, которые должны были быть прочитаны перед обществом зимой 1914—15 г. Предполагалось, в связи с этими докладами, открыть широкую дискуссию по многим спорным вопросам, в разрешении которых sine ira et studio я надеялся

быть полезным. Я имел удовольствие почти регулярно быть посещаемым в Корфу английскими и американскими археологами, бывшими учениками Дерпфельда, принимавшими горячее участие в освещении часто возникавших сложных проблем. Они работали в Малой Азии, и для меня было крайне интересно слышать, какое важное значение они, на основании своих изысканий, придавали влиянию Азии на происхождение раннего эллинского искусства, находя следы востока в раскопках на Корфу. В 1914 году профессор Дун из Гейдельберга посетил место раскопок на Корфу и, после подробного изучения, согласился с выводами Дерпфельда и моими. О результатах моих раскопок на острове Корфу я выскажусь подробнее в особом произведении.

Таковы были весной 1914 года занятия германского кайзера, который, кровожадно думая о грабеже и завоеваниях, яко-бы начал мировую войну. Пока я в Корфу занимался раскопками и спорил о Горгонах, дорических колоннах и Гомере, на Кавказе и в России уже начали мобилизацию против нас. Еще в начале года царь на вопрос о том, куда он намерен в этом году поехать, ответил: «Je resterai chez moi cette anneé, parce que nous aurons la guerre! [1])

[1]) «Я останусь в этом году дома, потому что у нас будет война».

VIII.

Мое отношение к церкви.

О моем отношении к церкви много писалось и говорилось. Еще будучи принцем, когда я учился в Бонне, я имел случай наблюдать вредные последствия так называемой культурной борьбы в ее последней стадии. Религиозная пропасть действовала так разъединяюще, что, например, на одной охоте я был прямо бойкотирован рейнско-вестфальским ультрамонтанским высшим дворянством. Уже тогда я в национальных интересах решил действовать в том направлении, чтобы создать modus vivendi, который должен был сделать возможным мирное сожительство обоих вероисповеданий. Культурная борьба, как таковая, окончилась еще до моего восшествия на престол.

Я всегда терпеливо и заботливо стремился сохранить хорошие отношения с епископатом и с отдельными князьями церкви. В особенно хороших отношениях я был с кардиналом Коппом, архиепископом Симаром, д-ром Шульте, епископом Бертрамом, епископом Тпль и last not least с архиепископом Фаульгабером и кардиналом ф.-Гартманом. Все они люди, высоко возвышающиеся над средним уровнем, краса германского епископата, патриотизм которых по отношению к кайзеру и государству выявился в полной мере во время войны. Именно это последнее обстоятельство свидетельствует о том, что мне удалось снова рассеять туман «культурной борьбы» и следуя принципу «Suum cuique», сделать возможным и для подданных-католиков разделять чувство любви к своему государству. Особенно тесно я был всю жизнь связан с епископом Бреславльским, кардиналом Коппом. Он всегда лояльно служил мне; мое отношение к нему было преисполнено доверия. Для меня было очень ценно его посредничество между мной и Ватиканом, где он пользовался большим уважением, несмотря на то, что он всецело отстаивал при этом германскую точку зрения. Обществу мало известно о дружески-доверчивых отношениях, существовавших между папой Львом XIII и мной. Какой то близкий к папе прелат впоследствии рассказывал мне, что уже при первом моем посещении я завоевал доверие папы абсолютной откровенностью, с которой я подошел к нему и с которой между прочим сказал ему такие вещи, какие обычно от него охотно утаивались.

Приемы у папы были обставлены необычайно пышно. Папская гвардия в блестящих мундирах, служителя, камергеры и многочисленные духовные сановники в большом числе—все это отражало

в миниатюре подлинную картину мощи римско-католической церкви. Пройдя через дворы, покои и залы, где выстроились все эти люди, я, наконец, очутился в небольшом, с одним окном рабочем кабинете папы. Почтенный старик со своей благородной седой головой и тонким лицом, большие умные глаза которого насквозь пронизывали посетителя, произвел на меня сильное впечатление. Мы обсудили много стоявших на очереди вопросов. Я сердечно радовался тому, что папа с признательностью и благодарностью отметил благоприятное положение католической церкви и ее приверженцев в Германии, присоединивши к этому свои заверения в том, что и он, с своей стороны, постарается, чтобы немецкие католики не отставали от других немцев в любви к отечеству и преданности ему.

Папа Лев XIII, где только мог, оказывал мне всяческие любезности. Так, например, при одном из моих посещений Рима он выделил мою свиту и моих служителей, удостоивши их особой аудиенции. На освящение выстроенного мной портала Мецского кафедрального собора он послал в качестве папского легата епископа Коппа и выказал мне особое внимание, давши мне знать о назначении в ознаменование этого дня архиепископа Фишера (Кельн) кардиналом.

К 25-ти летнему юбилею папы (1903 г.) я передал мои поздравления Льву XIII через особую миссию, во главе которой находился генерал-адъютан тбарон фон-Лоэ, в продолжение многих лет стоявший близко к папе.

Вскоре после этого, за несколько м-цев до смерти папы, я нанес ему мой третий и последний по счету визит. Несмотря на свою сильную слабость, 93-летний старик пошел ко мне навстречу, протягивая мне обе руки. По поводу этого визита, отличавшегося большой сердечностью с обеих сторон, я тогда же сделал себе заметки, недавно снова попавшие мне в руки.

Папа между прочим сказал мне тогда, что он вполне признает и одобряет принципы, которыми я руководствуюсь в управлении страной. Он с интересом следил,—прибавил он,—за моим управлением и с радостью убедился в том, что я построил свое царствование на твердой христианской основе. Мое управление зиждется на таких высоких религиозных принципах, что он не может сделать ничего иного, как призвать благословение неба на меня, на династию и на германское государство, посылая свое апостольское благословение. Крайне интересными показались мне при этом слова папы о том, что Германия должна стать мечом католической церкви. Я возразил, что священной римской империи немецкой нации уже больше не существует, и что условия изменились. Но он остался при своем. Папа далее заявил, что должен снова высказать мне горячую благодарность за то, что я неустанно пекусь также и о благе моих католических подданных. Он, де, так много слыхал об этом с разных сторон, что считает необходимым сказать мне лично, как благодарны мне за это попечение и он, и германские католики. Он может меня заверить, что мои католические подданные и в хорошие, и в пло-

хне минуты всегда останутся всецело преданными мне. «Ils resteront absolument et infailliblement fidèles» [1]),—буквально сказал папа.

Я был сердечно рад этому признанию, исходившему из уст такого авторитетного лица, и заметил, что считаю долгом христианского государя заботиться по мере сил о своих подданных без различия вероисповеданий. Я могу заверить,—сказал я,—что в мое царствование каждый может беспрепятственно исповедывать свою религию и исполнять свои обязанности по отношению к своему церковному главе. Это—мой жизненный принцип, от которого я никогда не отступлю.

В связи с тем, что с самого начала я доказал своим католическим подданным, что не намерен посягать на их свободу вероисповедания, в стране вскоре создалось более спокойное настроение и дурные последствия «культурной борьбы» постепенно исчезали. Однако я не скрывал от себя, что, несмотря на всю вежливость и предупредительность по отношению ко мне, князья церкви, за единственным исключением кардинала Коппа, все же видели во мне еретика, и я должен был считаться с тем, что на католическом юге и западе страны это отношение ко мне никогда не изменится окончательно. Мне неоднократно с признательностью говорили о том, что католикам в мое царствование жилось так хорошо, как они сами только могли бы себе пожелать. Однако, поведение церкви в вопросах о смешанных браках, как и поведение католического центра в области политики, указывали на то, что под спокойной поверхностью продолжали проявляться тенденции борьбы с еретиками.

Тем интенсивнее занимала меня мысль о тесном объединении протестантских церквей сначала в Пруссии, затем в Германии, и, наконец, во всей Европе. С целью найти путь к этому объединению я поддерживал очень оживленные сношения с верховным церковным советом, генерал-суперинтендентами и т. д. Эйзенахскую конференцию я горячо приветствовал, с интересом следя за ней. На освящении церкви в Иерусалиме, на котором я собрал всех генерал-суперинтендентов, я имел возможность также приветствовать прибывшие туда депутации из Швеции, Норвегии и т. д. На освящении Берлинского собора на-ряду со многими другими депутациями была представлена и английская церковь в лице епископа Рипонского Бойд Карпентера, духовника английской королевы Виктории, известного писателя и проповедника. В каждом отдельном случае я стремился к примирению, сближению и объединению. Однако, это не повело ни к каким положительным результатам. Несмотря на то, что в Пруссии уния показала себя с наилучшей стороны, в других частях отечества лютеране и реформисты были чужды друг другу. Иные властительные особы держались крепко за свои права по отношению к своим церквам и были поэтому нерасположены к более тесному объединению церквей всей страны. Таким образом, несмотря на мои старания, германская протестантская церковь долго не могла прийти к объединению и к общему противодействию враждебным

[1]) «Они останутся абсолютно и непоколебимо верными».

ей силам. Только тяжелое положение, в которое церковь попала в связи с политическим переворотом, привело к церковному объединению. В 1922 году в день Вознесения в дворцовой церкви в Виттенберге, к великой моей радости, произошло торжество основания «Германского евангелического церковного союза».

В первое время своей военной службы в Потсдаме я сильно ощущал дефекты проповедей, часто обсуждавших лишь сухую догматику и отодвигавших на второй план фигуру Христа. В Бонне я познакомился в дальнейшем с Д. Дриандером, оставившим на меня глубокое впечатление на всю мою жизнь. Его проповедь была свободна от догматизма, личность Христа стояла у него в центре внимания, и «практическое христианство» выдвигалось им на первый план.

Впоследствии я вызвал его в Берлин и вскоре назначил проповедником в соборе и в моей дворцовой церкви. С тех пор Дриандер, духовно близкий мне, в течение многих лет был моим преданным спутником, духовно поддерживая меня до самого 9 ноября. Мы часто обсуждали между собой церковные дела и подробно беседовали о задачах и будущем протестантской церкви. Гуманные и в то же время полные силы, ясные и проникнутые истинно евангельским духом взгляды Дриандера делали его опорой и красой своей церкви и преданным, искренно привязанным к своему кайзеру сотрудником его в деле укрепления и преуспеяния церкви. После 9-го ноября Дриандер также стал подвергаться преследованиям, которые он спокойно переносил. Надежда, вера и упование его короля идут вместе с ним и с евангелической церковью. Церковь должна снова внутренно выпрямить раздавленный народ своим старым догматом: «Ein feste Burg ist unser Gott» [1]). Я бы не хотел оставить без упоминания влияния переведенного по моей инициативе на немецкий язык сочинения английского миссионера Бернарда Лукас «Conversations with Christ», и должен также отметить то значение, которое имели для меня проповеди пастора Шнеллера (Иерусалим) и сборники молитв: «Der alte Gott lebt noch» и «Aus tiefer Not» консисторского советника Конрада. Эти сочинения своим живым изложением, захватывающим и пленяющим слушателя и читателя, доставили императрице и мне много переживаний большого подъема и просветления. Своему прекрасному воспитателю, профессору Гинцпетеру, вестфальскому кальвинисту, я обязан тем, что мог относиться к религиозным и церковным вопросам с полной объективностью—sine ira et studio. Он воспитал своего воспитанника на библии, оставивши в стороне все догматически-полемические вопросы; полемика в религии поэтому осталась мне чужда, и такие понятия, как самодовлеющая «ортодоксальность», отталкивают меня.

Мою собственную точку зрения на религию я в свое время изложил в ставшем уже тогда известным обществу письме к моему другу Гольльману, частью приводимом в конце этой главы.

В 1898 г. я порадовал моих католических подданных, подаривши, по случаю моего пребывания в Иерусалиме, тамошним немецким ка-

[1]) «Наш Бог—наша мощная крепость».

толикам приобретенный мной у султана участок земли «Dormition». Почтенный и преданный мне патер Шмидт, представитель католического ферейна в Иерусалиме, тут же на месте, на торжественном празднике в честь передачи этого земельного участка, в сердечных словах принес мне благодарность от имени немецких католиков. Когда я говорил с ним о предстоящей застройке и заселении нового немецкого поселения, опытный старый знаток Иерусалима посоветовал мне не передавать его в руки ни одного из тамошних монашеских орденов, ибо все они в большей или меньшей степени замешаны в интриги и борьбу за «loci Sacri» (святые места).

По моем возвращении домой ко мне явилась депутация от немецких мальтийских рыцарей во главе с графом Прашма, чтобы со своей стороны принести мне благодарность.

Вскоре мне был представлен на рассмотрение составленный одним очень талантливым Кельнским архитектором план церкви в «Dormition», искусно разработанный в стиле страны. По окончании постройки этой церкви я решил передать «Dormition» в руки бейронских бенедиктинцев. В 1906 году они переселились в построенный на ряду с новой церковью св. Марии монастырь.

С бенедиктинцами бейронской конгрегации, с настоятелем которой Вольтером я познакомился в Сигмарингене, я в течение долгих лет поддерживал близкие сношения. Орден этот в средние века всегда был в хороших отношениях с германскими императорами: ни один из них не упускал случая при поездках в Рим посетить и живописное Монте-Кассино. Когда бенедиктинцы попросили дать им возможность поселиться на Рейне, я позаботился о том, чтобы ордену был передан великолепный пустовавший тогда романский монастырь «Мария Лаах». Орден, имевший среди своих монахов тонких художников, между ними патера Дезидериуса, привел в цветущее состояние запущенный и полуразрушенный монастырь, украсивший его прекрасной внутренней живописью. Я часто посещал этот монастырь, радуясь тому, что он все в большей степени отстраивается, и наслаждаясь общением с умными аббатами и простым сердечным приемом со стороны верных братьев.

В лице настоятеля монастыря Монте Кассино, монсеньера Круга, я познакомился с человеком необыкновенной духовной одаренности и всестороннего образования, много разъезжавшим по свету; он умел так же бегло изъясняться по-итальянски, по-английски и по-французски, как и на своем родном немецком языке.

В приветствии, обращенном при посещении монастыря к итальянскому королю Виктору Эммануилу и ко мне, он между прочим упомянул, что почти все германские императоры и до них лонгобардские короли посетили Монте Кассино. Он передал мне великолепную коллекцию копий хранившихся в библиотеке ордена грамот Фридриха II. В ответ на этот подарок я в свою очередь подарил ордену произведения Фридриха Великого. В окрестностях монастырей ордена процветает землепашество, при чем монахи знакомят неповоротливых земледельцев со всеми нововведениями и усовершенствованиями в этой области. В сельских и городских общинах

с любовью культивировались церковное пение и игра на органе, которые братья ордена довели до степени высокого искусства. В ордене процветает также и ювелирное искусство, и художественная вышивка у бенедиктинок. Labarum (штандарт) императора Константина Великого, рисунок которого был реставрирован монсеньером Вильпертом, я приказал изготовить в натуральную величину. Один экземпляр я подарил папе, другой—моей дворцовой капелле в Берлине. В революционные дни штандарт был украден из капеллы чернью. Все металлические части штандарта были превосходно выполнены братьями, а вышивка была сделана сестрами ордена. В 1917 году я посетил сестер в их монастыре св. Гильдегардис выше Рюдесгейма.

Поводом к моему письму адмиралу Гольльману послужило возбуждение, вызванное докладом профессора Делича на тему «Вавилон и Библия», прочитанным им в «Немецком обществе изучения Востока», членом правления которого был и Гольльман. Перепечатывая ниже это письмо, я пропускаю первую часть его, детально трактующую о выводах профессора Делича в связи с его докладом.

15 февраля 1903 года.

Мой милый Гольльман!

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Я хотел бы здесь еще раз вернуться к моей личной точке зрения на учение или идею об откровении, которую я часто объяснял уже Вам, мой милый Гольльман, и другим лицам. Я различаю двоякого рода откровения: преходящее, в известной мере историческое, и чисто религиозное откровение, подготовляющее путь к грядущему пришествию Мессии.

Относительно первого надо сказать: у меня нет ни малейшего сомнения в том, что Господь всегда являет себя в созданном им человеческом образе. Он вдунул свой дух в человека, т.-е. дал ему часть себя самого, дал ему душу. С отеческой любовью и интересом следит он за развитием человеческого рода; чтобы вести дальше и развивать человеческий род он «являет себя» в лице того или другого великого философа, либо пастыря, либо короля, будь то у язычников, евреев или христиан. Такими избранниками были: Гаммураби, Моисей, Авраам, Гомер, Карл Великий, император Вильгельм Великий, Лютер, Шекспир, Гёте, Кант. Удостоивши их своей милости, он избрал этих людей для того, чтобы они на благо своих народов создали по Его воле прекрасные и нетленные духовные цен-

ности. Как часто мой дед настойчиво подчеркивал, что он лишь орудие в руках Господних. Дела великих людей являются дарами Божьими народам для того, чтобы последние с их помощью могли усовершенствоваться и дальше находить себя на земле в запутанных и еще неисследованных явлениях мира. Конечно, Господь Бог в зависимости от положения и культурного уровня народов в каждом отдельном случае «явил себя» им в различных формах. Так поступает Он и сейчас. Ибо подобно тому, как при виде покоряющих нас красоты и мощи мироздания, мы восхищаемся проявляющимся в нем величием Божьим, точно так же мы можем с благодарным благоговением усматривать во всех подлинно великих и прекрасных деяниях отдельных людей или целых народов чудесное откровение Творца. Он непосредственно действует над нами и под нами.

Второй род откровения, более религиозного характера, это — откровение, ведущее к непосредственному явлению Господа Бога на земле. Медленно, но непреложно и премудро подготовляется это явление Господне, начиная с Авраама, ибо, не будь этого, человечество погибло бы. И тут начинается самое чудесное проявление Господнего откровения.

Колено Авраамово и развившийся из него народ с железной прямолинейностью считают самым священным для себя веру в Единого Бога. Эту веру они призваны беречь и лелеять. Рассеянный в египетском пленении отдельными частями народ израильский, все же стремившийся сохранить свой «монотеизм», был снова спаян Моисеем. То, что Бог дал этому народу возродиться, является прямым вмешательством Господним в судьбы человечества. Так продолжается в течение столетий, до тех пор, когда, наконец, появляется Мессия, предсказанный и возвещенный пророками и псалмопевцами, величайшее откровение Господа на земле, ибо он явился сам в сыне своем; Христос—есть Бог, Бог в человеческом образе. Он явился нашим спасителем, он воспламеняет нас, заставляя следовать за собой; мы ч у в с т в у е м, что Его огонь горит в нас, что Его сострадание нас подкрепляет, Его недовольство уничтожает, а Его заступничество спасает. Уверенные в конечной победе, полагаясь лишь на Его с л о в о, мы идем через труд, оскорбления, несчастья, печали и смерть, ибо в Нем мы имеем открытое нам слово Божье, Господь же никогда не обманывает.

Таков мой взгляд на этот вопрос. Слово Божье для нас, евангелистов, благодаря Лютеру, имеет особое значение, и Делич, как хороший теолог, не должен был забыть, что наш великий Лютер учил нас верить и петь «Das Wort sie sollen lassen stahn»[1]). Мне представляется само собой понятным, что Ветхий Завет содержит большое число глав, носящих чисто человеческий исторический характер, а не являющихся «словами—откровениями Божьими». Это—чисто исторические описания всякого рода событий из жизни израильского народа в области политической, религиозной, нравствен-

[1]) «Слово Божие неприкосновенно».

ной и духовной. Так, например, акт вручения Моисею заповедей на Синае можно только символически рассматривать, как инспирированный Богом; Моисей должен был прибегнуть к обновлению, вероятно, уже давно известных законов, ведших свое начало, быть может, еще из кодекса Гаммураби, чтобы объединить и связать шаткую и мало способную к сопротивлению организацию своего народа. Здесь, возможно, историк и может найти по общему смыслу или буквальному тексту связь с законами Гаммураби, друга Авраама, связь, логически, быть может, и вполне правильную; но это нисколько не противоречило бы тому факту, что именно Господь побудил к этому Моисея, явившись таким образом народу израильскому.

Мое мнение поэтому таково, что наш добрый профессор должен впредь избегать затрагивать и обсуждать в своих докладах в нашем обществе религию, как таковую, но может в то же время спокойно описывать то, что религия, нравы и т. п. вавилоняи и др. внесли в Ветхий Завет.

Из всего этого я делаю следующие заключения:

a) Я верю в Одного, Единого Бога.

b) Мы, люди, чтобы почитать Его, нуждаемся в ф о р м е, особенно важной для наших детей.

c) Этой формой до сих пор был Ветхий Завет в его теперешнем виде. В связи с исследованиями и раскопками эта форма непременно в дальнейшем существенно изменится; но это не играет роли; не существенно то, что при этом улетучится многое из того, что окружает нимбом избранный народ. Суть и содержание,—Господь и Его дела, все же останутся неизменными. Религия никогда не была результатом науки, а всегда исходила из сердца и бытия человека, благодаря общению последнего с Богом.

С сердечной благодарностью и искренним приветом всегда пребывающий Вашим верным другом. Подп. Вильгельм.

IX.

Армия и флот

Моя тесная связь с армией общеизвестна. В этой области я следовал традициям моего дома. Прусские короли не гнались за космополитическими фантазиями, а считали, что страна может благополучно преуспевать лишь тогда, когда реальная сила защищает ее промышленность и торговлю. Если я во многих приказах призывал держать «порох сухим» и «меч наготове», то это было направлено в равной степени и по адресу врагов, и по адресу друзей. Враг должен был три раза подумать, прежде чем осмелиться напасть на нас. В немецком народе я хотел укрепить дух мужества. Сильное поколение должно было встретить тот час, когда мы были бы вынуждены защищать против вражески хзавоевательных поползновений плоды нашего труда.

Кроме того, я высоко ценил воспитательные задачи армии. Всеобщая воинская повинность действует в социальном смысле больше, чем все остальное. Она сводит вместе богатых и бедных, сыновей деревни и города. Она заставляет молодых людей, жизненные дороги которых вообще далеко расходятся, знакомиться и понимать друг друга. Сознание, что они служат о д н о й идее, объединяет их. А что мы делали из нашей мужской молодежи! Бледные городские парни превращались в бравых, здоровых, закаленных спортом мужчин; неповоротливые, они становились гибкими и ловкими.

Употребляя известное выражение короля Фридриха Вильгельма III, я сразу же из бригадного командира стал королем. Прежде чем стать королем, я прошел всю лестницу офицерской карьеры. Я еще сегодня с удовольствием вспоминаю, с какой гордостью я 2 мая 1869 г., во время весеннего парада, впервые стоял в строю перед моим дедом. Общение с отдельными людьми было для меня всегда заманчиво. И поэтому я особенно ценил те служебные положения, при которых я мог поддерживать такое общение. Я никогда не забуду своей деятельности в качестве начальника эскадрона и батареи, как и на посту командира полка.

Среди своих солдат я чувствовал себя, как в родном кругу. Я питал к ним неограниченное доверие, которое не уменьшилось и теперь, несмотря на печальный опыт осени 1918 г. Я не забываю, что часть немецкого народа после 4-х лет неслыханных подвигов и лишений настолько изболелась, что не могла противостоять козням внешних и внутренних врагов. К тому же лучших из народа покрывал зеленый надмогильный дерн. Остальные были так подавлены

неслыханными, казавшимися невозможными революционными событиями, что не могли подняться для активных действий.

Всеобщая воинская повинность была лучшей школой для поднятия физического и нравственного уровня нашего народа. Она создала нам свободных, знающих себе цену людей, которые пополняли наш превосходный унтер-офицерский корпус; последний, в свою очередь, доставлял нам чиновничество, равного которому по деловитости, неподкупности и верности долгу не было ни у одного народа в мире. Как раз из этих кругов я и теперь получаю доказательства преданности мне, неизменно приносящие мне отраду. Моя старая 2-я рота 1-го гвардейского полка и в хорошие и в плохие дни принимала участие в судьбе своего старого командира. В последний раз я видел ее в строю в составе 125 человек под командой бравого фельдфебеля Гартмана еще в 1913 г. во время 25-тилетнего юбилея моего царствования.

Офицерский корпус, в связи с высокой воспитательной задачей руководства вооруженным народом, занимал в государстве особое положение. Самопополнение офицерского состава, с введением офицерских выборов переданное в руки отдельных офицерских корпусов, обеспечивало их необходимую однородность. Связанные с кастовым духом вредные наросты сделались единичными явлениями. Там, где они все же давали себя чувствовать, их тотчас же устраняли. Я охотно поддерживал тесную связь с офицерским корпусом, чувствуя себя по-товарищески в офицерской среде. Конечно, материалистическое направление нашей эпохи не прошло бесследно и для офицерского корпуса. Но в общем надо сказать, что ни в одном другом сословии внутренняя дисциплина и преданность долгу, соединенная со скромностью, не поддерживались в такой степени, как в офицерском корпусе.

Испытания, каких не было ни в какой другой профессии, позволяли достигать руководящих постов только способнейшим и лучшим из офицеров. Командующие генералы были людьми больших знаний и способностей и, что еще важнее, обладали сильным характером. Из числа этих одинаково высоко стоящих генералов трудно выхватить отдельных лиц.

Если фронтовой солдат и был особенно близок моему сердцу, то все же я должен отметить ту школу, какой является для офицерского корпуса генеральный штаб. Я уже упомянул о том, что генерал-фельдмаршал граф Мольтке умел заботливо воспитывать людей, не только в техническом смысле стоящих на высоте своего положения, но и способных к ответственной, самостоятельной, дальновидной деятельности. «Быть бо́льшим, чем ты кажешься»,—написано в предисловии к «Карманной книжке для офицеров генерального штаба». Фундамент военного образования заложил фельдмаршал граф Мольтке. Его преемники, граф Вальдерзее, гениальный великий граф Шлиффен и генерал фон-Мольтке в дальнейшем продолжали строить уже на этом фундаменте. В результате был создан генеральный штаб, совершивший во время войны непревзойденные подвиги, на которые с изумлением смотрит весь мир.

Я рано созпал, что максимальное усовершенствование нашей высоко развитой техники является необходимым вспомогательным средством, которое может нам сберечь много драгоценной крови. Где только я мог, я работал над усовершенствованием нашего вооружения и заставил машину служить армии.

Из моих достижений в этой области на первом плане стоит тяжелая походная артиллерия, при создании которой мне в свое время пришлось преодолеть сильное противодействие, исходившее, как это ни странно, главным образом, из рядов артиллерии же. Для меня является большим удовлетворением, что я все же создал эту тяжелую походную артиллерию. Она положила фундамент для ведения военных операций в крупном масштабе. Прошло много времени, прежде чем наши противники смогли нагнать нас и достигнуть сделанных нами в этой области успехов.

Далее следует упомянуть о пулеметах, находившихся вначале в зачаточном состоянии и сделавшихся впоследствии основным стержнем всей боевой мощи пехоты. Замена ружья пулеметом увеличила во много раз силу огня при одновременном уменьшении потерь с нашей стороны. Я не хочу оставить без упоминания и введение передвижной походной кухни, которую я впервые увидел на маневрах русской армии. Она имела чрезвычайно большое значение для поддержания боеспособности армии, ибо возможность достаточного питания сохраняла нашим солдатам бодрость и здоровье.

Всякое человеческое дело несовершенно. Все же можно сказать без преувеличения, что германская армия, выступившая в поход в 1914 г., представляла собой инструмент, не имевший себе равного.

Если при моем вступлении на престол я нашел армию в таком положении, что надо было только строить дальше на имевшемся уже фундаменте, то флот находился тогда еще в первоначальной стадии своего развития.

Не желая остаться на своем посту после того, как все его попытки побудить упрямый рейхстаг к медленному, но систематическому усилению германских морских сил потерпели крушение, особенно благодаря дешевым лозунгам депутата Рихтера и близорукости ослепленных им левых либералов, статс-секретарь адмирал Гольльман попросил у меня отставки.

Я с сожалением дал ее ему, ибо мне был дорог этот простой, привязанный ко мне и преданный человек, сын настоящей хорошей берлинской бюргерской семьи с его искренним характером и глубоким сознанием долга. Моя дружба к адмиралу, покоившаяся на глубоком уважении к нему, продолжалась еще многие годы вплоть до самой внезапной смерти его; я часто посещал этого преданного мне человека, отличавшегося великолепным чисто-берлинским юмором, встречаясь в его доме с членами правления немецкого общества изучения востока; приглашал его к себе в интимном кругу и брал с собой в качестве ценного спутника в своих поездках. Он был одним из самых верных и преданных мне людей, который всегда оставался неизменным в своем бескорыстии и никогда ничего не про-

сил для себя. Счастлив тот город, в котором рождаются такие граждане. Я сохраняю благодарную память об этом испытанном друге.

Адмирал Тирпиц стал преемником Голльмана. В своих первых докладах, легших в основу первого законопроекта о флоте, он был совершенно согласен со мной в том, что морскую строительную программу никак не удастся провести в рейхстаге теми способами, какими это пытались сделать до сих пор. Как уже было указано, оппозиция была непоколебима. Дебаты под руководством Рихтера велись в недостойном тоне. При этом надо отметить, что корвет, постройка которого был проведена поляками во главе с г. фон-Косцielьским, был в шутку прозван в палате «Kosciolska»: не стыдились оперировать насмешками, в то время как дело шло о будущем отечества. Такое положение должно было измениться. Представитель флота должен был иметь за собой как в правительстве, так и в рейхстаге сплоченную фалангу, которая убежденно и энергично стала бы на его защиту и твердо отстаивала бы интересы флота. Поэтому было необходимо, чтобы еще с совершенно несведущие в rebus navalibus (в морских делах) представители страны, наконец, были детально ознакомлены с предстоящими великими задачами. Надо было возбудить общее движение в народе, заинтересовать морскими вопросами еще равнодушную к ним «широкую публику», для того, чтобы сам народ оказал давление на депутатов. С этой целью необходимо было организовать энергичную пропаганду как в хорошо инспирированной и руководимой прессе, так и через посредство выдающихся людей науки из университетов и высших технических школ.

Все отношение к этому вопросу со стороны рейхстага должно было быть в корне изменено. Споры из-за отдельных судов и доков должны были замолкнуть. Ведь при рассмотрении военного бюджета не обсуждался же состав армии, если только не стоял вопрос о новых формированиях. Точно так же и состав флота нужно было раз навсегда зафиксировать в законодательном порядке, чтобы его право на существование было, таким образом, признано и гарантировано; при постройке отдельных морских единиц надо было раз навсегда освободиться от дебатов. Помимо того, чтобы быть в состоянии обслуживать новые суда, требовалось усиление как офицерского, так и унтер-офицерского корпуса. В начале моего царствования ежегодно поступало в морские корпуса не более 60—80 кадет; в последние же годы перед войной желающих поступить туда были многие сотни. 12 драгоценных лет были потеряны благодаря бездействию рейхстага. Их нельзя было уже наверстать, потому что флот еще гораздо меньше, чем армия, может быть создан по мановению руки. Цель, к осуществлению которой надо было стремиться, заключалась в параграфе закона, выражавшем «мысль о риске». Даже и напильнейший неприятельский флот должен был серьезно призадуматься, прежде чем решиться вступить в борьбу с германским, считаясь с неизбежными тяжелыми потерями и с риском того, что он будет ослаблен в этой борьбе и окажется, таким образом, неспособным для выполнения других задач. При Скагерраке эта «мысль о риске» блестяще оправдалась. Неприятель, несмотря на свое огромное пре-

восходство, не отважился на второе сражение. Блеск Трафальгара уже потускнел; его лавры не должны были быть в конец растрепаны.

В основу закона о флоте было положено число имеющихся единиц (судов) (дело шло, главным образом, о линейных судах), хотя эти суда, за исключением 4 судов Бранденбургской группы, представляли собой не многим бо́льшую ценность, чем старое железо.

Закон о флоте рассматривался многими профанами, судившими о нем по количеству судов, как средство увеличения флота. На самом же деле это был ложный вывод. Ибо, так называемый существующий флот вообще не был уже флотом; он медленно умирал, от старческой немощи, как выразился Гольльман накануне своей отставки; в сравнении со всеми европейскими флотами германский флот состоял из самых старых боевых судов.

Когда закон о флоте стал постепенно осуществляться, когда закипело оживленное морское судостроительство, и начался уже спуск новых судов, несведущие люди, охваченные «rage du nombre», обрадовались возрастающему количеству судов. Но когда им потом разъяснили, что, как только новые суда будут готовы, старые суда немедленно выйдут из строя, так что фактически число боеспособных судов сначала не увеличится, то они были разочарованы. Если бы в течение потерянных 12 лет своевременно была выполнена необходимая судостроительная программа, то законопроект о флоте нашел бы совершенно другую, более благоприятную почву. Но, как в действительности тогда обстояли дела, речь фактически шла о создании совершенно нового германского флота; высокие цифры судов, в счет которых вошли и старые, выбывающие из строя суда, были лишь фикцией. Именно поэтому англичане, только и занимавшиеся, в целях пропаганды против Германии, счетом наших судов, не принимая однако во внимание ни возраста, ни типа их, и насчитали такое большое количество морских единиц, что ввели в заблуждение всех и искусственно сеяли так называемую тревогу по поводу роста германского флота.

Адмирал Тирпиц приступил к делу по одобренной мной программе. Вложивши в это дело всю свою железную энергию, все свои силы и здоровье, он быстро сдвинул с места вопрос о флоте. По моему приказанию он поехал с проектом закона о флоте в Фридрихру к князю Бисмарку, чтобы убедить и его в необходимости увеличения германских военно-морских сил.

Пресса также повела энергичную кампанию в пользу внесения законопроекта о флоте; экономисты, специалисты по вопросам торговой политики и т. п., отдали свои перья на службу великому национальному делу, необходимость которого все же постепенно стала сознаваться в самых широких кругах. В то же время и англичане, конечно, совершенно не желая этого, неожиданно увеличили шансы принятия законопроекта. Началась бурская война, вызвавшая в немецком народе большие симпатии к маленькому государству и возмущение по поводу насилия над ним; как раз тогда пришло известие о совершенно незаконном захвате английскими военными судами двух германских пароходов на восточно-африканском берегу.

Возмущение было всеобщим. Известие о захвате второго парохода статс-секретарь граф Бюлов получил как раз в тот момент, когда Тирпиц и я случайно были у него. Когда Бюлов прочел нам полученную им телеграмму, я привел старую английскую пословицу: «It's an ill wind that blows nobody good»[1]), а Тирпиц воскликнул: «Теперь мы имеем тот ветер, который нам нужен, чтобы привести наш корабль в гавань: законопроект о флоте теперь пройдет. Вашему Величеству следовало бы даже пожаловать орден английскому командиру в благодарность за проведение законопроекта о флоте». Канцлер потребовал шампанского, и втроем мы пили, преисполненные благодарности к английскому флоту, оказавшему нам такую помощь, радуясь законопроекту, его неизбежному теперь проведению в жизнь и будущности германского флота.

Будучи много лет спустя на охоте в Lowther Castle у лорда Лонсдаля, я на обратном пути по приглашению лорда Росбери, крупного либерального политика и бывшего министра иностранных дел, известного исследователя наполеоновской эпохи, обедал в его прекрасной расположенной у моря усадьбе Дальмени Кестль.

Среди гостей находились между прочим известный по бурской войне генерал сэр Джон Гамильтон (шотландец), с которым я познакомился на маневрах в Германии, лорд провост (городской голова) Эдинбурга и капитан английского флота, начальник таможней морской станции. Последний сидел наискось против меня, рядом с адмиралом, бароном фон-Зенденом, и мне бросилось в глаза его странно-смущенное лицо во время его беседы вполголоса с адмиралом. После обеда барон фон-Зенден представил мне капитана, при чем последний от смущения держал себя еще более неловко, обративши на себя мое внимание беспокойным выражением своих глаз на бледном лице. По окончании беседы с капитаном, затронувшей различные морские вопросы, я спросил барона фон-Зендена, что в сущности случилось с этим человеком. Адмирал рассмеялся и сказал, что за столом он разузнал от своего соседа, что последний и есть тот командир, который во время бурской войны захватил два немецких парохода, теперь этот капитан боится, чтобы я не узнал об этом. Но Зенден ему возразил, что он ошибается: если Его Величество узнает, кто он, то он может смело рассчитывать на хорошее к себе отношение со стороны кайзера и даже на благодарность. «Благодарность? За что?»—спросил британец. «За то, что вы так облегчили кайзеру осуществление законопроекта о флоте».

Самым существенным вопросом как при проведении первого закона о флоте и всех позднейших морских законопроектов, так и при развитии флота вообще был вопрос о том, будет ли германская судостроительная индустрия в состоянии следовать за судостроительной программой и провести ее целиком в жизнь. И в этом отношении адмирал фон-Тирпиц работал с неутомимой энергией. Немецкие верфи, поддержанные и поощряемые им, с чисто немецкой смелостью

[1]) «Ни один ветер не настолько плох, чтобы не принести кому-либо чего-нибудь хорошего».

взялись за великую задачу, которую они выполнили прямо-таки блестяще, далеко обогнавши при этом своих заграничных конкурентов. Превосходные технические познания немецких инженеров, как и наилучшая квалификация немецких рабочих выявились здесь полностью. Совещания, конференции, доклады мне, служебные поездки по всем верфям—целиком заполняли все дни неутомимого Тирпица. Но его огромные усилия и труды были хорошо вознаграждены. Народ проснулся, стал ценить значение колоний (обеспечение собственным сырьем без иностранного посредничества) и торговых сношений, увлекшись торговой деятельностью, судоходством и т. д. Падкая до насмешек оппозиция прекратила, наконец, свои остроты. Не позволяя себе шутить и не допуская шуток по отношению к себе, Тирпиц в этом сражении пустил в ход острый клинок своей находчивости, и у противников смех вскоре исчез. Особенно плохо пришлось депутату Рихтеру, когда Тирпиц блестяще отделал его, посадивши его в калошу цитированием произнесенных еще в 40-х годах патриотических слов старого Гаркорта, избирательный округ которого Рихтер представлял, о необходимости германского флота. Тогда уже наступила очередь смеяться другой части палаты.

Настал великий день. Законопроект после борьбы и прений был принят значительным большинством. Состав и строительство германского флота были гарантированы.

Благодаря строительству новых судов и повышенному сроку плавания их, вскоре составилась эскадра. Для руководства ею необходимы были новый устав и новая система сигнализации; последние при моем вступлении на престол были выработаны лишь для одного дивизиона—4 кораблей, ибо бо́льшее количество морских единиц в Германии тогда не съезжались вместе, т.-е. одновременно не находились в плавании. И даже эти суда осенью расформировывались, так что зимой германского флота в сущности вообще не существовало, за исключением, конечно, крейсеров, находившихся в заграничном плавании. Все усилия, затраченные летом как на обучение экипажа, офицеров, унтер-офицеров, персонала машинистов и кочегаров, так и на оснастку и оборудование судов как бы совершенно пропадали в связи с расформированием их осенью. Весной приходилось все начинать сызнова. В результате невозможно было вообще сохранить как непрерывность в отношении обучения, так и более тесную связь экипажа между собой и с судном,—словом, нельзя было сохранить «духа корабля». Исключением в этом смысле были лишь находившиеся на стоянке крейсера для заграничного плавания. В виду этого я приказал после установления необходимого отопления и т. п. содержать корабли в готовности и зимой, что было подлинным благодеянием для развития флота.

Чтобы собрать воедино необходимое для выработки нового устава число судов, адмирал Тирпиц, в виду недостатка линейных кораблей, уже раньше приказал стянуть все имевшиеся суда всех типов, включая канонерские лодки и вестовые суда, составивши из них как бы дивизион и производя с ними разные эволюции; таким образом, когда впоследствии число линейных кораблей действительно увели-

чилось, основа для нового устава была уже положена. Последний при содействии всех заинтересованных инстанций постоянно и очень тщательно усовершенствовывался, не отставая от роста флота. Много внимания уделялось и созданию столь важных в военном отношении миноносцев. В свое время нас наполнило гордостью то, что германский дивизион миноносцев был первой сомкнутой цепью миноносцев, пересекшей Северное море: дивизион этот под командой моего брата, принца Генриха, отправился на торжества по поводу 50-летнего юбилея царствования королевы Виктории (1887 г.).

Возведенные на Гельголанде государственными органами необходимые для безопасности острова защитные сооружения, возбудившие не мало ссор между Пруссией и всей империей, завершили оборудование и укрепление острова, имевшие в виду сделать его опорным пунктом для небольших крейсеров и миноносцев, а впоследствии и для подводных лодок.

В связи с ростом флота выдвинулась необходимость расширения канала кайзера Вильгельма. После энергичной борьбы мы, считаясь с неизбежным развитием в дальнейшем дредноутов, в максимальной степени углубили новые шлюзы.

В этом мероприятии блестяще обнаружилась мудрая предусмотрительность адмирала, нашедшая себе неожиданное подтверждение и со стороны одного иностранца. Полковник Гетальс, строитель Панамского канала, попросил через американское правительство разрешения осмотреть канал императора Вильгельма и его новые шлюзы. Это разрешение с большой готовностью было ему дано. После обеда у меня, на котором присутствовал и адмирал фон-Тирпиц, последний спросил восхищавшегося нашими сооружениями американского инженера о глубине Панамских шлюзов. Оказалось, что шлюзы Панамского канала имели гораздо меньшую глубину, чем шлюзы канала императора Вильгельма. Когда я, крайне удивленный, спросил, как это могло случиться, Гетальс ответил, что при сооружении шлюзов он руководился полученными им официальными указаниями департамента по морским делам о размерах линейных кораблей. Адмирал фон-Тирпиц тут же заметил, что эти размеры на будущее время окажутся далеко не достаточными, и что новейшие дредноуты и «сверх-дредноуты» не смогут пройти эти шлюзы; канал, таким образом, скоро окажется непригодным для американских и других больших военных судов.

Полковник подтвердил, что это уже и случилось по отношению к спущенным кораблям новейших типов, и поздравил его превосходительство с тем, что у адмирала хватило мужества отстоять и осуществить устройство больших шлюзов канала императора Вильгельма, на которые он смотрел с изумлением и завистью.

Точно так же технически крайне отсталые и устаревшие императорские верфи, которые Тирпиц называл старыми «мастерскими жестяных изделий», были перестроены в современные образцовые предприятия, в которых между прочим на благо рабочих как нельзя лучше были проведены и социальные мероприятия по охране труда. Лишь тот, кто, как я, с самого начала следил, сам все переживая,

за возникновением и развитием всех факторов, содействовавших усовершенствованию, в сущности, вновь созданного германского флота, может составить себе хоть сколько-нибудь верную картину огромных трудов адмирала фон-Тирпица и всего его ведомства.

Имперское морское ведомство было также совершенно новым учреждением. Со времени уничтожения старого «верховного командования» обе главные отрасли управления флотом: адмиральский штаб и имперское морское ведомство, будучи совершенно самостоятельны, подчинялись, как и армия, непосредственно верховному главнокомандующему; таким образом, между кайзером и его флотом больше не было никаких промежуточных инстанций.

Когда, поразив весь мир, адмирал Фишер изобрел для английского флота совершенно новый тип судов, дредноуты, думая при их помощи окончательно закрепить за Англией такой недостижимый перевес, против которого все остальные державы никогда не сумеют бороться, то все знатоки флота, естественно, пришли в большое волнение. На самом же деле мысль о постройке дредноута зародилась впервые не в голове Фишера, а исходила, главным образом, в форме совета судостроителям, от знаменитого итальянского инженера Куниберти; опубликовавшего в иллюстрированном флотском атласе Fred Jane эскиз проекта. При первом обсуждении вопроса о постройке Англией новых больших военных судов типа дредноута, я тотчас же сошелся с адмиралом фон-Тирпицем на том, что благодаря этим судам все прежние типы судов теряют свое значение и в дальнейшем неизбежно будут выведены из строя. В первую очередь это относится к германским судам, которые, в связи с незначительной глубиной наших старых шлюзов, были относительно гораздо меньших размеров, чем суда других флотов, особенно английского. Адмирал фон-Тирпиц обратил внимание на то, что в случае, если другие государства последуют примеру Фишера, то создавшееся положение, естественно, коснется и самого английского флота. Постройкой дредноута Англия сама как бы обесценила огромное число своих прежних судов, на котором базировалось ее мощное превосходство на море; конкурируя со всем миром, который, следуя ее примеру, также бросится строить дредноуты, Англия вынуждена будет начать сызнова строить совершенно новый флот из крупнейших морских единиц. Это ей обойдется чрезвычайно дорого.

Во имя сохранения пресловутого английского принципа о том, что английский флот всегда должен быть сильнее флотов двух сильнейших держав, вместе взятых, Англии придется затратить огромные средства, и, в связи с этим, она еще более завистливо, чем раньше, будет смотреть на судостроительство в тех государствах, к которым она настроена недоброжелательно, агитируя против усиления их морской мощи. Это особенно касается нас. Тем не менее мы с этим не можем считаться. С нашими судами старых типов нельзя бороться с дредноутами, и мы, nolens volens, принуждены следовать в этой области за Англией. Война вполне оправдала мнение адмирала фон-Тирпица. Все небольшие военные суда во время войны оказались несостоятельными и были выведены из строя. Когда был спущен пер-

вый немецкий дредноут, в Британии поднялся большой шум. Постепенно стало известно, что Фишер и его помощники твердо рассчитывали на то, что Германия не сможет построить дредноутов. Тем более велико было их разочарование. Непонятно, на чем основывались их расчеты. Ведь уже тогда германские верфи построили большие быстроходные пароходы, далеко превосходившие по тоннажу наши линейные суда и весьма успешно конкурировавшие с английскими пароходными линиями. Наши дредноуты при Скагеррак не только показали себя равноценными своим английским противникам, но и обнаружили свое несомненное превосходство.

Строительство подводных лодок перед войной, к сожалению, не могло подвинуться вперед в такой степени, как я того хотел. С одной стороны, при проведении закона о флоте нельзя было чрезмерно обременять смету морского ведомства, а, с другой стороны, мы в этом отношении нуждались в более значительном опыте.

Тирпиц полагал, что те типы подводных лодок, с которыми делали свои испытания другие государства, слишком малы и годятся лишь для защиты берегов. Германия же должна построить подводные лодки, «шныряющие по морю» и могущие держаться в открытом море. Для этого необходим более усовершенствованный тип подводной лодки, но его нужно было еще сперва систематически развить, что требовало много времени и многочисленных длительных испытаний с моделями. Этим и объясняется то, что в 1914 г., в начале войны, имелось лишь ограниченное число готовых к плаванию лодок. Все-таки и с имеющимися уже силами можно было бы сделать еще больший нажим на Англию, если бы канцлер в такой мере не беспокоился, как бы не раздразнить Англию. Количество и боеспособность подводных лодок во время войны быстро возросли. При оценке количества подводных лодок следует, однако, учитывать, что во время войны $^1/_3$ их находится в бою, $^1/_3$—в крейсировании туда и обратно и $^1/_3$—в ремонте. Подвиги подводных лодок вызвали удивление всего мира и заслужили себе горячую признательность отечества.

Незабываемы заслуги адмирала фон-Тирпица и в деле крайне успешного создания торговой колонии Цзинтау. Здесь всесторонне выявил себя его блестящий талант администратора и организатора. Силой своего таланта он из почти неизвестного до сих пор и совершенно незначущего места создал торговый пункт, в течение немногих лет достигший торгового оборота в размере от 50 до 60 миллионов марок. Вызванное его служебным положением общение с парламентариями, прессой и кругами крупной индустрии и мировой торговли со временем увеличило интерес адмирала к политическим вопросам, в особенности к вопросам внешней политики. Последние ведь всегда выдвигали необходимость считаться с состоянием флота. Ясный и широкий кругозор моряка, знающего заграницу по своим путешествиям, делал Тирпица способным к быстрым решениям, которые он, в связи со своим огненным темпераментом, всегда хотел бы видеть немедленно претворенными в дело.

Противодействие и медлительность чиновничьих душ всегда сильно раздражали его. Известная, быть может подкрепленная горьким

опытом, склонность к недоверию часто склоняла его к основательным и неосновательным подозрениям по отношению к отдельным лицам. Это делало Тирпица каким-то очень сдержанным и «подавляло всякое движение сердца» и у других. Приходя часто, на основании новых размышлений или новых фактов, к перемене своей прежней точки зрения, он был в состоянии очень решительно проводить свои новые взгляды. В результате совместная работа с ним не всегда была согласована и легка. Огромные успехи его достижений, которыми он справедливо гордился, давали ему сознание мощи своей личности, которое иногда должны были ощущать на себе и его друзья.

Во время войны политическая жилка стала так сильно преобладать у Тирпица, что в конце концов дело дошло до таких разногласий, которые в конечном счете привели к его уходу. Ибо рейхсканцлер фон-Бетман все время требовал отставки адмирала, указывая на то, что имперские статс-секретари подчинены ему и что политика должна вестись им одним.

С тяжелым сердцем я расстался с этим энергичным властным человеком, гениально осуществившим мои планы и являвшимся для меня неутомимым сотрудником. Тирпицу навсегда обеспечена моя благодарность кайзера. Остается лишь пожелать, чтобы эта сила вскоре опять могла притти на помощь бедному германскому отечеству, находящемуся в затруднительном и бедственном положении. Эта сильная личность сумеет и осмелится сделать то, на что многие другие не отважатся. Во всяком случае к адмиралу фон-Тирпицу можно отнести слова поэта: «высшее счастье детей земли—все же индивидуальность».

Критика, направленная адмиралом против меня в его интересной книге, не может повредить моему мнению о нем.

X.

Начало войны.

Получивши известие об убийстве моего друга, эрцгерцога Франца Фердинанда, я покинул «Кильскую неделю» и поехал домой, намереваясь отправиться на похороны в Вену. Но из Вены меня, однако, попросили отказаться от этого намерения. После я слышал, что в этом, между прочим, сыграло роль и соображение о моей личной безопасности, которое я, понятно, отклонял бы. Глубоко обеспокоенный возможным серьезным оборотом дел, я решил отказаться от предполагавшейся поездки на север и остаться дома. Рейхсканцлер и министерство иностранных дел держались, однако, противоположного мнения и как раз настаивали на моей поездке, ибо это, по их мнению, успокаивающим образом подействовало бы на всю Европу. В виду неясности положения я долго не соглашался возвинуть свою страну. Но рейхсканцлер фон-Бетман коротко и ясно заявил мне, что если я теперь откажусь от поездки, ставшей уже известной, то это поведет к тому, что положение покажется еще более серьезным, чем оно есть на самом деле и, возможно, будет способствовать возникновению войны, за которую на меня тогда смогут взвалить всю ответственность. Все-де только и ждут спасительного известия о том, что я, несмотря на создавшееся положение, спокойно отправился путешествовать. Я советовался об этом и с начальником генерального штаба; когда и он обнаружил спокойное отношение к положению вещей и сам попросил отпуска на лето в Карлсбад, я с тяжелым сердцем решился, наконец, уехать. Якобы состоявшееся 5-го июля заседание так называемого Потсдамского коронного совета, о котором столько говорили, в действительности никогда не имело места. Это лишь выдумка наших недругов. Перед моим отъездом я, само собой разумеется, принял по обыкновению отдельных министров, докладывавших мне о положении дел в их ведомствах. Не было также и заседания совета министров, и ни в одной из бесед с министрами не было и речи о военных приготовлениях.

Мой флот расположился, как всегда во время моих летних поездок, в норвежских фиордах. Находясь в Бальхольме, я получал лишь скудные известия от министерства иностранных дел и черпал свои информации главным образом из норвежской прессы, по которой я видел, что положение становится все более серьезным. Я многократно телеграфировал канцлеру и в министерство иностранных дел, что считаю нужным вернуться домой, но каждый раз меня просили не прерывать своей поездки. Узнав, что английский флот после

смотра в Спайтгеде (Spithead) не разъехался, а, сконцентрированный в одном месте, остался в боевой готовности, я еще раз телеграфировал в Берлин, что считаю мое возвращение необходимым. Там, однако, не разделяли моего взгляда. Но когда мне не из Берлина даже, а из норвежской прессы стало известно сначала об австрийском ультиматуме Сербии, а потом о сербской ноте по адресу Австрии, я без дальнейших колебаний отправился домой, отдавши приказание флоту отбыть в Вильгельмсгафен. При отъезде я из норвежского же источника узнал, что часть английского флота тайно отплыла в Норвегию, чтобы захватить меня (еще во время мира).

Характерно, что 26-го июля английскому послу сэру Эдуарду Гошену в министерстве иностранных дел объяснили, что к предпринятому мной по собственной инициативе возвращению домой там относятся с сожалением, ибо в связи с этим могут возникнуть тревожные слухи.

Прибыв в Потсдам, я застал канцлера и министерство иностранных дел в конфликте с начальником генерального штаба, т. к. генерал фон-Мольтке придерживался мнения, что война безусловно начнется, в то время как канцлер и министерство иностранных дел твердо настаивали на том, что до этого дело не дойдет и что войны можно будет избежать, если только я не объявлю мобилизации. Этот спор продолжался все время. Когда генерал фон-Мольтке донес, что русские уже подожгли караульные помещения своей пограничной стражи, взорвали пограничные железнодорожные пути и расклеили объявления о мобилизации, лишь тогда, наконец, прозрели и дипломаты с Вильгельмштрассе. Только тогда они перестали сопротивляться и сдали свои позиции. Раньше они не х о т е л и верить войне.

Из этого ясно видно, как мало мы в июле 1914 года думали о войне, не говоря уже о том, чтобы подготовлять ее. Когда весной 1914 г. царя Николая II спросил его гофмаршал об его планах на весну и лето, он ответил: «Je resterai chez moi cette année, parce que nous aurons la guerre» [1]). Этот факт был сообщен рейхсканцлеру фон-Беттману; тогда я об этом ничего не слыхал, узнавши об этом факте лишь в ноябре 1918 г. И так поступил тот самый царь, который дважды в Бьерке и Балтийском порту, совершенно неожиданно для меня, дал мне свое торжественное честное слово (Word of honour of a sovereign), подкрепленное рукопожатиями и объятиями, в том, что он, в благодарность за верное и дружественно-соседское поведение германского кайзера в русско-японской войне, в которую Россия была вовлечена исключительно Англией, в случае возникновения европейской войны, никогда не поднимет меча против кайзера, особенно в качестве союзника Англии. Он ненавидит Англию,—сказал тогда царь,—ибо она причинила ему и России слишком много зла, натравивши в свое время на Россию Японию.

В то время, как царь предрекал к лету войну, я занимался в Корфу археологическими раскопками, затем поехал в Висбаден и, наконец, в Норвегию. Монарх, который с целью нападения на своих соседей,

[1]) «Я останусь в этом году дома, так как у нас будет война».

желает войны и занимается ее подготовкой, требующей долгих тайных приготовлений к мобилизации и концентрации войск, не остается месяцами вне пределов своей страны и не дает летнего отпуска в Карлсбад начальнику своего генерального штаба. Враги же, наоборот, предпринимали планомерные приготовления к нападению.

Вся дипломатическая машина у нас оказалась несостоятельной. У нас не видели надвигающейся войны, ибо министерство иностранных дел со своим принципом «surtout pas d'histoires» [1]) было настолько загипнотизировано идеей мира à tout prix [2]), что оно совершенно исключало из своих расчетов войну, как возможное средство политики Антанты, и не дооценивало становившихся все более явными признаков грядущей катастрофы. Впрочем, и здесь мы имеем доказательства миролюбия Германии. Точка зрения министерства иностранных дел стояла в известном противоречии с точкой зрения генерального штаба и адмиралтейства, которые по долгу службы предостерегали правительство и желали подготовить страну к обороне. Последствия этих разногласий еще долго давали себя чувствовать. Армия не могла забыть министерству иностранных дел того, что по его вине она была застигнута врасплох. А дипломаты, в свою очередь, были уязвлены тем, что, несмотря на их искусство, война все же разразилась. Поистине неисчислимы доказательства того, что весной и летом 1914 г., когда у нас еще никто не думал о нападении Антанты, в России, Франции, Бельгии и Англии война уже подготовлялась. Я бы хотел здесь остановиться лишь на некоторых из этих многочисленных доказательств, важнейшие из которых перечислены в составленных мной «сравнительных исторических таблицах». Если при этом я называю не все имена, то это происходит по вполне понятным причинам. Весь этот материал, естественно, стал мне известным впоследствии, частью во время войны, но, главным образом, после нее.

1. Уже в апреле 1914 г. началось накопление золотого запаса в английских банках. Германия же, наоборот, вывозит еще в июле золото и хлеб, даже и в страны Антанты.

2. В апреле 1914 г. германский морской атташе в Токио капитан фон Кнорр доносит, что «он прямо таки поражен той уверенностью, с какой там все считают неизбежной в ближайшее время войну тройственного союза с Германией»... «В воздухе носится что-то в роде соболезнования по поводу еще не произнесенного смертного приговора».

3. В конце марта 1914 г. генерал Щербачев, начальник военной академии в Петербурге, произнес речь перед своими офицерами, в которой, между прочим, сказал: «Война с державами тройственного согласия стала, вследствие направленной против интересов России Балканской политики Австро-Венгрии, неизбежной... В высшей степени вероятно, что война разразится еще этим летом. России выпала честь броситься в наступление».

---

[1]) «Только без историй».
[2]) «Какой бы то ни было ценой».

4. В донесении бельгийского посла в Берлине о прибывшей из Петербурга в апреле 1914 г. японской военной миссии, между прочим, сказано: «В России японские офицеры слышали совершенно открыто разговоры о предстоящей близкой войне с Австро-Венгрией и Германией. При этом говорилось, что армия готова выступить в поход, и что момент так же благоприятен для русских, как и для их союзников, французов».

5. Согласно опубликованным в «Revue de deux Mondes» в 1921 г. запискам тогдашнего французского посла в Петербурге господина Палеолога,—2 июля 1914 г. великие княгини Анастасия и Милица сказали ему в Царском селе, что их отец, король Черногории, сообщил им шиффрованной телеграммой: «У нас еще до конца месяца (русского стиля, следовательно, до августа нового стиля) начнется война... От Австрии ничего не останется... Вы отвоюете обратно Эльзас-Лотарингию... Наши войска встретятся в Берлине... Германия будет уничтожена».

6. Бывший сербский поверенный в делах в Берлине Богичевич в своей появившейся в 1919 г. книге «Причины войны» передает слова, сказанные ему 26 или 27 июля 1914 г. тогдашним французским послом в Берлине Камбоном: «Если Германия хочет войны, то она будет иметь против себя, помимо других, и Англию. Английский флот будет форсировать Гамбург. Мы разобьем немцев на голову». Богичевич говорит, что из этого разговора он вынес «уверенность», что война была решена еще при встрече Пуанкаре с русским царем в Петербурге, если еще и не раньше.

7. Один высокопоставленный русский, член Думы и хороший знакомый Сазонова, рассказывал мне впоследствии о тайном совещании под председательством царя в феврале 1914 г., что было подтверждено и другими русскими источниками, приведенными мной в моих «исторических таблицах»: на этом совещании Сазонов прочел доклад, в котором он предлагал царю взять Константинополь. Так как тройственное согласие на это не согласится, то возникнет война против Германии и Австрии. Италия отпадет от последних; на Францию можно рассчитывать безусловно; поддержка Англии вероятна. Царь согласился с мнением Сазонова и отдал приказ начать необходимые подготовительные работы. Русский министр финансов граф Коковцев, напротив, подал записку царю, содержание которой было мне сообщено после Брестского мира графом Мирбахом и в которой Коковцев советовал царю тесно связаться с Германией, предостерегая против войны, которая будет неудачной и приведет к революции и гибели династии. Царь не последовал этому совету и начал войну.

8. Тот же господин рассказал мне следующее: через 2 дня после начала войны он был приглашен на завтрак к Сазонову. Тот пошел ему навстречу, сияя от радости и, потирая руки, спросил его: «Ну, милый барон, теперь вы должны признать, что я выбрал превосходный момент для войны». Когда барон несколько озабоченно спросил, как отнесется к этому Англия, министр, смеясь, ударил себя по карману и, лукаво подмигнув, прошептал барону: «У меня есть

кое-что в кармане, что в ближайшие дни обрадует всю Россию и повергнет в изумление весь мир: я получил от Англии обещание, что она пойдет вместе с Россией против Германии».

9. Русские военно-пленные из Сибирского корпуса, захваченные в Восточной Пруссии, показали, что они летом 1913 г. были отправлены по железной дороге в окрестности Москвы на царские маневры. Маневры не состоялись. Однако, войска не были отправлены обратно, а были размещены на зиму в окрестностях Москвы. Летом 1914 г. они были передвинуты в окрестности Вильны, где должны были состояться большие маневры в присутствие царя. Они были расквартированы в Вильне и окрестностях, и вдруг им были выданы боевые патроны (военное снаряжение), и было сообщено, что началась война против Германии. Почему и для чего,—этого они не могут сказать.

10. В опубликованном в прессе зимой 1914—1915 г. рассказе одного американца об его поездке весной 1914 г. на Кавказ передается: Когда он в начале мая 1914 г. приехал на Кавказ, ему по дороге в Тифлис встречались длинные колонны войск всех родов оружия в боевом снаряжении. Он испугался, не произошло ли на Кавказе восстания. Осведомившись об этом у властей при проверке документов в Тифлисе, он получил успокоительный ответ, что на Кавказе все спокойно, и что он может ехать куда угодно, происходят лишь военные упражнения и маневры. По окончании своего путешествия в конце мая 1914 г. американец хотел сесть на пароход в одной кавказской гавани, но все корабли были в такой степени нагружены солдатами, что он с трудом мог получить каюту для себя и для своей жены. Русские офицеры сообщили ему, что они высадятся в Одессе и оттуда отправятся на большие маневры в Украине.

11. Князь Тундутов, атаман калмыцких казаков, живущих между Царицыном и Астраханью, бывший до войны и во время войны личным адъютантом великого князя Николая Николаевича, приехал летом 1918 г. в главную квартиру в Босмоне, чтобы искать сближения с Германией, так как казаки, по его словам, не славяне и являются несомненными врагами большевиков. Он, между прочим, рассказывал, что перед началом войны он был послан Николаем Николаевичем в генеральный штаб, чтобы держать великого князя в курсе тамошних событий. И здесь он был свидетелем пресловутого разговора по телефону между царем и начальником генерального штаба генералом Янушкевичем. Царь под глубоким впечатлением решительной телеграммы германского кайзера решил приостановить мобилизацию. По телефону он приказал Янушкевичу не проводить мобилизации или отменить ее вовсе. Но Янушкевич не выполнил этого ясного приказа, а запросил министра иностранных дел Сазонова, с которым он в течение многих недель находился в постоянных сношениях, вместе с ним интригуя и подстрекая к войне, что ему теперь делать. Сазонов на это ответил, что приказ царя—бессмыслица; пусть только генерал проведет мобилизацию; он, Сазонов, завтра же снова уговорит царя и разъяснит ему глупую телеграмму германского кайзера. После этого Янушкевич донес царю, что мо-

билизация уже в полном ходу и отменить ее нельзя.—Это была ложь,—прибавил в заключение к своему рассказу князь Тундутов,—так как я сам видел приказ о мобилизации лежащим около Янушкевича на его письменном столе; приказ, следовательно, еще не был отослан по назначению.

В этом эпизоде психологически интересно то, что царь Николай, помогавший подготовлять мировую войну и уже издавший приказ о мобилизации, в последний момент хотел повернуть обратно. По-видимому, моя решительная, предостерегающая телеграмма заставила его впервые ясно понять ту чудовищную ответственность, которую он навлек на себя своими военными приготовлениями. Именно поэтому он и хотел приостановить ту человекоубийственную военную машину, которую он сам только что привел в движение. Это было еще возможно, положение можно было еще спасти, если бы Сазонов не воспрепятствовал выполнению царского приказа.

На мой вопрос князю Тундутову подстрекал ли к войне великий князь Николай Николаевич, который был известен, как ненавистник немцев, Тундутов ответил, что великий князь, конечно, энергично агитировал за войну, но подстрекательство вообще было излишне, так как все равно во всем офицерском корпусе царило сильное милитаристическое настроение против Германии. Этот дух перенесен из французской армии на русских офицеров. Войну собственно хотели затеять еще в 1908—1909 г. (боснийский вопрос), но Франция тогда еще не была готова. И в 1914 году Россия, в сущности, тоже еще была не совсем готова; Янушкевич и Сухомлинов намечали войну только на 1917 г. Но Сазонова и Извольского, так же как и французов, нельзя было больше удержать. Сазонов и Извольский боялись революции в России и влияния германского кайзера на царя, которое могло бы отвратить царя от мысли о войне. Французы же, уверенные тогда в поддержке Англии, боялись, что последняя позже сможет войти в соглашение с Германией за их счет. На вопрос, знал ли царь о господствовавшем среди офицеров милитаристическом настроении и допускал ли он его, князь Тундутов ответил: характерно, что царь из осторожности раз навсегда запретил приглашать немецких дипломатов и военных атташе к устраиваемым офицерством обедам или ужинам, на которых он лично присутствовал.

12. При наступлении в 1914 г. наши войска нашли в Северной Франции и на бельгийской границе большие склады (stores) английских солдатских шинелей. По словам жителей, эти шинели были сложены здесь еще в последние предшествовавшие войне годы. Английские пехотинцы, взятые нами в плен летом 1914 г., большей частью не имели шинелей и на вопрос—«почему» довольно отвечали наивно: «We are to find our great coats in the stores at Maubeuge, Le Quesnoy etc. in the north of France and in Belgium [1]). Так же обстояло дело с картами. Нами была найдена в Мобеже масса английских воен-

[1]) «Мы должны были найти свои шинели в складах Мобежа, Ле-Кенуа и т. д. в Северной Франции и Бельгии».

ных карт Северной Франции и Бельгии; некоторые экземпляры были мне предоставлены. Названия мест были напечатаны по-французски и по-английски и на полях все обозначения были переведены для удобства солдат, например, moulin-mill, pont-bridge, maison-house, ville-town, bois-wood и т. д. Эти карты были изданы в 1911 г. и отпечатаны в Соутгемптоне. Англия открывала свои склады во Франции и в Бельгии с разрешения французского и бельгийского правительств еще до войны. Какая буря негодования разразилась бы в Бельгии, этой «нейтральной стране», и какой шум подняли бы Англия и Франция, если бы мы захотели в мирное время устроить в Спа, Люттихе, Намюре склады немецких военных шинелей и карт.

Среди государственных деятелей, которые на-ряду с Пуанкаре особенно много способствовали возникновению пожара мировой войны, на первом месте должна стоять группа Сазонова—Извольского. Извольский, как говорят, заявил в Париже, гордо бия себя в грудь: «Это я сделал войну —"Je suis le père de cette guerre"[1]). Должен несет большую долю вины за мировую войну, еще большую—Грей, как духовный руководитель политики «окружения», которую он добросовестно проводил, выполняя «завет» своего покойного короля.

Как мне было сообщено, важную роль в подготовке направленной против монархических центрально-европейских держав мировой войны сыграла долголетняя, упорно стремившаяся к своей цели политика интернациональной масонской «Ложи Великого Востока».

Германские ложи не имеют никакой связи с «Ложей Великого Востока», за исключением двух из них, в которых преобладают немецкие финансисты и которые находятся в тайных сношениях с Парижской «Ложей Великого Востока». Германские ложи, как меня уверял один уважаемый немецкий масон, сообщивший все эти до сих пор неизвестные мне факты, были вполне лояльны. В течение 1917 г. в Париже, по рассказам этого масона, состоялось международное совещание «Лож Великого Востока», за которым последовало еще одно совещание в Швейцарии. На этом совещании была установлена следующая программа: раздробление Австро-Венгрии, демократизация Германии, устранение Габсбургского дома, отречение германского кайзера, возвращение Эльзас-Лотарингии Франции, объединение Галиции с Польшей, устранение папы и католической церкви, как и вообще всякой государственной церкви в Европе. Я здесь не имею возможности проверить сделанные мне вполне добросовестно сообщения об организации и работе «Лож Великого Востока». Тайные и явные политические организации играли в жизни народов и государств важную роль с тех пор, как существует человечество. Иные из них действовали плодотворно. Но большей частью они таят в себе разрушительные тенденции, служа тайным лозунгам, которые боятся дневного света. Самые опасные из подобных сообществ окружают себя покровом всяческих идеальных побуждений, в роде деятельной любви к ближнему, сострадания к слабым и бедным и

[1]) «Я отец этой войны».

т. д., чтобы под подобной маской добиваться своих подлинных скрытых целей. Во всяком случае, необходимо следить за деятельностью «Лож Великого Востока», ибо окончательно можно будет занять ту или другую позицию по отношению к этой мировой организации лишь тогда, когда она будет основательно исследована. Чисто военных операций я в этих записках не хочу касаться. Эту работу я хочу оставить моим офицерам и историкам, тем более, что я пишу без всяких документов и мог бы говорить здесь о военных операциях лишь в самых общих чертах.

Когда я вспоминаю о тяжелых четырех годах войны с ее надеждами и сомнениями, с ее блестящими победами и потерей драгоценной человеческой крови, меня прежде всего охватывает чувство горячей признательности и глубокого восхищения перед несравненными подвигами немецкого вооруженного народа. Эта признательность в первую очередь относится к гениальным вождям в ужасной борьбе — прежде всего к генерал-фельдмаршалу фон-Гинденбургу, преданному Эккарту немецкого народа, и его неразлучному талантливому советнику, генералу Людендорфу. Однако, неменьшую признательность я питаю и к каждому из моих храбрых солдат. Моя особая благодарность тем, кто своей кровью запечатлел свою преданность кайзеру и государству.

Подобно тому, как никакие жертвы не были слишком тяжелы для нашей родины, так и наша армия, оборонялась в преступно навязанной нам войне, не только отразила значительно превосходившую нас силу 28 враждебных государств, но и достигла и на суше, и на воде, и в воздухе побед, блеск которых в тумане наших дней быть может и кажется несколько потускневшим, но который тем ярче будет некогда снять в свете истории. И это еще не все. Везде, где у наших союзников наступало замешательство, наши, зачастую немногочисленные войска, всегда восстановляли положение и часто даже приносили с собой значительные успехи. Немцы сражались на всех боевых участках обширного поля мировой войны. Героическая храбрость немецкого народа поистине заслуживает лучшей участи, чем пасть жертвой предательского удара в спину. Повидимому, такова уже судьба немцев, что они всегда падают в борьбе с немцами же.

Недавно я прочел изречение, не лишенное, к сожалению, основания: в Германии каждый Зигфрид имеет за собой своего Гедура.

В заключение еще одно слово о немецких «зверствах»: два примера их.

Занявши Северную Францию, я тотчас же приказал организовать охрану памятников искусства. К каждой армии были причислены особые историки искусства и профессора, которые, разъезжая по окрестностям, осматривали, принимали и описывали церкви, дворцы и т. д. Среди других особенно отличился профессор Клемен, который во время похода должен был докладывать мне о защите памятников искусства. Все коллекции в городах, музеях и замках были занумерованы и занесены в особые каталоги. Там, где им угрожала опасность со стороны военных действий, они эвакуировались и были собраны в Валансьене и Мобеже, в двух великолепных боль-

ших музеях, где их заботливо охраняли; каждое произведение искусства было помечено именем его владельца. Старые окна Сен-Кантенского собора с опасностью для жизни под огнем английских гранат были вынуты немецкими солдатами. История разрушения церкви англичанами описана и опубликована немецким католическим священником, снабдившим ее фотографиями, и переслана по моему приказанию папе. В Пипонском замке, принадлежащем принцессе де Пуа, в свое время гостившей в Берлине у императрицы и у меня, расположилось главное командование III армейского корпуса. Я посетил этот замок и некоторое время жил там. До того там стояли англичане. Их хозяйничанье в замке было ужасно. Командовавшему корпусом генералу фон-Лохову с его штабом пришлось употребить много усилий, чтобы после английского опустошения привести замок хоть в некоторый порядок. Вместе с генералом я посетил собственные покои принцессы, порог которых не переступил еще ни один наш солдат. Я нашел весь гардероб принцессы выброшенным английскими солдатами из шкафов и раскиданным по полу вместе со шляпами. Я велел тщательно почистить все платья, развесить их в шкафах и запереть. Письменный стол принцессы также был взломан и частная корреспонденция ее тут же валялась на полу. По моему приказанию все письма были собраны, запакованы, запечатаны, положены в письменный стол и заперты. Позже нашли все столовое серебро принцессы закопанным в парке. По словам обитателей деревни, это было сделано уже в начале июля. Следовательно, принцесса имела сведения о предстоящей войне еще задолго до ее начала. Я приказал тотчас же составить список этого серебра, передать последнее на хранение в Аахенский банк и вернуть после войны принцессе. Через обер-гофмаршала барона фон-Рейшаха я известил принцессу о Пипонском замке, ее серебре и моем попечении об ее имуществе. Ответа не последовало. Напротив, принцесса опубликовала во французской прессе письмо такого содержания: генерал фон-Клук украл все ее серебро. Благодаря моим попечениям и самоотверженным трудам немецких знатоков искусства и солдат, были сохранены для французских владельцев и французских городов, нередко и с опасностью для жизни, художественные сокровища, оценивавшиеся в миллиарды. Так поступали гунны и «боши».

XI.

Папа и мир.

Летом 1917 года я принял в Крейцнахе папского нунция Почелли, явившегося ко мне на аудиенцию в сопровождении капеллана. Благородный, обаятельный, высоко-интеллигентный, с превосходными манерами, Почелли представлял собой типичную фигуру католического князя церкви. Он знал немецкий язык настолько, что мог хорошо следить за немецким разговором, но не в такой степени, чтобы бегло говорить на нем. Разговор велся поэтому по-французски, при чем по временам нунций пользовался отдельными немецкими выражениями. Капеллан говорил по-немецки бегло и вмешивался в разговор всякий раз, как только опасался, что на нунция окажут слишком большое влияние мои выводы.

Очень скоро разговор стал вращаться вокруг вопроса о мирном посредничестве и достижении мира, при чем в этом отношении затрагивались, обсуждались и забраковывались различного рода проекты и возможности. Наконец, я предложил, чтобы папа сделал попытку посредничества и со своей стороны, после того, как мое мирное предложение от 12 декабря 1916 г. было отклонено Антантой в такой неслыханной форме. Нунций сказал, что это будет очень затруднительно; папа неоднократно пытался возбудить вопрос о мире, но всякий раз получал отказ. С другой стороны, папа в совершенном отчаянии от этой бойни и непрестанно думает о том, как бы помочь европейскому культурному миру освободиться от бича войны. Каждая попытка в этом отношении будет чрезвычайно ценится Ватиканом.

Я сказал нунцию, что папа, как верховный пастырь всех римско-католических христиан и церквей, должен в первую очередь попытаться побудить католическое духовенство во всех странах изгнать из человеческих душ ненависть, являющуюся наибольшим препятствием для проложения пути к миру. К сожалению, именно духовенство в странах Антанты в ужасающей степени распространяет и раздувает повсюду дух ненависти и борьбы. Я привел многочисленные военные донесения из первого периода войны, свидетельствовавшие о том, что аббаты и кюре были пойманы с оружием в руках. Я указал на махинации кардинала Мерсье и бельгийского духовенства, представители которого часто занимались шпионажем, на проповедь протестанского епископа в Лондоне, прославлявшего с высоты церковной кафедры убийце «Баралонга» и т. п. Было бы поэтому хорошо, если бы папе удалось побудить римско-каталическое

духовенство всех участвующих в войне странах к общему осуждению ненависти и к призывам о мире, будь то с церковной кафедры, или путем пастырских посланий, что уже сделало немецкое духовенство. Почелли нашел эту идею безусловно удачной и достойной внимания, полагая лишь, что будет трудно побудить к этому различные епископаты. Я возразил, что не могу себе представить при твердой дисциплине иерархии римской церкви, чтобы епископат какой-нибудь страны отказался следовать директивам папы, если последний торжественно и публично призовет князей церкви к проповеди миролюбия и уважения к противнику. Положение епископата ведь таково, что он стоит над партиями, и он, в сущности, обязан сеять миролюбие и любовь к ближнему, являющиеся основами христианской религии.

Почелли согласился со мной и обещал подвергнуть эту мысль серьезному обсуждению, сообщивши о ней Ватикану. Продолжая разговор, нунций затронул вопрос о том, каким образом можно мыслить, помимо предлагаемого мной чисто церковного шага, участие папы в установлении мира. Я указал нунцию, что Италия и Австрия являются римско-католическими государствами, на которые папа мог бы легко и решительно повлиять. Первое из этих государств—его родина и место его постоянного пребывания; итальянский народ почитает его, и на Италию он может оказать непосредственное влияние. Австрия же управляется государем, который носит даже титул «апостольского», находится, как и вся его династия, в непосредственных сношениях с Ватиканом и принадлежит к преданнейшим сынам римской церкви. Поэтому,—продолжал я,—мне кажется, что папе будет не трудно по крайней мере попытаться положить начало мирного посредничества хотя бы в этих двух странах, побудивши их вступить в мирные переговоры. Дипломатическое искусство и политическая дальновидность Ватикана ведь известны всему миру. Если таким образом будет положено начало, имеющее хорошие шансы на успех, то остальные державы едва ли смогут отказаться от приглашения Ватикана к взаимному обмену мнений, что вначале, понятно, никого ни к чему не обяжет.

Нунций снова возразил, что Ватикану будет трудно сговориться с итальянским правительством, так как он, Ватикан, не имеет с последним никаких прямых сношений и никаким влиянием на него не пользуется. Итальянское правительство никогда и не пойдет на подобные переговоры, организованные благодаря посредничеству Ватикана.

Тут вмешался в разговор капеллан, заявивши, что подобный шаг со стороны папы совершенно исключен, ибо это может вызвать последствия прямо таки опасные для Ватикана. Правительство тотчас же мобилизует против Ватикана «пиаццу»[1]), чего Ватикан не должен навлекать на себя.

Когда я не принял всерьез этого возражения, капеллан стал горячиться. Он говорил, что, я не знаю римлян, что когда их подстре-

---

[1]) Т.-е. «улицу» («собственно площадь»).

кают, они становятся ужасны. Как только «пиацца» приходит в волнение, положение делается угрожающим. Тогда можно быть готовым и к штурму Ватикана, при котором может подвергнуться опасности жизнь самого папы. На это я возразил, что тоже достаточно знаю Ватикан: его не может штурмовать никакая народная толпа или «пиацца»; папа, помимо того, имеет сильную партию и в обществе и в народе, которая тотчас же станет на его защиту. С этим нунций согласился. Капеллан, однако, не смущаясь, продолжал рисовать ужасы «пиаццы» и изображать в самых мрачных красках угрожающие папе опасности. Я объяснил капеллану, что если бы кто-нибудь захотел взять штурмом Ватикан, то он должен был бы сначала привести батарею тяжелых мортир и гаубиц, а также войска для правильной осады его; всего этого, конечно, нет в распоряжении «пиаццы». Поэтому крайне неправдоподобно, чтобы «пиацца» что-либо предприняла. Я упомянул также, что слышал, будто в Ватикане на случай нападения уже приняты меры предосторожности. На это капеллан промолчал. Нунций еще раз заметил, что папе будет трудно сделать что-либо практически ощутимое для мира, без того, чтобы не натолкнуться на сопротивление со стороны светской Италии. Папа ведь, к сожалению, не свободен в своих действиях. Если бы он имел собственную страну или, по крайней мере, собственную область, где он мог бы автономно управлять и свободно распоряжаться по своему усмотрению, то положение было бы совершенно иным, а при теперешнем положении он слишком зависит от светского Рима и не может поступать по своему желанию.

Тогда я подчеркнул, что цель принести мир народам настолько священна и велика, что папа никоим образом не может дать себя запугать этими чисто светскими соображениями, отказавшись от своей, как бы созданной для него задачи. Если ему удастся осуществить ее, то благодарные ему народы, конечно, охотно поддержат перед итальянским правительством по заключении мира его стремление к независимости. Последние мои слова произвели впечатление на нунция, и он сказал, что я все же прав, и что папа должен что-нибудь сделать в вопросе о мире.

Вслед за тем я обратил внимание нунция на следующее обстоятельство: нунций, вероятно, наблюдал, как энергично социалисты всех стран всеми способами стараются поддержать стремление к миру. Мы всегда давали германским социалистам разрешение ехать в нейтральные страны, где они на конгрессах обсуждали вопрос о мире, ибо я придерживался того мнения, что социалистам известны желания и взгляды народных масс. У нас не ставится никаких препятствий никому, кто честно и без задних мыслей намеревается содействовать миру.

Подобное тяготение к миру распространено и среди народов Антанты, и среди их социалистов. Этим социалистам, однако, ставятся препятствия в их поездках на конгрессы в нейтральные страны, причем отказывают в выдаче заграничных паспортов. Стремление к миру растет во всех странах. Народы все больше проникаются жаждой мира, и если среди правителей не найдется никого, кто предложил бы для

этой цели свою помощь—моя попытка, к сожалению, ведь потерпела крушение,—то народы, наконец, сами возьмут дело в свои руки. Это произойдет, как доказывает история, не без опасных потрясений и переворотов, которые затронут также и римскую церковь и папу. Что должен думать солдат-католик, когда он постоянно слышит о стараниях в пользу мира со стороны социалистических вождей и в то же время никогда не видит попыток папы освободить его от бедствий войны. Если папа ничего не сделает в пользу мира, то возникает опасность, что мир будет добыт усилиями социалистов, и тогда наступит конец господствующему положению папы и римской церкви даже среди католиков.

Этот аргумент подействовал на нунция. Он заявил, что немедленно доложит Ватикану о моей точке зрения и сам выступит в пользу немедленных действий папы с целью добиться мира. Крайне взволнованный капеллан снова вмешался в разговор, заявивши, что папа подвергнет себя опасности быть растерзанным «пиаццой». Я—протестант, и, следовательно, в глазах капеллана, еретик,—отпарировал я новое выступление капеллана,—несмотря на это, я должен здесь констатировать следующее: папа считается католической церковью и всем миром «наместником Христа на земле». Изучая Священное писание, я серьезно и подробно занимался личностью Спасителя, стараясь углубиться в сущность ее. И для меня ясно, что Спаситель во всяком случае никогда не боялся «пиаццы», хотя в его распоряжении не было дворцов, имеющих вид крепости, с гвардией и оружием; Спаситель всегда шел в эту самую «пиаццу», обращался к ней, и, в конце концов, во имя этой враждебной ему «пиацц ы» пошел на крестные муки. И теперь я должен поверить тому, что Его «наместник на земле», только из-за распущенной римской «пиаццы», якобы боится стать по примеру Спасителя мучеником, чтобы принести мир истекающим кровью народам.

Будучи протестантом, я, однако, слишком высокого мнения о римском пастыре, тем более о папе, чтобы поверить этим утверждениям. Для него не может быть ничего более прекрасного, чем всецело отдаться великому делу мира, не обращая внимания ни на что, и не считаясь даже, с очень отдаленной в сущности, опасностью стать мучеником за это дело.

Нунций с сияющими глазами схватил мою руку и глубоко тронутый сказал: «Vous avez parfaitement raison. C,est le devoir du Pape, il faut, qu'il agisse, c,est par lui que le monde doit être regagné à la paix. Je transmetterai vos paroles à sa Sainteté»[1]). Капеллан отвернулся, покачал головой и пробормотал про себя: «Ah, la Piazza, la Piazza»).

---

[1]) «Вы совершенно правы. Это долг папы, он должен действовать, через него народы снова должны получить мир. Я передам Ваши слова Его Святейшеству».

XII.

Конец войны и отречение.

Через несколько дней после 8-го августа 1918 г. я созвал коронный Совет, чтобы выяснить положение и, сделавши соответствующие выводы, наметить те основные линии, по которым должна была итти политика гр. Гертлинга. Высшее военное командование одобряло мысль, что рейхсканцлер должен найти возможность какого-либо соглашения с неприятелем, но в то же время подчеркивало, однако, необходимость раньше занять так называемую Гинденбургскую линию, основательно отразивши врага; только тогда можно будет начать переговоры. После этого я приказал, чтобы канцлер вступил в сношения с нейтральной державой—Голландией, выяснивши, готова ли она сделать подобный шаг к мирному посредничеству.

Очень затрудняло предполагавшееся через Голландию обращение о мире то, что Австрию никак нельзя было побудить к ясному соглашению, и она без конца тянула с определенным выражением своей точки зрения по этому поводу. Даже устное соглашение между мной и императором Карлом вскоре, под влиянием Бурнана, было им снова взято обратно. Нидерландское Правительство, уже извещенное мною, изъявило свою готовность к посредничеству. Между тем Австрия без нашего ведома сделала свое первое сепаратное предложение о мире, сдвинувши таким образом вопрос с места. Император Карл втайне от нас уже вступил в сношения с Антантой, давно уже решивши оставить нас одних. Он поступал по изложенному им своим приближенным плану: «Когда я нахожусь у германцев, я во всем поддакиваю им, но когда я возвращаюсь домой, я делаю то, что хочу». Выходило так, что мое правительство и я постоянно были обманываемы Веной, при чем мы ничего не могли сделать против этого, ибо оттуда нам всегда давали понять: если вы будете чинить затруднения, то мы вас оставим на произвол судьбы, т.-е. наша армия не будет больше сражаться на вашей стороне. А этого, конечно, необходимо было, по возможности, избежать, как по военным, так и по политическим соображениям. Отпадение Австро-Венгрии и привело нас к катастрофе. Если бы император Карл еще только три недели сдержал свои нервы, многое бы произошло иначе. Андраши, по его собственному признанию, уже давно вел в Швейцарии за нашей спиной переговоры с Антантой. Таким образом император Карл надеялся обеспечить себе хорошее отношение со стороны Антанты.

После нашей неудачи 8-го августа генерал Людендроф заявил, что не может больше ручаться за победу на фронте, и что поэтому

необходимо подготовить путь к мирным переговорам. Так как дипломатии не удалось завязать успешные переговоры, а военное положение между тем, в связи с революционной агитацией, все более и более ухудшалось, Людендорф 29 сентября, вместо мирных переговоров, потребовал начать переговоры о перемирии. В этот критический период на родине началось сильное движение в пользу образования нового Правительства, с целью заключения настоятельно необходимого мира. Я не мог игнорировать это движение, потому что старому правительству в течение 7 недель, с 8-го августа до конца сентября, не удалось наладить более или менее успешных мирных переговоров. Тогда же ко мне, между прочим, явились с фронта генералы фон-Галльвиц и фон-Мудра. Они набросали картину внутреннего положения в армии, упомянувши о большом числе дезертиров, случаях неповиновения, появления красных флагов в поездах для отпускных, возвращающихся с родины и т. п. Генералы видели главную причину всех зол в царившем на родине настроении, неблагоприятно отражавшемся на армию. Общее желание ликвидации войны и заключения мира перешло с родины на фронт и стало уже замечаться в отдельных войсковых частях. Генералы поэтому полагали, что армия немедленно должна быть отозвана за линию Антверпен-Маас.

В тот же день я по телефону послал фельдмаршалу ф.-Гинденбургу приказ как можно скорее отступить за линию Антверпен-Маас. Отступление усталой, но не разбитой окончательно ни в одном месте армии на эту позицию означало лишь переход ее на значительно более сконцентрированную и более удобную позицию, которая, к сожалению, не была в достаточной степени укреплена. Мы должны были поставить себе цель снова завоевать свободу действий, что, по моему мнению, ни в коем случае не было безнадежно. Ведь мы во время войны неоднократно проводили отступления с целью занять более удобные в военном отношении позиции. Конечно, армия была уже не та. Пополнения 1918 г. были сильно заражены революционной пропагандой и часто пользовались темнотой ночи, чтобы скрыться от огня и исчезнуть с поста. Но большая часть моих дивизий до конца дралась безупречно, сохранивши дисциплину и военный дух. Они все еще по своим внутренним достоинствам превосходили неприятеля, ибо, несмотря на свой перевес, как в отношении численности солдат, так и в отношении артиллерии, аммуниции, танков и аэропланов, неприятельские армии терпели неудачу всякий раз, когда они наталкивались на серьезное сопротивление с нашей стороны. Союзы наших старых фронтовых солдат были правы, начертавши на своем знамени гордое изречение: «Непобедимы ни на суше, ни на море».

То, что немецкий воин на фронте и, следовательно, весь немецкий вооруженный народ сделали в течение 4¼ лет войны, выше всякой похвалы. Неизвестно, чему нужно больше удивляться,—тому ли воодушевлению, с каким наша прекрасная молодежь 1914 г., не дожидаясь нашего артиллерийского огня, шла в атаку против врага, или той самоотверженной преданности долгу и стойкости, с какими

наши солдаты, скудно питаемые и редко сменяемые новыми частями, ночью работая лопатой, а днем находясь в окопах и разных убежищах, или лежа в воронках от гранат, из года в год оказывали сопротивление ураганному огню вражеской артиллерии, ее танкам и самолетам. И эта армия, уставшая до крайности, после почти 4-х лет войны, еще была способна к успешному наступлению. Несмотря на свое колоссальное превосходство, наши враги этим похвастаться не могли. И все же нельзя было требовать от нашей армии сверхчеловеческого. Мы должны были отступить, чтобы хоть несколько перевести дух.

Фельдмаршал воспротивился приказу об отступлении; по его мнению, надо было еще остаться на месте по политическим соображениям (мирные переговоры и т. д.): надо-де раньше эвакуировать военные материалы и т. п.

В согласии с сообщенным мне желанием армии, я решил тогда отправиться на фронт, чтобы быть вместе с моими, ведущими тяжкую борьбу войсками и чтобы лично убедиться в их духе и состоянии.

Я тем более мог осуществить свое решение, что после сформирования нового правительства, ни правительство, ни рейхсканцлер не привлекали меня к делам, и мое пребывание дома было бесцельно. Ноты Вильсону обсуждались и составлялись на многочасовых заседаниях Зольфом, военным министерством и рейхстагом, при чем я даже не был об этом осведомлен, так что, в конце концов, при отправке последней ноты Вильсону я в очень ясной форме дал понять Зольфу, что желаю получить сведения об этой поте до ее отправки. Зольф явился и прочел мне ее, гордый тем, что в ответ на требование Вильсона положить оружие, ему удалось найти выход в виде предложения Германии о перемирии. Когда я затем обратил внимание его на слухи об отречении и потребовал, чтобы министерство иностранных дел выступило в прессе против недостойной газетной полемики в связи с этими слухами, Зольф возразил, что об этом ведь совершенно не стесняясь, говорят на всех перекрестках даже и в лучших кругах. Видя мое негодование, Зольф в виде утешения сказал, мол, что если Его Величество уйдет, он тоже уйдет, ибо при таких условиях он дольше служить не может. Я ушел; вернее я был свержен своим собственным правительством, а господин Зольф все же остался. Узнавши о моем решении отправиться на фронт, рейхсканцлер, принц Макс, всеми способами пытался помешать этому. На вопрос, почему я хочу уехать, я сказал, что считаю свое возвращение на фронт после почти месячной разлуки с тяжко борющейся армией своим долгом верховного главнокомандующего. На возражение канцлера, что мое присутствие необходимо здесь, я в свою очередь ответил, что у нас еще война, и кайзер прежде всего должен быть там, где борются его солдаты. В конце-концов я категорически заявил, что поеду. Когда придет нота Вильсона о перемирии,—прибавил я в заключение,—то ее, конечно, придется обсудить в главной квартире в армии, и канцлер приедет тогда на совещание в Спа.

Я отправился на фронт во Фландрию, вторично отдавши Генеральному Штабу в Спа решительный приказ, как можно скорее отсту-

пить на позицию Антверпен-Маас, чтобы войска, наконец, вышли из боевой линии на отдых. Несмотря на возражения, что это требует времени, что новые позиции еще не готовы, что надо сначала эвакуировать военные материалы и т. п., я оставил свой приказ в силе. Отступление началось.

Во Фландрии я принимал депутации от различных девизий, говорил с солдатами, раздавал ордена и был радостно приветствуем всюду, как офицерами, так и солдатами. Особым воодушевлением были охвачены солдаты одного саксонского королевского рекрутского батальона, встретившие меня на вокзале, когда я снова сел на свой поезд, бурными приветствиями. Когда я раздавал ордена солдатам одной гвардейской дивизии, прямо над нами пролетал вражеский аэроплан, сильно обстреливаемый нашими пушками и пулеметами и бросивший бомбы поблизости особого поезда. Высшие командные лица в один голос доносили, что дух войск на передовых позициях хорош и стоек, в задних войсковых колоннах это уже далеко не так. Худшими элементами являются отпускные, распропагандированные и зараженные, очевидно, на родине, они приносят с собой оттуда на фронт дух разложения и дезорганизации. Молодые рекруты, наоборот, вполне надежны.

В Спа, куда я затем отправился, получались постоянные известия с родины о все усиливающейся там агитации против кайзера, о все растущей слабости и беспомощности правительства, которое, не имея инициативы и энергии, безвольно позволяло играть собой. В прессе правительство в насмешку называли «клубом для дебатов»; в руководящих газетах принца Макса именовали «канцлером революции». Как я впоследствии узнал, он из-за гриппа пролежал в постели более 10 дней, фактически не будучи таким образом в состоянии вести дела. Германским государством управляли его превосходительство ф.-Пайер и Зольф совместно с постоянно заседавшим так называемым военным кабинетом. В такое критическое время, находящийся в опасности государственный корабль, по моему мнению, не должен был управляться заместителем рейхсканцлера. Заместитель, конечно, не может пользоваться таким авторитетом, как сам ответственный глава правительства. А между тем авторитет был тогда особенно необходим. Насколько мне известно, вице-канцлеру даже не были даны широкие полномочия. Правильным и наиболее целесообразным разрешением вопроса об управлении страной была бы отставка принца Макса и назначение на его место более сильной личности. Но так как у нас была парламентарная система управления, то смена канцлера могла произойти лишь по инициативе партий, которые и должны были представить мне нового кандидата на пост рейхсканцлера. Этого, однако, не произошло.

И вот, в конце-концов, начались попытки правительства и рейхсканцлера побудить меня отречься от престола. По поручению канцлера министр внутренних дел, Древс, явился ко мне, чтобы ознакомить меня с царившим в стране настроением. Он обрисовал мне известные инциденты в прессе, высших финансовых кругах и обществе, подчеркнувши, что сам рейхсканцлер в вопросе об отречении

от престола не занял никакой определенной позиции и все же послал его ко мне. Древс, следовательно, должен был побудить меня самого притти к мысли о необходимости отречения, чтобы не производило впечатления, будто правительство оказало на меня давление. Я разъяснил министру те роковые последствия, к которым приведет отречение, и спросил его, каким образом он, будучи прусским чиновником, может согласовать требование о моем отречении с чиновничьей присягой своему королю. Древс смутился и стал оправдываться тем, что его послал ко мне рейхсканцлер, который якобы не мог найти другого чиновника для выполнения этого поручения. Впоследствии мне сообщили, что Древс был одним из первых чиновников, заговоривших об отречении своего государя и короля. Я отказался отречься от престола, заявивши, что соберу войска и возвращусь с ними на родину, чтобы помочь правительству поддержать порядок в стране. После этого Древс в моем присутствии был принят фельдмаршалом ф.-Гинденбургом и генералом Гренером; передавши им поручение канцлера, он получил очень резкий отпор от обоих говоривших от имени армии генералов. При этом генерал Гренер дал принцу Максу такую определенную характеристику, что я даже вынужден был успокоить и утешить Древса. Фельдмаршал, между прочим, обратил внимание министра на то, что армия, в случае моего отречения, не станет больше сражаться, и сама распустит себя, тем более, что большинство офицеров, по всей вероятности, уйдет, и армия останется без руководителей.

Вскоре я узнал от одного из моих сыновей, что рейхсканцлер пытался уговорить его выполнить поручение, которое затем взял на себя Древс. Мой сын с негодованием отказался предложить своему отцу отречься от престола. Между тем я послал в Берлин ф.-Дельбрюка, поручивши ему передать канцлеру общее, предназначавшееся к опубликованию в прессе, официальное разъяснение, которое должно было заменить и дополнить мое прежнее не опубликованное канцлером обращение к министрам и выяснить общественному мнению мое отношение к правительству и новой ориентации. Канцлер сначала не опубликовал и этого разъяснения. Лишь через несколько дней он счел себя вынужденным опубликовать его, в связи с письмом, написанным ему, как я после узнал, императрицей. Господин ф.-Дельбрюк донес мне, что в Берлине вообще и в прессе в частности мое разъяснение произвело хорошее впечатление, разрядило атмосферу и внесло успокоение, так что мысль об отречении стала исчезать, и даже правые социалисты решили отложить переговоры по этому вопросу. В последующие дни стали расти известия о том, что в Берлине социалистами готовятся беспорядки; сообщали, что канцлер все более и более нервничает. Доклад Древса по возвращении его из Спа не остался без влияния на правительство. Эти господа хотели, правда, освободиться от меня, но боялись последствий. Их точка зрения была так же неясна, как и их поведение. Они вели себя так, как будто не хотели республики, совершенно не замечая при этом, что их образ действий должен был привести именно к республике. Их поведение многократно и было истолковано в том смысле, словно

они и имели ввиду эту цель. На основании загадочного поведения канцлера по отношению ко мне, многие сделали заключение о том, что он стремится меня устранить, чтобы предварительно, пройдя промежуточную стадию правителя государства, впоследствии самому стать президентом Германской Республики.

Эти толки о принце Максе, несомненно, несправедливы. Подобного намерения не мог иметь член старого немецкого княжеского рода. Генерал Гренер, поехавший в Берлин, чтобы ознакомиться с положением дел, по своем возвращении в армию донес, что у него получилось крайне неутешительное впечатление о правительстве и настроении в стране. Германия идет навстречу революции; правительство лишь разрушает, не создавая ничего положительного; народ хочет мира во что бы то ни стало, совершенно не считаясь с тем, какой характер он будет носить; авторитет правительства равен нулю; травля кайзера в полном ходу; отречения едва ли можно еще избежать. Войска ненадежны, в случае восстания можно ожидать неприятных сюрпризов. В связи с задержанием уголовной полицией курьерских сундуков русского большевистского посла были обнаружены компрометирующие материалы относительно того, что русским посольством, совместно со спартаковской группой, уже давно в подполье энергично организуется большевистская революция по русскому образцу. Это происходило на глазах у полиции и с ведома министерства иностранных дел, высмеивавшего все, постоянно делавшиеся ему предостережения или отклонявшего их под тем предлогом, что нельзя раздражать большевиков; полиция была бессильна, так как министерство иностранных дел все время вмешивалось в ее действия. Через дезорганизованных отпускных солдат яд проник уже в армию. Она отчасти уже разложилась и, когда после перемирия она освободится и вернется на родину, она откажется бороться с повстанцами. Поэтому всякое перемирие, как бы ни были тяжелы его условия, должно быть немедленно и безусловно принято; армия уже ненадежна, и родина находится накануне революции.

Утром, 9-го ноября, рейхсканцлер, принц Макс Баденский, вторично сообщил мне (впервые об этом мне было сообщено 7-го), что социал-демократы, а также социал-демократические статс-секретари требуют моего отречения от престола. Того же взгляда придерживаются и остальные члены правительства, до тех пор бывшие еще против моего отречения. Так же обстоит дело и с партиями, составляющими большинство в рейхстаге. Он просил меня поэтому немедленно отречься от престола, ибо в противном случае в Берлине можно ожидать кровопролития и настоящих уличных боев; небольшие стычки уже начались.

Я тотчас же вызвал к себе фельдмаршала ф.-Гинденбурга и генерал-квартирмейстера генерала Гренера. Последний доложил еще раз, что армия не может больше сражаться и хочет прежде всего покоя, поэтому необходимо во что бы то ни стало заключить перемирие и при том как можно скорее, ибо армия имеет продовольствия лишь на 6—8 дней и отрезана от всякого подвоза мятежниками, занявшими наши продовольственные склады и мосты через Рейн. Посланная

во Францию из Берлина комиссия по заключению перемирия, как дальше докладывал мне генерал Гренер, в составе Эрцбергера, посла графа Оберндорфа и генерала ф.-Винтерфельда, проследная третьего дня вечером французские линии, до сих пор по непонятной причине ничего не давала знать о себе в главную квартиру. Кронпринц со своим начальником штаба, графом Шуленбургом, также прибыли в главную квартиру и приняли участие в нашем совещании. Одновременно рейхсканцлер неоднократно говорил по телефону с главной квартирой, настойчиво торопя меня и сообщая, что социал-демократы выступили из правительства, и что дальше медлить опасно. Военный министр доносил: «Полная неуверенность в войсковых частях в Берлине: 4 Егерская, 2 рота Александровского полка, 2 Ютеборгская батарея перешли на сторону восставших: уличных боев нет». Я хотел избавить свой народ от гражданской войны. Если мое отречение было действительно единственным средством избежать кровопролития, то я был готов отказаться от звания германского кайзера, но не хотел отречься от прусской короны. Я желал остаться прусским королем и быть попрежнему среди своих войск, ибо вожди армии заявили, что, в случае моего полного отречения, офицеры поголовно уйдут, и тогда армия, лишенная своих руководителей, устремится на родину, нанося ей вред и подвергая ее опасностям.

Из главной квартиры канцлеру было передано, что я сначала должен зрело обдумать и точно сформулировать свое решение, после чего оно будет ему сообщено. Когда через некоторое время канцлеру было передано мое решение, из Берлина последовал неожиданный ответ: мое решение запоздало. Рейхсканцлер, не дожидаясь моего ответа, возвестил от своего имени о моем, якобы состоявшемся, отречении, как и об отказе от трона со стороны кронпринца, который по этому поводу вообще не был запрошен. Он передал правление в руки социал-демократов и призвал г-на Эберта на пост рейхсканцлера. Обо всем этом было передано по беспроволочному телеграфу, и вся армия читала эти телеграммы. Таким образом у меня выбили из рук возможность самостоятельно решить—остаться мне или уйти, либо сложить с себя кайзеровское достоинство, сохранивши в то же время за собой прусскую королевскую корону. Армия была тяжело потрясена ложным представлением о том, что ее король в критический момент бросил ее. Если рассмотреть поведение рейхсканцлера, принца Макса Баденского, в целом, то представится следующая картина: сначала торжественное обещание стать вместе с новым правительством на защиту императорского трона, затем утаивание обращения кайзера к министрам, которое могло бы благоприятно подействовать на общественное мнение; устранение кайзера от всякого сотрудничества; предание личности кайзера на общий произвол, благодаря упразднению цензуры; полное отсутствие заступничества за монарха в вопросе об отречении; попытки побудить кайзера к добровольному отречению, и, наконец, самозванное возвещение по беспроволочному телеграфу о моем якобы состоявшемся отречении от престола. Весь исход этого дела обнаруживает опасную для государства игру, которую вел Шейдеман, целиком державший канцлера

в своих руках. Шейдеман оставил в неизвестности о своих подлинных намерениях своих коллег по кабинету министров, он заставил принца постепенно опускаться с одной ступеньки на другую утверждением, что вожди не владеют больше массами. Таким образом он довел принца до того, что тот предал кайзера, князей и государство, и сделал принца разрушителем империи. Вслед затем Шейдеман свергнул слабого «государственного деятеля».

После получения радиотелеграммы мое положение стало тяжелым. Войска, правда, стягивались к Спа, чтобы обеспечить беспрепятственное продолжение нормальной работы в главной квартире. Но высшее военное командование полагало, что нельзя уже рассчитывать на безусловную преданность войск в том случае, если из Аахена и Кельна подойдут восставшие солдаты и наши части будут таким образом поставлены перед необходимостью вооруженной борьбы со своими собственными товарищами. Все мои советники рекомендовали мне поэтому оставить армию и уехать в нейтральную страну, чтобы избежать «гражданской войны».

Я пережил ужасную внутреннюю борьбу. С одной стороны, во мне, как в солдате, все возмущалось против того, чтобы бросить свои оставшиеся мне верными храбрые войска, с другой стороны, приходилось считаться, как с заявлением врагов о том, что со мной они не хотят заключать никакого сносного для Германии мира, так и с утверждениями моего собственного правительства, что гражданской войны можно избежать лишь при моем отъезде за границу.

В этой борьбе я отбросил в сторону все личное. Я сознательно принес в жертву себя и свой трон, думая таким образом лучше всего служить интересам своего возлюбленного отечества. Но жертва была напрасна. Мой уход не принес нам более благоприятных условий перемирия и мира и не смог отвратить гражданской войны, а, напротив, ускорил и углубил самым гибельным образом разложение в армии и стране.

В течение тридцати лет армия была моей гордостью. Я жил и работал для нее. И теперь, после четырех блестящих лет войны с ее неслыханными победами, армия должна была погибнуть под ударами, нанесенными ей в спину революционерами как раз тогда, когда мир был уже совсем близок. Особенно глубокий удар в самое сердце нанесло мне то обстоятельство, что мятеж прежде всего захватил мое создание—мой гордый флот.

Много говорилось о том, что я бросил армию и уехал в нейтральную страну. Одни говорят: кайзер должен бы был направиться на какой-либо участок боевого фронта, броситься вместе с войсками на врага и искать смерти в последнем наступлении. Но это сделало бы невозможным осуществление столь желанного перемирия, о котором уже вела переговоры посланная из Берлина к генералу Фошу комиссия; помимо того, это привело бы к совершенно бесполезным жертвам и гибели многих лучших и преданнейших воинов.

Другие полагают, что кайзер должен был вернуться на родину во главе армии. Но мирное возвращение домой было уже невозможно: мятежники захватили рейнские мосты и другие важные

сооружения в тылу армии. Я мог, правда, во главе преданных, стянутых с боевого фронта войск пробиться на родину, но тогда гибель Германии была бы окончательной, ибо к борьбе с врагом, который, несомненно, устремился бы вслед за мной в Германию, прибавилась бы еще гражданская война.

Третьи считают, что кайзер должен был сам покончить с собой. Но этого я не мог сделать хотя бы в силу своих твердых христианских убеждений. И разве тогда не сказали бы: какой трус. В последнюю минуту он спасается от всякой ответственности самоубийством. Этот путь не был для меня приемлем и потому, что я должен был стремиться в связи с предстоящим тяжелым временем помочь своему народу и своей стране. Как раз в выяснении вопроса о виновниках войны, все более и более определяющем нашу будущую судьбу, я особенно мог отстаивать интересы своего народа, ибо я больше, чем всякий другой, могу свидетельствовать о мирных стремлениях Германии и о нашей чистой совести.

После бесконечно тяжелой душевной борьбы я, по настойчивым советам высших ответственных лиц, принял решение уехать из своей страны, ибо на основании сделанных мне сообщений я должен был поверить, что таким путем я сослужу наилучшую службу Германии, сделаю возможными для нее более благоприятные условия перемирия и мира и избавлю ее от дальнейших человеческих потерь, гражданской войны, лишений и бедствий.

XIII.

Вражеский и нейтральный суд.

Когда стало известно требование Антанты о выдаче меня и вождей германской армии, я задумался над тем, мог ли бы я принести пользу своему отечеству, добровольно представши, раньше чем немецкий народ и германское правительство выскажутся по поводу этого требования, перед судом Антанты. Для меня было ясно, что, по плану Антанты, выдача эта должна была так тяжело потрясти навсегда и государственный, и национальный престиж Германии, чтобы мы уже больше никогда не могли снова занять подобающее нам место в первом ряду народов, в качестве равноправных и достойных членов общей семьи народов. Я знал свой долг не ронять чести и достоинства Германии. Надо было решить, возможно ли создать предпосылки для добровольной явки, которые принесли бы пользу немецкому народу и обезвредили бы планы Антанты. В последнем случае я без колебаний был бы готов, на-ряду с принесенными уже мною жертвами, принести еще одну жертву.

Предложение добровольной явки, как я знаю, серьезно обсуждалось и в доброжелательных по отношению ко мне немецких кругах. Если при этом в связи с психологической депрессией иногда и забывалось о тех последствиях, которые должны были быть вызваны бесцельным мученичеством, самобичеванием и самоунижением перед Антантой, то достаточно было вспомнить о вкратце изложенных выше подлинных реально-политических причинах требования Антанты, чтобы притти к необходимости категорического отклонения его; иначе, конечно, обстояло бы дело, если бы я был уверен в том, что могу облегчить судьбу немецкого народа, приняв на себя перед всем миром ответственность за все действия моего правительства в связи с войной.

Ведь в данном случае речь шла не о сантиментальности, которая чужда политике, а, наоборот, о важном акте, таившем для меня много подкупающего. Формальное соображение о том, что, по тогдашней имперской конституции, ответственность, как известно, падает не на меня, а лишь на одного рейхсканцлера, не послужило бы для меня препятствием, если бы я решил добровольно предстать перед судом Антанты.

Если бы была хоть малейшая надежда достигнуть таким путем улучшения положения Германии, то я лично ни в малейшей степени не сомневался бы в том, как мне поступить. Мою готовность к самопожертвованию я ведь уже доказал, уехавши из моей страны и отка-

завшись от трона моих отцов, после того, как меня ошибочно и обманно уверили, что таким путем я сделаю возможным улучшение условий мира для моего народа и избавлю его от гражданской войны. Я бы взял на себя эту новую попытку помочь своему народу, хотя одно из выдвинутых передо мной соображений, а именно—необходимость избежать гражданской войны, уже успело в это время обнаружить свою несостоятельность. Моя добровольная явка на суд Антанты в действительности не принесла бы никакой пользы немецкому народу. Она не имела бы никаких последствий и выполнила бы лишь требования врага о моей выдаче, ибо никакой суд в мире не может вынести справедливый приговор по вопросу о виновниках войны раньше, чем не будут опубликованы соответствующие материалы из государственных архивов всех участвовавших в войне держав, как это уже делается Германией; но кто, после неслыханного Версальского договора, мог еще быть таким оптимистом, чтобы поверить тому, что государства Антанты представят в распоряжение суда над виновниками войны свои тайные документы.

Поэтому, тщательно взвесивши все изложенные выше соображения, выдвигавшие на первый план необходимость отстоять свою честь и сохранить национальное достоинство немецкого народа, я должен был отклонить требование о добровольной явке на суд Антанты. Я не мог уподобиться Верцингеторигсу, который, как известно, доверяя великодушию своих врагов, сам выдал им себя головой, чтобы, таким путем, добиться лучшей участи для своего народа. По поведению наших врагов как во время войны, так и во время мирных переговоров, нельзя было предположить, что Антанта окажется великодушнее Цезаря, заковавшего в цепи и затем приказавшего казнить благородного галла, и тем не менее не пощадившего его народ от рабства.

В общем я хотел бы отметить, что следовать советам врага или хотя бы отчасти прислушиваться к ним—всегда ошибочно. И предложения о добровольной явке, исходившие из благожелательных по отношению ко мне германских кругов, также выросли, хотя, быть может, и бессознательно, на почве неприятельских требований. Уже по одному этому их следовало отклонить. Следовательно, в отношении выяснения виновников войны остается лишь один путь—обратиться к интернациональной беспартийной инстанции, которая не будет судить отдельных лиц, а рассмотрит все события, приведшие к мировой войне, произведет расследование во всех участвовавших в войне странах, разобравшись не только в германских, но и в других государственных архивах, и на основании добытых таким образом материалов вынесет свой приговор. С таким подходом к вопросу о суде над виновниками войны Германия может только солидаризоваться. Кто противится этому, тот сам выносит себе приговор.

Мой взгляд на затрагиваемую здесь проблему выясняется из перепечатываемого ниже письма, адресованного мною 5 апреля 1921 г. фельдмаршалу ф.-Гинденбургу и преданного им гласности. Чтобы лучше понять это письмо, ниже приводится и предшествовавшее ему письмо фельдмаршала ко мне.

Ганновер. 30 марта 1921 г.

Ваше Императорское и Королевское Величество!

Прошу соизволения принести Вашему Величеству мою почтительнейшую благодарность за милостивое внимание к болезни моей жены. Опасность еще не прошла.

С родины я могу сообщить мало отрадного. Беспорядки в Средней Германии серьезнее, чем они изображаются прусским правительством. Надо надеяться, что скоро удастся их одолеть.

Все более угнетающим образом тяготеют над немецким народом последствия Версальского мира, цель которого—вражеская политика нашего истребления—выступает со дня на день во все более неприкрытом виде. Для оправдания этой политики насилия должна служить легенда о виновности немцев в возникновении войны. Говорящего от имени вражеского союза г-на Ллойд Джорджа мало смущает то, что он сам 20-го декабря прошлого года заявил, что летом 1914 г. ни один государственный деятель не хотел войны и что все народы были вовлечены в нее против своей воли.

В своей речи на Лондонской Конференции он 3 марта уже спокойно заявил, что ответственность Германии за войну является фундаментом, на котором воздвигнуто здание Версальского договора. Если бы отказаться от этого принципа, то договор сам собой отпал бы.

Вопрос о виновниках войны теперь, как и раньше, является основным фактором, определяющим будущность германского народа. Вынужденное признание германских представителей в Версале нашей мнимой «виновности» в войне ныне мстит за себя самым ужасным образом. В неменьшей степени мстит за себя ложное признание министра Симонса на Лондонской Конференции в том, что на Германии лежит «часть вины». Я сочувствую всей душой Вашему Величеству. Во время моей долгой военной службы я имел счастье и честь вступить в близкие личные сношения с Вашим Величеством. Я знаю, что во все время Вашего царствования заботы Вашего Величества были направлены к сохранению мира. Я могу понять, как безгранично тяжело для Вашего Величества быть устраненным от положительной работы на пользу отечества.

«Сравнительные исторические таблицы», составленные Вашим Величеством, один экземпляр которых в свое время, по приказанию Вашего Величества, был доставлен и мне, являются хорошим материалом для истории возникновения войны и могут устранить многие ошибочные представления по этому поводу. Я сожалел, что Ваше Величество не предали таблицы гласности, а ограничили распространение их тесным кругом. Теперь, после того как таблицы по нескромности некоторых опубликованы в иностранной прессе, частью в неполных выдержках, мне кажется целесообразным опубликование их полностью в немецкой прессе. К моей большой радости, я узнал, что в здоровьи Вашего Величества в последнее время наступило улучшение. Да поможет Вам Бог и дальше. С глубочай-

шим благоговением, безграничной преданностью и благодарностью Вашего Императорского и Королевского Величества всеподданнейший

Подп. ф.-Гинденбург, генерал-фельдмаршал.

Доорн, 5 апреля 1921 г.

Мой милый фельдмаршал!

Примите мою горячую благодарность за Ваше письмо от 30 марта. Вы правы. Самое тяжелое для меня: быть вынужденным жить за границей, следить изнемогающей душой за ужасной судьбой нашего дорогого отечества, которому был посвящен весь труд моей жизни, и быть устраненным от активного сотрудничества на благо родины. В мрачные, несчастные дни ноября 1918 г. Вы стояли рядом со мной. Как Вы знаете, я пришел к тяжелому, ужасному решению покинуть свою страну лишь вследствие настойчивых представлений, сделанных Вами и другими моими авторитетными советниками, о том, что только этим путем можно обеспечить нашему народу более благоприятные условия перемирия и избавить его от кровавой гражданской войны. Жертва была напрасна. Теперь, как и раньше, враги хотят заставить немецкий народ искупить мнимую вину «кайзеровской Германии». Подчиняя все личное соображениям о благе Германии, я воздерживаюсь от самооправдания. Я молчу в ответ на все измышления и клеветы, распространяемые про меня. Я считаю ниже своего достоинства защищаться против нападок и оскорблений.

В связи с этим я и в упомянутых Вами «Исторических таблицах» придерживался строгой объективности, сделавши их доступными лишь тесному кругу своих знакомых; каким образом они теперь, благодаря чьей-то нескромности (или воровству?) попали в печать, мне совершенно непонятно. Намерение, руководившее мной при составлении исторических таблиц, было следующее: посредством систематического перечисления беспристрастных фактов собрать строго исторический материал, который дал бы возможность читателю составить себе собственное суждение о событиях, предшествовавших войне. Наилучшие, самые убедительные источники информации, для своих таблиц я—кстати сказать—нашел в послевоенной литературе вражеских стран. Поэтому я рад, что Вы находите полезным мой скромный вклад в историю. Я благодарю Вас за Ваш совет сделать доступными немецкой прессе дополненные за это время таблицы; я исполню Ваш совет. Истина, словно лавина, мощно и неудержимо проложит себе дорогу. Кто не хочет игнорировать ее, тот должен признать, что в течение 26 лет моего царствования до войны внеш-

вая политика Германии была направлена исключительно к поддержанию мира. Моя внешняя политика стремилась исключительно к защите угрожаемой с запада и востока священной для меня родной земли и к мирному развитию нашей торговли и нашего народного хозяйства. Если бы мы когда-нибудь лелеяли воинственные планы, мы начали бы войну в 1900 г., когда внимание Англии было целиком поглощено бурской войной, или в 1905 г., когда Россия была занята войной с Японией и нас ожидала почти верная победа. И, конечно, для начала войны мы не выбрали бы именно 1914 г., когда против нас стоял сплоченный и численно подавлявший нас враг. Помимо того, каждый беспристрастный человек должен признать, что Германии совершенно нечего было ожидать от войны, в то время как наши враги надеялись в связи с войной на полное осуществление давно уже намеченных ими целей, клонящихся к нашему уничтожению. Тот факт, что все наши старания, мои и моего правительства, в критические июльские и августовские дни 1914 г. были направлены исключительно к поддержанию общего мира, все больше и больше подтверждается новейшими литературными и документальными данными, опубликованными, как с немецкой, так и особенно с неприятельской стороны. Убедительнейшим доказательством нашего миролюбия являются слова Сазонова: «Миролюбие германского кайзера гарантирует нам возможность самим выбрать нужный момент для войны». Какие еще требуются доказательства нашей невиновности? Все это означает, что у наших врагов было намерение напасть на нас врасплох. Бог—свидетель, что я, для предотвращения войны, дошел до крайних пределов того, за что я мог взять на себя ответственность, считаясь с безопасностью и целостью дорогого мне отечества.

О вине Германии не может быть и речи. Теперь нет никакого сомнения в том, что не Германия, а вражеский союз заранее и планомерно подготовил и вызвал войну.

Для затемнения этого факта вражеский союз вынудил Германию к ложному «сознанию своей вины», зафиксированному в позорном мирном договоре, и потребовал, чтобы *я предстал перед вражеским судом*. Вы, мой милый фельдмаршал, знаете меня слишком хорошо, чтобы не понимать, что мне не тяжела для моего возлюбленного отечества никакая жертва. *Но суд, в котором союз наших врагов был бы одновременно и обвинителем и судьей, явился бы не органом правосудия, а орудием политического произвола, и послужил бы лишь к тому, чтобы моим заранее подготовленным осуждением задним числом оправдать навязанные нам неслыханные условия мира.* Требование наших врагов, я, естественно, должен был поэтому отклонить. Но для меня не может быть также и речи о том, чтобы *я предстал перед судом нейтральных стран*, составленным в обычном порядке. *Я не признаю по отношению к себе никакого суда со стороны какого бы то ни было земного судьи, как бы высоко этот судья ни стоял; я не признаю суда надо мной за те распоряжения, которые я, по наилучшему своему разумению, отдавал как кайзер и король, стало быть как неответственный по конституции представитель немецкой на*

ции, ибо в таком случае я уронил бы честь и достоинство представляемого мной германского народа.

Суд, направленный исключительно *против главы одного из участвовавших в войне государств, лишает это государство всякого равноправия и этим самым всякого авторитета в семье народов. Кроме того это вызвало бы заранее предусмотренное нашими врагами впечатление, будто во всем «вопросе о виновниках войны» имеется ввиду исключительно глава одного государства и представляемая им нация. Беспристрастное расследование «вопроса о виновниках войны» невозможно, если к суду не будут привлечены также главы и руководящие государственные деятели вражеских держав*, и если их поведение не будет в одинаковой степени подвергнуто критике. Ибо поведение каждого отдельного государства при возникновении войны, понятно, может быть правильно оценено лишь постольку, поскольку принимается во внимание образ действий его противников. *Действительное выяснение «вопроса о виновниках войны»*, в чем Германия, конечно, заинтересована не менее своих врагов, могло бы иметь место лишь тогда, когда вопрос этот был бы передан *на рассмотрение интернациональной, беспартийной инстанции, которая не производила бы уголовного суда над отдельными личностями, а установила бы, как все события, поведшие к мировой войне, так и все нарушения международного права, чтобы уже затем на основании этих данных точно установить* степень виновности отдельных причастных к войне лиц со стороны всех воевавших государств.

Подобное лойяльное предложение было сделано со стороны Германии по окончании войны в официальной форме, но, насколько мне известно, наши враги отчасти ответили на него отрицательно, отчасти вовсе не удостоили нас ответом. Германия тотчас же после войны открыла без всякого ограничения доступ в свои архивы, в то время как союз наших врагов до сих пор избегает следовать нашему примеру. Публикуемые теперь в Америке секретные документы из русских архивов являются лишь первым шагом в этом направлении.

Уже одно это поведение наших врагов, на-ряду с появляющимся огромным изобличающим их материалом, ясно указывает, где в действительности надо искать «виновников войны». Повелительный долг Германии диктует ей всеми средствами собрать, проверить и опубликовать весь материал, касающийся «вопроса о виновниках войны», чтобы таким образом вскрыть подлинные причины войны.

В состоянии здоровья Ее Величества, к сожалению, наступило ухудшение. Мое сердце сжимается в мучительнейшей тревоге.

Да будет Господь с нами.

Ваш благодарный
Подп. Вильгельм.

XIV.

Вопрос о виновниках войны.

История не знает примера такой войны, как мировая война 1914—1918 г.г., и в то же время история не знает примера такой путаницы, какая возникла в связи с вопросом о причинах, вызвавших мировую войну. Последнее тем более удивительно, что великая война застала высоко-культурное, просвещенное, политически развитое человечество, и что причины мировой войны в сущности ясны и определенны. И в этом отношении кажущаяся запутанность июльского кризиса 1914 г. не может никого ввести в заблуждение. Тогдашний обмен телеграммами между кабинетами великих держав и монархами, устные переговоры государственных и общественных политических деятелей с влиятельными представителями Антанты,— все это, конечно, было чрезвычайно важно в связи с тем огромным значением, какое придавалось тогда почти каждому слову того или иного ответственного деятеля и каждой написанной или переданной по телеграфу строчке. Но основные причины войны от этого не изменяются, они прочно установлены, и не надо бояться их вскрывать спокойно и деловито высвобождая их из запутанного клубка событий, предшествовавших началу войны.

Общее положение Германской империи складывалось в довоенное время блестяще, именно поэтому становилось все более затруднительным ее положение на международной арене. Небывалый подъем промышленности, торговли и мировых сношений содействовал благосостоянию Германии. Кривая нашего развития все время шла вверх. Связанное с этим мирное завоевание значительной части мирового рынка, которая соответственно усердию и успехам немцев, по справедливости, и должна была принадлежать им, не могло быть приятно более старым мировым государствам, в особенности Англии. Это вполне естественно и в этом нет ничего удивительного. Никому не доставляет радости то, что вдруг у него под боком располагается конкурент и надо спокойно смотреть, как старая клиентура переходит к только что появившемуся конкуренту. В связи с недовольством Англии успехами Германии на мировом рынке я не могу, следовательно, сделать никакого упрека Британской Империи.

Если бы Англия сумела, применяя более совершенные методы торговли, сбить или уничтожить немецкую конкуренцию, то это было бы ее правом, против которого нельзя было бы ничего возразить. Наиболее сильный и ловкий и выиграл бы игру. В жизни народов нельзя считать предосудительным то, что в мирном соревновании со-

стязаются на пользу своих народов два государства, пуская в ход одинаковые мирные средства, но применяя при этом разную степень энергии, смелости и организаторского таланта. Совершенно иначе обстоит дело, когда одна из состязающихся сторон, видя, что положению ее на мировом рынке грозит опасность в связи с работоспособностью, успехами и более совершенными торговыми методами другой стороны, выступает против своего конкурента и, не умея состязаться с ним мирным путем, пускает в ход насилие, т.-е. отказывается от мирных средств и прибегает к военным.

Наше международное положение еще больше затруднялось от того, что мы были вынуждены строить флот для защиты нашего благосостояния, не в малой степени базировавшегося на 19 миллиардах ежегодного германского экспорта и импорта. Предположение, будто мы строим флот для того, чтобы напасть на английские морские силы, далеко превосходившие наши, и уничтожить их, является абсурдным, ибо при фактическом соотношении сил на море мы не могли бы победить англичан. На мировом рынке мы все равно двигались вперед в соответствии с нашими планами, и в этом отношении нам не на что было жаловаться. Зачем же нам надо было ставить на карту плоды нашей мирной работы?

Во Франции с 1870—71 г. заботливо леляли идею реванша. Как в беллетристике, так и в политической и военной литературе, в офицерском корпусе, в школе, различного рода общественных организациях, в политических кругах,—всюду эта идея культивировалась во всевозможных вариациях. Я могу понять это настроение. Исходя из здоровой национальной точки зрения, следует, в конце-концов, признать, что для всякого народа гораздо почетнее желать уничтожить плоды нанесенного ему поражения, чем молча проглотить его. Но Эльзас-Лотарингия уже в течение многих столетий коренная немецкая область. Она была захвачена Францией, а мы в 1871 г. взяли ее обратно, как принадлежащую нам поправу. Поэтому война с целью реванша, предпринятая для завоевания исконно немецкой области, была незаконной и антиморальной. Уступка с нашей стороны в этом вопросе явилась бы пощечиной, как нашему национальному чувству, так и чувству законности вообще. Ввиду того, что Германия никогда не могла согласиться на добровольное возвращение Франции Эльзас-Лотарингии, французская мечта о реванше могла быть осуществлена лишь благодаря победоносной войне, которая должна была продвинуть французские границы до левого берега Рейна. Германия же, наоборот, не имела никаких причин ставить на карту свои завоевания 1870—71 г.; она должна была, несомненно, стремиться сохранить мир с Францией, тем более, что объединение держав, направленное против германо-австрийского двойственного согласия, выступало все более отчетливо.

В России дела складывались так, что мощная царская империя стремилась к выходу в южное море. Это стремление естественно, и его нельзя осуждать. Помимо того вражда, возникшая между Россией и Австрией, главным образом из-за Сербии затрагивала в то же время и Германию постольку, поскольку последняя была в союзе

с Австро-Венгрией. К тому же царская Россия находилась в постоянном внутреннем брожении, и каждое царское правительство считало поэтому полезным держать наготове оружие внешних конфликтов, чтобы быть в состоянии во всякое время внешними затруднениями отвлечь народ от внутренних, имея таким образом клапан для разряжения сгущенной политической атмосферы внутри страны. Огромная потребность России в займах покрывалась почти исключительно во Франции. Свыше 20 миллиардов французских золотых франков, употреблением которых Франция отчасти сама распоряжалась, перешли в Россию. При этом имелось ввиду использовать французские займы исключительно для стратегических мероприятий, направленных к подготовке войны. Золотой цепью французских миллиардов царская империя не только была прикована в финансовом отношении к Франции, но и была связана с французской идеей реванша.

Таким образом в конечном счете Англия, Франция и Россия, как видно, по разным причинам преследовали одну общую цель: сломить Германию. Англия, руководимая в своей вражде к Германии мотивами торгово-политического характера, Франция—жаждой реванша, Россия, спутница Франции,—соображениями внутренней политики и желанием пробиться к южному морю,—все эти три великих державы должны были встретиться на одном пути. Объединение всех этих стремлений для общих планомерных действий против Германии мы и называем политикой окружения.

В связи с этим нельзя не учесть значения только недавно ставшего известным, уже детально рассмотренного мною в главе «Гогенлоэ» «gentleman's agreement», о котором я во время моего царствования вообще ничего не знал. Услышав об этом соглашении, я тотчас же осведомился о нем у г-на фон-Бетмана. Он в несколько уклончивом письме ответил мне, что кое-что в этом духе действительно имеется в документах министерства иностранных дел; тогдашний немецкий посол в Вашингтоне ф.-Голлебен, действительно, конфиденциально донес как-то об этом «gentleman's agreement», но не сообщил источника своей информации; именно поэтому министерство иностранных дел не придало никакого значения всему этому делу и о нем не было сообщено мне. Таким образом «gentleman's agreement» фактически не оказало никакого влияния на политику Германии. Оно, однако, доказывает, что англо-саксонский мир еще в 1897 г. сомкнулся против нас и вскрывает в то же время причины многих затруднений германской политики. «Gentleman's agreement» объясняет также поведение Америки во время войны.

Об «Entente cordiale», о ее целях и причинах возникновения, мы, напротив, очень хорошо знали, и именно она имела решающее значение для направления всей нашей внешней политики.

Группировка Англии, Франции и России, т.-е. трех сильнейших великих держав, заставила Германию сделать для себя лишь один политический вывод: надо во что бы то ни стало избежать решения вопроса будущности Германии силой оружия до тех пор, пока мы в хозяйственном, военном, морском и национально-политиче

ском отношении не завоюем себе такое реальное мировое положение что нашим противникам придется отказаться от риска насильственной политики по отношению к нам и предоставить нам ту долю участия в хозяйственном мировом строительстве, которую мы заслуживаем.

Мы не хотели и не могли ставить на карту наше, с таким трудом добытое, благосостояние. Таким образом выросло следующее противоречие: *цели Антанты могли быть достигнуты лишь посредством войны, Германия же могла добиться своих целей только избежав войны.* Об этом основном факте следует всегда помнить: он имеет гораздо более решающее значение, чем все остальное. Поэтому я здесь не вхожу в более детальное рассмотрение вопроса о возникновении войны, не касаюсь бельгийских или других донесений и телеграмм накануне войны. Основательная разработка этих исторических деталей—дело исторического исследования.

Мы правильно оценили свое положение и *действовали соответственным образом.*

Мы всячески стремились к сближению с Англией, мы в свое время соглашались на требование ограничения военно-морского строительства, о чем я уже говорил, описывая посещение Берлина Гальданом. Я пытался при этом использовать свои родственные связи в Англии. Все было напрасно. Деятельность короля Эдуарда VII объясняется прежде всего именно тем, что он был англичанином и стремился осуществить планы своего правительства. Не малую роль при этом сыграло политическое честолюбие короля, вступившего на престол лишь в немолодом возрасте. Мы во всяком случае делали все возможное, чтобы пойти навстречу Англии. Это было тщетно, ибо цифры германского экспорта росли. Мы же, понятно, не могли ограничить свою мировую торговлю только для того, чтобы сделать приятное Англии. Это уже значило бы требовать от нас слишком многого.

При обсуждении нашей политики по отношению к Англии всячески критикуется то, что мы в свое время отклонили предложение английского министра колоний Чемберлэна об англо-германском союзе. Однако, если внимательно присмотреться, то это дело рисуется в совершенно ином виде, чем его стремились представить. Во-первых, Чемберлэн привез письмо английского премьера лорда Салисбюри Бюлову, в котором лорд Салисбюри давал понять, что Чемберлэн действует лично от себя, а не от имени всего английского кабинета. В этом можно было видеть вполне допустимый дипломатический ход со стороны английского правительства, оставлявший свободу действий английскому кабинету, который, как известно, зависит от парламента. Однако, впоследствии выяснилось, что либеральная партия в Англии относилась тогда к идее англо-германского союза отрицательно. И все же Бюлов с моего согласия вступил в детальные переговоры с Чемберлэном, так как приходилось иметь в виду, что мы, быть может, имеем дело лишь с обычным, охотно практикуемым в Лондоне, дипломатическим ходом: пославши вперед с определенной миссией Чемберлэна, английский кабинет все же хо

тел сохранить за собой полнейшую свободу действий. Переговоры Бюлова с Чемберлэном с несомненностью выяснили, что англо-германское соглашение предполагалось направить против России. Чемберлэн недвусмысленно говорил о войне, которую предполагалось объявить России после заключения англо-германского соглашения. Граф Бюлов, в полном согласии со мной, вежливо, но решительно отклонил эту попытку со стороны англичан нарушить европейский мир. Он поступил совершенно в духе великого канцлера. Ибо князь Бисмарк отчеканил свой взгляд на англо-германские отношения в следующем метком изречении, которое я сам неоднократно слыхал в бисмарковском семейном кругу: «Германия никогда не должна стать пигалой Англии на континенте». Мы таким образом последовательно проводили лишь нашу старую внешнюю политику, отклоняя всякое предложение, могущее вызвать войну, не преследующую цели обороны родной страны. Отклонение предложения Чемберлэна является доказательством миролюбия Германии.

С Францией мы пытались установить удовлетворительные отношения. Это было трудно, так как французы считали нас своими непримиримыми врагами, и так как мы не могли выполнить французских требований, связанных с идеей реванша. Мы мирно ликвидировали марокканский конфликт—ни один из руководящих деятелей Германии не думал о войне из-за Марокко. Именно вследствие своего миролюбия мы тогда примирились с тем, что Франция, опираясь на заключенный с Англией тайный договор об обмене Египта на Марокко, нарушила чрезвычайно существенные законные интересы Германии в Марокко. Алжирская конференция уже выявила контуры великой войны. Без сомнения, не очень приятно делать такие политические отступления, какое сделали мы в марокканском вопросе, но германская политика все подчинила великой идее сохранения общего мира.

Стремясь установить хорошие отношения с Францией, мы пробовали прибегать и к актам вежливости, которые, однако, часто истолковывались в плохую сторону. Я напомню лишь о поездке в Париж моей матери, вдовствующей императрицы Виктории. Мы ожидали удовлетворительного приема, так как императрица была по рождению английской принцессой и приехала в Париж как художница, чтобы ознакомиться с французским искусством. Я дважды посетил императрицу Евгению, один раз в ее замке «Faruborough», приехавши тогда из Альдершота, другой раз—на ее яхте в норвежских водах у Бергена. Этот акт вежливости казался мне само собой понятным, так как я в это время находился поблизости. Посетившие Берлин французский генерал Бонналь и несколько французских офицеров как-то обедали во 2-м гвардейском полку. Я присутствовал на этом обеде и произнес тост за французскую армию. Это, быть может, и было несколько необычно, но мой поступок был продиктован наилучшими намерениями. Я, между прочим, привлекал в Германию французских художников и художниц. Конечно, в большой политике все это имело лишь малое значение, но во всяком случае все эти факты свидетельствуют о наших добрых намерениях.

В отношении России я проявлял чрезвычайные старания для поддержания дружбы с ней. Мои уже опубликованные письма, характеризующие мое отношение к России, понятно, никогда не посылались без ведома рейхсканцлеров, а всегда с их согласия, часто даже и по их инициативе. При Александре III Россия, конечно, никогда не вступила бы в войну с Германией, ибо он был достаточно устойчивый человек. Император Николай, наоборот, был человек слабый и колеблющийся. В его глазах был прав тот, кто последний уходил от него; этим последним я, естественно, не всегда мог быть. И по отношению к царю Николаю II я делал все возможное, чтобы восстановить традиционную дружбу между Германией и Россией, к чему, кроме соображений политического характера, меня побуждало обещание, данное мной моему деду на его смертном одре. Я неоднократно самым настойчивым образом советовал царю Николаю осуществить либеральные реформы и созвать так называемый Великий Земский собор, существовавший еще при Иване Грозном. У меня, конечно, не было намерения вмешиваться во внутренние русские дела, я хотел лишь в интересах Германии устранить опасность внутреннего брожения, часто приводившего, как я уже говорил выше, ко всяким внешним конфликтам. Я хотел содействовать устранению военной опасности, таившейся во внутри-политической ситуации в России. Я в особенности мог делать такие попытки, потому что, поступая так, я оказывал одновременно услугу царю и России. Царь не послушался моего совета и создал новую думу, которая оказалась совершенно неспособной выполнить возложенные на нее задачи. Если бы царь, послушавшись моего совета, созвал старый Земский собор, то он мог бы входить в личное общение со всеми представителями своего обширного государства и восстановить полное доверие между царем и народом.

Когда царь решился начать войну с Японией, я уверил его, что сохраню полный нейтралитет и не причиню ему в тылу никаких неприятностей. Германия сдержала свое слово. Когда война приняла не тот оборот, какого ожидал царь, и обе армии, и русская и японская, в течение многих недель стояли одна против другой в обстановке военного затишья, в Берлин приехал юный брат царя, великий князь Михаил. Князь Бюлов, бывший тогда канцлером, попросил меня осведомиться у великого князя, как, собственно, обстоят русские дела, ибо он, Бюлов, получил плохие известия и полагает, что для России пришла, наконец, пора прекратить войну. Я взял на себя это поручение. Великий князь явно почувствовал облегчение, когда я заговорил с ним откровенно; он подтвердил, что дела России плохи. После этого я высказал свое мнение, что царь должен немедленно заключить мир, ибо ненадежность войск и офицерского корпуса, о чем сообщил мне великий князь, представляется мне столь же опасной, как и возобновившееся брожение внутри страны. Великий князь Михаил был благодарен мне за то, что я дал ему возможность откровенно поговорить со мной. Царь, как всегда, колеблется,—сказал великий князь,—но он должен заключить мир, что он и сделает, если я ему дам такой совет. Великий князь

попросил меня дать ему с собой письмо царю в этом духе. Я набросал черновик английского письма царю Николаю, отправился с ним к Бюлову и, осведомившись его о сообщениях великого князя, показал черновик моего письма. Бюлов поблагодарил меня за то, что я выполнил его поручение; посылку письма царю он нашел целесообразной. Великий князь, договорившись обо всем с русским послом в Берлине, графом Остен-Сакеном, и несколько раз поблагодарив меня, уехал к царю, который после этого и начал мирные переговоры. При встрече со мной граф Остен-Сакен сказал, что я оказал большую услугу царю и России. Я был рад тому, что мои старания были оценены и мог, следовательно, надеяться, что они послужат к восстановлению хороших отношений. Своей тактикой в данном случае я в то же время предотвращал опасность проникновения в Германию русской революции, могущей возникнуть во время русско-японской войны. Германия не встретила благодарности, но наше поведение во время русско-японской войны остается доказательством нашего миролюбия.

Духом такого же миролюбия был проникнут и выдвинутый мною проект соглашения в Бъерке (июль 1905 г.). Проект этот имел в виду заключение договора между Германией и Россией о совместных действиях, который оставлял полную возможность примкнуть к соглашению как союзникам этих держав, так и другим государствам. Проектируемый договор, однако, не был ратифицирован, вследствие противодействия со стороны русского правительства (группа Извольского). Остается еще сказать несколько слов об Америке. Несмотря на упомянутое уже «Gentleman's agreement», устанавливавшее принципиальное решение Америки в случае мировой войны выступить на стороне Англии и Франции,—Америка все же не принадлежала к основанной королем Эдуардом VII по инициативе его правительства «Entente cordiale». Америка, насколько это можно было до сих пор проследить, не участвовала в возбуждении пожара мировой войны. Неприязненный ответ, полученный в начале войны германским правительством от президента Вильсона, вероятно, был связан с «Gentleman's agreement», но нет никакого сомнения в том, что вступление Америки в войну и снабжение ею Антанты огромным количеством вооружения и прочих военных припасов в значительной степени уменьшили шансы центральных держав на успешное окончание войны. Несмотря на это, необходимо избегать по отношению к Америке всякой критики, основанной на чувстве; в мировой политике следует считаться лишь с реальными факторами. Америке, (несмотря на «Gentleman's agreement») предстоял свободный выбор, либо остаться нейтральной, либо вступить в войну на нашей или на вражеской стороне. Нельзя делать упреков какому-либо государству за его суверенное решение о войне или мире, поскольку это решение не стоит в противоречии с твердыми договорами. Такое нарушение точно зафиксированных договоров в данном случае не имело места. Необходимо все же отметить, что Джон Кеннет Турнер в своей упомянутой уже книге «Shall it be again» на основании обширных материалов доказывает, что все указанные Вильсоном причины вступле-

пия Америки в войну не соответствуют действительности, и что Вильсон действовал исключительно в интересах влиятельных высших финансовых кругов Wallstreet'a.

Америка извлекла из мировой войны значительные выгоды: она сконцентрировала у себя почти 50% всего мирового золотого запаса, и теперь уже не английский фунт, а американский доллар определяет валютный курс во всем мире. Но и это обстоятельство не может вызвать ни малейшего упрека по отношению к Соединенным Штатам, ибо и всякое другое государство, если бы только оно было в состоянии, с радостью использовало бы выгоды такого прироста золота и влияния на мировом денежном рынке. Для нас, конечно, очень печально, что Америка осуществила свое выгодное дело, не находясь на стороне центральных держав. Германия вполне справедливо протестует против того, что Антанта противодействовала ее мирному развитию не мирными, а военными средствами; в такой же степени Германия может и должна (как это уже и указывается прессой) все снова и снова протестовать против одной коренной несправедливости со стороны Америки, а именно—против нарушения ею права при заключении мира. Я лично не думаю, что американский народ солидаризуется с политикой Вильсона в этом вопросе; особенно не одобрили бы отказ президента Вильсона от 14 пунктов американские женщины, если бы они тогда были осведомлены обо всех обстоятельствах дела. Америка больше чем все другие страны находилась под впечатлением английской пропаганды и позволила поэтому наделенному неслыханными полномочиями президенту Вильсону действовать в Париже самодержавно, давши ему возможность произвольно истолковать свои 14 пунктов. Со своими 14 пунктами господин Вильсон поступил точно так же, как с вопросом об английской блокаде, против которой он раньше протестовал и о которой позже даже не упоминал. Германское правительство приняло 14 пунктов Вильсона, несмотря на то, что они были для нас достаточно тяжелы. Эти пункты были приняты и союзниками, за исключением одного лишь пункта о свободе морей. Вильсон твердо гарантировал их, и все же важнейших из них я не вижу в Версальском договоре, содержащем лишь те из Вильсоновских пунктов, которые соответствовали планам Антанты, да и то в сильно извращенном виде. Полагаясь на гарантии Вильсона, Германия очистила занятые ею неприятельские области и положила оружие, ставши таким образом беззащитной. В этой доверчивости Германии и в отказе Вильсона от своих 14 пунктов, с одной стороны, и в германской революции—с другой, лежит ключ к пониманию нашего теперешнего положения. Как пишет в своей книге Турнер, 14 пунктов уже при выработке условий перемирия были для Вильсона лишь средством побудить Германию положить оружие. Когда эта цель была достигнута, Вильсон отказался от своих пунктов. Очень значительная часть американского народа уже выступила против г-на Вильсона, не желая быть дискредитированной вместе с ним. Я, конечно, не мечтаю о бескорыстной американской помощи Германии; я рассчитываю лишь на трезвый разум американского народа который должен испра-

вить чудовищную вину своего бывшего президента по отношению к Германии, ибо атмосфера победы не будет продолжаться вечно, и впоследствии, не только в Германии, но и в других странах, всякий раз, когда речь будет итти о важных политических вопросах, вспомнят о коварстве американского президента, ответственным за которое будет считаться весь американский народ. А это, конечно, не в интересах американского народа. Такое тяжелое пятно на государственной политике любого народа не может быть выгодным для него. В будущем при оценке американской политики ведь забудут, что далекий от действительности г-н Вильсон в сущности попался на удочку Ллойд-Джорджа и Клемансо. Я был знаком, особенно во время «Кильских недель», со многими американцами и американками, политическая прозорливость которых ни в коем случае не могла бы одобрить, из соображений политического престижа Америки, такое грубое нарушение доверия, какое совершил Вильсон. Я жду облегчения для нашего отечества со стороны Америки, которая окажет ему помощь, исходя не из каких-либо сентиментальных, а из практических государственно-эгоистических соображений. Наряду с несправедливостью, связанной с отказом от 14 пунктов, следует отметить и то, что г-н Вильсон первый выставил требование свержения германской династии, давши понять, что германскому народу будет в таком случае обеспечен более выгодный мир. Прежде чем выдвинуть и со своей стороны впервые сформулированное Вильсоном требование моего отречения от престола под тем предлогом, будто в этом случае Германия получит более выгодные условия мира (необходимость избежать гражданской войны явилась лишь вторым средством воздействия на меня), правительство принца Макса было обязано обеспечить себя какими-либо реальными гарантиями со стороны Вильсона. Так или иначе, но утверждения о необходимости моего отречения от престола с целью обеспечения для Германии более выгодного мира становились все более настойчивыми и заставили меня решиться уехать из своей страны, ибо я вынужден был поверить тому, что оказываю этим большую услугу своему отечеству. Я поставил на задний план интересы свои и своей династии и решился, конечно, после самой тяжелой внутренней борьбы, подчиниться желанию руководящих германских деятелей. Впоследствии выяснилось, что германское правительство не имело никаких реальных гарантий. Для меня, при тогдашнем стремительном ходе событий, ясное и определенное заявление канцлера не могло не иметь решающего значения. Поэтому я и не мог тогда проверить правильность его утверждений. Теперь уже вполне ясно, почему Антанта через г-на Вильсона требовала моего отречения от престола. Она прекрасно понимала, что, с лишением меня престола, Германия вступит, как в военном, так и в политическом отношении в полосу полной неустойчивости, благодаря чему можно будет навязать Германии не более выгодные, а более тяжелые условия мира. Революция тогда еще не пришла на помощь Антанте. Таким образом и сама Антанта как бы косвенно признала, что если бы я остался на троне, то это было бы выгоднее для Германии. Я, конечно, при-

соединяюсь к этому взгляду Антанты, после того, как выяснилось, что правительство Макса Баденского не имело никаких фактических оснований для своего утверждения о том, будто мое отречение принесет моему отечеству более выгодные условия мира. Я иду еще дальше и утверждаю, что неприкосновенной, возглавляемой кайзером Германской Империи Антанта вообще не осмелилась бы предложить подобные условия мира. Она не посмела бы поступить таким образом с кайзеровской империей, последняя борьба которой за свое существование не была бы отягчена навязанной ею немецкими утопистами парламентарной системой, и монархом, который не был бы лишен команды над армией и флотом. Тяжкая вина американского экс-президента кроется, следовательно, и в том, что он потребовал моего отречения от престола под лживым предлогом более выгодных для Германии условий мира. Во всяком случае и в этом обстоятельстве следует искать точку опоры для того мощного рычага, который должен освободить Версальский договор от скрепивших его печатей. Однако, немцы никогда не должны смешивать г-на Вильсона с американским народом.

Если в дальнейшем я здесь излагаю свои политические принципы, то я это делаю исключительно для того, чтобы доказать невиновность Германии в возникновении мировой войны. С самого начала моего царствования политика Германии была направлена к примирению противоречий и улажению конфликтов, которые я застал при восшествии на престол. Общее направление моей политики носило таким образом исключительно миролюбивый характер. Такой же тенденцией к примирению противоположных интересов отличалась и моя внутренняя политика, о чем свидетельствует мое рабочее законодательство и все социальное законодательство Германии, поставившее ее в деле социального обеспечения во главе всех цивилизованных народов. Общие примирительные тенденции моей внутренней политики шли так далеко, что в отношении численности нашей армии мы далеко не исчерпали всех представлявшихся нам возможностей в связи с общей воинской повинностью и численностью народонаселения. В этом вопросе, как и в вопросе о военно-морском строительстве, коррективы рейхстага неизменно принимались во внимание короной и правительством. Уже тогда вопросы обороны Германии подлежали санкции со стороны народного представительства. Государство, которое стремилось бы к войне и подготовляло ее, избрало бы совершенно иную тактику.

Чем яснее Антанта обнаруживала по отношению к Германии свою агрессивную политику окружения, тем больше приходилось думать, с целью самосохранения, об усилении защиты нашего благосостояния. Эта естественная мысль о самозащите на случай вражеского нападения была осуществлена нами лишь в самой ничтожной мере.

Миролюбие Германии привело к тому, что для организации нашей обороны на суше и на море далеко не были исчерпаны все наши финансовые и национальные ресурсы, при чем в должной степени был принят во внимание тот риск, которому должно было подвергнуться наше национальное достояние в случае войны. Мы,

следовательно, страдаем теперь не вследствие ложно приписываемых нам завоевательных тенденций, а, как раз наоборот, расплачиваемся за наше почти невероятное миролюбие и доверчивость. Совершенно иными были политические принципы Антанты. О них, как и о наших непрерывных усилиях завязать дружественные сношения с отдельными странами Антанты, я уже говорил ранее. Я не хотел бы здесь, однако, оставить совершенно без внимания и те малые дела, в рамках высокой политики, которые были выполнены Германией все с той же целью по возможности сгладить наблюдавшиеся тогда противоречия и разногласия. «Кильская неделя» привлекала к нам гостей из всех стран. Мы, между прочим, искали сближения с другими народами, как в нейтральной области спорта, так и в области науки, устроив, например, обмен профессоров между германскими и американскими университетами, охотно разрешали посторонним офицерам знакомиться с организацией наших военных учреждений. Пусть, оглядываясь теперь назад, многие считают это ошибкой, но все это является несомненным доказательством нашего честного желания жить в мире со всеми народами.

В то же время Германия не воспользовалась ни одной из представлявшихся ей возможностей начать войну тогда, когда она могла быть уверена в своей победе.

Говоря о русско-японской войне, я уже отметил доброжелательный нейтралитет Германии по отношению к России.

Когда Англия была всецело поглощена бурской войной, мы могли бы начать войну с ней или с Францией, которая тогда, конечно, не могла бы рассчитывать на английскую помощь. Мы этого не сделали. Точно так же и во время русско-японской войны мы могли бы выступить не только против России, но и против Франции. И опять-таки мы не сделали этого. После того как нами был преодолен описанный уже мной марокканский конфликт, во время которого нами была отклонена мысль о войне, мы далее обнаружили свои мирные стремления и при дипломатическом разрешении боснийского кризиса. Когда теперь обозреваешь, логически объединяя их, все эти совершенно ясные политические события, присоединяя сюда заявления государственных деятелей Антанты, как, например, Пуанкаре, Клемансо, Извольского, Тардье и др., то, невольно потрясенный, спрашиваешь себя, как можно было построить и проводить в жизнь мирный договор, исходя из принципа германской «вины»? Несправедливый Версальский приговор не будет оправдан судом истории.

Француз Луи Гетан, японский делегат Лиги прав человека, недавно следующим образом высказался о мировой войне: «Если мы без предубеждения, вне зависимости от того, к какому лагерю прибило нас случайностью рождения, совершенно свободно и откровенно отнесемся к делу, то прежде всего невольно напрашивается мысль о том, что война 1914 г. является последствием войны 1870 г., ибо с того момента идея реванша, замаскированная в большей или меньшей степени, уже больше никогда не покидала нас». Войну же 1870 г. вызвало и объявило французское правительство.

Французская империя, как известно, нуждалась в войне, чтобы бороться со все возраставшими внутренними затруднениями и все

усиливавшейся нелюбовью к империи со стороны общественного мнения. Сам Гамбетта, непстовый трибун оппозиции, как-то воскликнул: Если империя доставит нам левый берег Рейна, то я примирюсь с ней». Речь, стало-быть, шла тогда о завоевательной войне. Во Франции тогда не считались с тем, что скажут завоеванные народы. «Мы сломим их волю»,—так гласило право победителя. И вдруг возможность осуществления ее завоевательных планов ускользает от Франции. Принц Леопольд изъявляет готовность отказаться от своей кандидатуры на испанский престол, в виду вызванных ею затруднений, грозящих войной. Дело принимает для Франции плохой оборот. Нет предлога для войны. С Францией случилось то же, что с молочницей и ее разбитым кувшином в известной басне; только вместо «прощай, теленок, корова, свинья, куры и цыплята» французы вынуждены были сказать: «Прощай, кровавые барыши, слава, победы, левый берег Рейна, даже Бельгия», ибо ведь Бельгия тоже лежит на левом берегу Рейна, о котором мечтала Франция. Однако, французам это представлялось слишком жестоким; разочарование для них было слишком велико; надо было найти новый повод к войне. Вся шовинистическая пресса, вся хвастливая свора старалась изо всех сил, и вскоре выход был найден. Министр иностранных дел Грамон поручил послу Бенедетти посетить короля Вильгельма в Эмсе, где тот находился на курортном лечении и потребовать от него письменного обещания в том, что он, как глава династии, примет свои меры в случае, если принц Леопольд изменит свое решение отказаться от испанской короны. Отказ принца Леопольда был заявлен Франции в юридически безупречной форме и официально принят испанским правительством. Не могло быть сомнения в искренности этого отказа. Несмотря на это, почти все без исключения парижские газеты подстрекали к войне. Ругани на всех перекрестках подвергался тогда всякий, кто, подобно Роберту Митшелю в «Constitutionell» позволял себе высказывать свою радость и удовлетворение по поводу мирных перспектив. После статьи Митшеля Гамбетта воскликнул по его адресу: «Вы удовлетворены?! Какое гнусное выражение!» Номера газет со статьей Митшеля расхищались из киосков, бросались в Сену и, вытащенные оттуда, швырялись ему в лицо. В ответ на статью Митшеля Эмиль де-Жирарден писал ему: «Теперь представляется единственный в своем роде, совершенно неожиданный случай; если государство сейчас не воспользуется им, оно погибнет». Уже тогда фактически началась подготовка к войне 1914 г.

Подобные словам Жирардена голоса, раздававшиеся далеко не в единичном числе и во Франции и в Англии, должны служить все новыми доказательствами того, что не мы являемся виновниками войны.

Наши политические и дипломатические комбинации в течение нескольких десятилетий, конечно, были задуманы и проведены далеко не безошибочно. Но если нами и были сделаны ошибки, то они всегда вытекали из чрезмерных стараний сохранить общий мир. *Такие ошибки не могут быть поставлены нам в вину.*

Я считаю, например, Берлинский конгресс, о чем я уже говорил, ошибкой, ибо он ухудшил наши отношения с Россией. Кон-

гресс этот явился победой Дизраэли, англо-австрийской победой над русским государством, вызвавшей озлобление России к Германии. Но чего только не сделала в дальнейшем Германия, чтобы примириться с Россией. Я уже отчасти указал выше на сделанные нами шаги к примирению с Россией И самая цель, которую преследовал князь Бисмарк на Берлинском конгрессе, как я уже доказывал выше, была направлена исключительно к воспрепятствованию общей мировой войны.

Канцлер ф.-Бетман-Гольвег, получивший от меня строгий приказ по возможности сохранить мир, сделал не мало ошибок в 1914 г.; в политическом отношении он ни в какой мере не дорос до того, чтобы справиться с мировым кризисом. Но нельзя же приписывать нам вину в возникновении войны только потому, что противники воспользовались нашими ошибками. Бетман, как и все мы, хотел воспрепятствовать войне. Это видно уже, хотя бы из того, что еще вплоть до 4 августа он продолжал вести переговоры с Англией, все еще надеясь, что ему удастся удержать ее от выступления. По этому поводу я вспоминаю также и о том заблуждении относительно англо-германских отношений, в каком находился немецкий посол в Лондоне, князь Лихновский. Вскоре после вступления князя Лихновского в должность, король Георг явился к обеду в немецкое посольство. Примеру короля последовало лучшее общество Лондона. К князю Лихновскому и его супруге сразу же хорошо отнеслись и их прекрасно принимали в обществе. В связи с этим немецкий посол вывел заключение, что наши взаимоотношения с Англией улучшились; однако, накануне войны, сэр Эдуард Грей холодно заявил послу, что из приема, оказанного ему в обществе, и хорошего отношения к нему лично, князь Лихновский не должен делать никаких политических выводов. В поведении Грея сказывается разница между англичанином и немцем. Немец принял предупредительное к себе отношение за желание итти ему навстречу в политических вопросах, ибо немец привык открыто выражать свое расположение или расположение, проявляя их в своем внешнем поведении. Он не таит в своем сердце змеи. Англичанин, наоборот, поступает иначе, он скорее даже рад, когда тот, с кем он имеет дело, смешивает форму с содержанием, принимая внешнюю форму за выражение политических настроений и взглядов. С английской точки зрения упомянутые выше слова сэра Эдуарда Грея были большой откровенностью.

Тот факт, что мы не возобновили соглашения с Россией о взаимном доброжелательном нейтралитете на случай войны, нельзя считать, однако, настолько решающим, чтобы от него могли зависеть вопросы войны и мира.

Соглашение это, по моему мнению, не удержало бы Россию Николая II от выступления совместно с Антантой, а при Александре III оно было излишним. Мнение князя Бисмарка, что русский посол, граф Шувалов, возобновил бы соглашение о взаимном нейтралитете только с ним, но не с его преемником, понятно, является добросовестным, чисто субъективным заблуждением князя. В действительности мнение Бисмарка в то время не соответствовало намерениям как России, так и Германии.

Помощник статс-секретаря, граф Берхем, подчеркнул, например, в официальном докладе князю Бисмарку, что договор нельзя возобновить, значит, было очевидно, что этого нельзя будет достигнуть и при помощи Шувалова. Я полагал, что возможно будет заключить новый, несколько видоизмененный договор, к которому необходимо привлечь и Австрию, подобно тому, как это было при старом союзе трех императоров. Но, как мною уже было отмечено, договоры с Николаем II не казались мне безусловно прочными, тем более после того, как среди очень влиятельных кругов русского генералитета обнаружились анти-германские настроения. Наш образ действий определялся ясным сознанием того, что Германия может достигнуть нужного ей мирового положения и влияния исключительно при условии сохранения общего мира. Мои личные настроения еще более укрепляли во мне это сознание. Мой отец во времена моей молодости нарисовал мне ужасные картины сражений 1870—1871 гг., и я не чувствовал никакой склонности навлечь на немецкий народ и все цивилизованное человечество такое же бедствие и притом еще в более грандиозном масштабе. Старый фельдмаршал, граф Мольтке, которого я глубоко почитал, как-то высказал следующее пророческое предостережение: «Горе тому, кто зажжет пожар европейской войны». Я не забывал также политического завещания князя Бисмарка, выразившегося в его словах о том, что Германия никогда не должна начать войну первой. Таким образом и политическое благоразумие, и личные мои склонности, и завещания двух великих людей—Бисмарка и Мольтке, и желания немецкого народа заниматься мирным трудом и избегать авантюр—все это направляло курс немецкой политики по пути сохранения общего мира. То, что распространялось в недоброжелательных по отношению к нам кругах о якобы существовавшей у нас военной партии, является сознательной или бессознательной ложью. В каждой стране имеются элементы, которые при всех конфликтах,—иногда по честному убеждению, а иногда из других, менее высоких, побуждений, начинают бряцать оружием, но на ход германской политики подобные круги никогда не имели влияния. Особенно не основательны выставленные против генерального штаба обвинения в том, будто он подстрекал к войне. Прусский генеральный штаб, согласно со своим долгом, служил королю и отечеству, упорным и тяжелым трудом организовывая во время своей долгой мирной деятельности обороноспособность Германии; политическое влияние его, однако, было равно нулю. Интерес к политике, как известно, никогда не был особенно велик в прусско-немецкой армии. Оглядываясь назад, можно даже теперь сказать, что для нас было бы лучше, если бы в руководящих военных кругах больше занимались вопросами внешней политики. Могло бы показаться неразрешимой загадкой, каким образом удалось, при столь ясном положении вещей, построить Версальский мирный договор, исходя из принципа германской «вины», если бы нам не бросалось в глаза чудовищное влияние того нового орудия войны, каким является широко организованная беззастенчивая политическая *пропаганда Англии против Германии*. Я не могу отмахнуться от этой пропаганды при помощи таких словечек, как «подлость» и т. п.

Несмотря на отвратительные формы, в которые вылилась английская пропаганда, она все же является фактором, с которым нельзя не считаться и который доставлял нам больше вреда, чем военное оружие противника. Нам, немцам, подобное орудие лжи, извращения истины и лицемерия не симпатично; это не лежит в характере немецкого народа. Мы стараемся убедить даже и наших противников орудием истины. Но война—суровое искусство, и, чтобы победить, приходится прибегать ко всему. Стрелять из тяжелых орудий в культурных людей и по прекрасным старинным городам ведь тоже не симпатично, однако обе воевавшие стороны вынуждены были это делать. Впрочем, мы не могли развить во время войны пропаганду в таком крупном масштабе, как наши противники, хотя бы уже по одному тому, что последние были спокойны за свой тыл, в то время, как мы были окружены со всех сторон.

Помимо того, немцы в своем большинстве не умеют вести пропаганды среди других народов и учитывать при этом в каждом отдельном случае их специфические особенности. Англичане превосходили нас своим ужасным орудием войны—танками, которым мы не могли противопоставить ничего равнозначащего; не менее ужасным орудием войны в их руках была и пропаганда. Это оружие продолжает действовать и теперь, и против него мы неустанно должны защищаться. Ибо не может быть сомнения в том, что несправедливое Версальское решение не могло бы быть мотивировано германской «виной», если бы пропаганда предварительно не сделала своего и отчасти с помощью немецких пацифистов—не перевернула бы мозги свыше 100 миллионов людей и не убедила бы их в «вине» Германии настолько, что многим несправедливый Версальский приговор показался даже обоснованным. Теперь положение изменилось. Преграды между народами пали, и постепенно среди них пробуждается сознание того, насколько они были введены в заблуждение благодаря своей доверчивости. Отрезвление введенных в заблуждение народов будет иметь убийственные последствия для зачинщиков Версальского мира и поможет Германии.

Само собой разумеется, что ни один из компетентных государственных деятелей, политиков и публицистов Антанты не убежден на самом деле в виновности Германии в мировой войне. Всем им знакома подлинная причинная связь событий. И, конечно, никогда еще столько авгуров не подмигивали друг другу, хитро улыбаясь по поводу одной общей тайны, как в вопросе о виновниках войны. В данном случае можно даже прямо-таки говорить о целом хоре таких авгуров. Ведь в мировой войне против Германии стояли 28 государств. Но и при помощи самых хитрых улыбок авгуров нельзя в конце концов творить истории. Истина пробьет себе дорогу, и в связи с этим Германия добьется своего права.

Отдельные пункты Версальского договора, в сущности, бесцельны, ибо ни Антанта, ни Германия не могут выполнить их. Уже в течение многих месяцев можно наблюдать, какие затруднения вырастают из столь невыполнимого акта не только для Германии, но и для победителей. Многие бреши пробиты в договоре и самой Антантой. При-

чина этого очень проста. При нынешнем высоком развитии культуры, покоящемся на планомерном обмене материальных и духовных благ, регулируемом лишь продукцией, совершенно немыслимо, чтобы три человека, какими бы выдающимися людьми они ни были, предписывали всему миру законы, диктуя ему свою волю. Как раз этого и добивается Версальский договор не только по отношению к Германии, но косвенно и по отношению к Антанте и Америке; ибо всякого рода хозяйственные вопросы могут быть разрешены лишь обеими сторонами, а не какой-либо одной стороной. Жизнь народов никогда, особенно же в наше время, не определяется теми или иными параграфами, а регулируется лишь интересами народов. Временно можно, конечно, применить насилие над какими-либо народами, навязав им невыполнимые решения; но в таком случае от этого страдают и победители, и побежденные.

В таком положении находится в данный момент весь мир, но долго так продолжаться не может. Ни орудия, ни танки, ни аэропланы не могут сделать нынешнее положение вещей вечным. Пересмотр старых решений уже начинается; ибо если бы Версальский мир был таким мудрым, благодетельным для народов, безупречным актом, каким его хотят изобразить, то не приходилось бы постоянно собираться на бесконечные конференции, совещания и свидания по поводу этого превосходного акта. Необходимость все новых интерпретаций кроется именно в том, что при редактировании мирного договора не были приняты во внимание жизненные интересы высокоразвитых, цивилизованных наций; не надо быть при этом и фарисеем: чрезмерность требований победителей, после мировой борьбы на жизнь и смерть, в известной степени является естественным последствием радостного чувства избавления от смертельной опасности. Несмотря на это, я твердо знаю, что, в случае счастливого для нас исхода войны, Германия выставила бы совершенно иные, более справедливые и выполнимые условия мира. Брестский и Бухарестский мирные договоры,—впрочем, совершенно несравнимые с Версальским,—не могут служить обвинением против нас. Они были заключены тогда, когда война еще не была закончена, и должны были предоставить нам условия, которые помогли бы нам закончить войну.

При заключении нами общего мира со всеми нашими противниками мирный договор с востоком носил бы совершенно иной характер. Если бы война окончилась счастливо для нас, мы бы сами пересмотрели заключенные нами на востоке мирные договоры. Тогда, когда эти договоры были заключены, необходимо было выдвинуть на первый план чисто военные интересы.

Выяснение вопроса о неправильности Версальского решения уже началось, и скоро насущные, жизненные интересы всех народов выявятся с такой повелительной силой, что не только побежденные, но и победители вынуждены будут с ними считаться. За периодом самых тяжелых испытаний последует освобождение от того ига, которое несправедливо было навязано великому, сильному, честному народу Тогда каждый в Германии будет горд тем, что он—немец.

XV.

Переворот и будущность Германии.

Мне безразлично, что обо мне говорят наши враги. Я не признаю их суда над собой. Когда я вижу, как те самые люди, которые прежде преувеличенно воскуривали мне фимиам, теперь забрасывают меня грязью, то я могу только питать сострадание к ним. То отрицательное, что я слышу с родины о себе, приносит мне разочарование. Бог—свидетель, что я всегда желал блага своей стране и своему народу; я полагал, что каждый немец это сознает и ценит. В своей политической деятельности, во всем, что я делал, как монарх и как человек, я всегда стремился поступать согласно заповедям Божьим. Многое вышло не так, как я желал,—моя совесть, однако, чиста. *Целью моей деятельности всегда было благо моего народа и моего государства.* Личную свою участь я несу с покорностью, ибо Господь знает, что Он делает и чего хочет. Он знает, для чего подвергает меня такому испытанию. Я буду терпеливо выносить все и ждать, что Господь дальше сделает со мной. Меня сокрушает лишь судьба моей страны и моего народа. Мне причиняет боль тяжелые страдания детей моего отечества, которые я не могу разделить с ними, ибо вынужден жить за границей. *Это—удар, нанесенный мне в самое сердце*; мне горестно от этого сознания. И здесь, в одиночестве, все мои чувства и мысли принадлежат моему народу; я постоянно думаю лишь о том, как бы помочь ему своими разъяснениями и советами. Резкая критика, направленная против меня, никогда не может повредить моей любви к своей стране и народу. Я остаюсь верен немецкому народу, совершенно независимо от того как относится ко мне теперь каждый отдельный немец. Я благодарен тем, кто, как раньше в счастливые времена, остается и теперь в несчастьи верен мне. Они поддерживают меня и облегчают гложущую меня тоску по возлюбленной родине. Тех, кто по честному убеждению выступает против меня, я могу лишь уважать. Другие пусть сами несут ответственность перед Богом, своей совестью и историей. Этим людям не удастся разлучить меня с немецким народом. На свою страну и народ я могу смотреть лишь как на одно целое. 4-го августа 1914 г. я сказал при открытии рейхстага в Берлине: «Я не знаю больше партий, я знаю теперь лишь немцев»; так оно с тех пор и осталось для меня.

Переворот поразил императрицу в самое сердце. С ноября 1918 г. она стала заметно стареть и не могла уже больше противопоставить физическим страданиям прежнюю силу сопротивления. И вскоре

она начала таять. Хуже всего она переносила тоску по немецкой земле и немецкому народу. Тем не менее она еще старалась утешать меня.

Переворотом были уничтожены огромные ценности. Он был совершен в тот момент, когда предстояло закончить борьбу за существование немецкого народа и напрячь все свои силы для восстановления разрушенного хозяйства. Переворот был преступлением по отношению к народу. Я очень хорошо знаю, что многие, стоявшие под социал-демократическим знаменем, не хотели революции. Отдельные социал-демократические вожди также не хотели революции в этот момент; некоторые из них были готовы работать со мной. Эти социал-демократы, однако, не сумели помешать революции; поэтому и они несут ответственность за нынешнее положение, тем более, что социалистические вожди стояли ближе к революционным массам, чем представители монархического государства, и могли таким образом иметь на них больше влияния. Но социал-демократические вожди еще в довоенное время несли в массы революционные идеи, и социал-демократия с давнего времени была открытым врагом прежнего монархического строя, стремясь, согласно своей программе, к свержению его. Она сеяла ветер и пожала бурю. Некоторые социал-демократические вожди не одобряли момента, который был избран для переворота, и порицали методы, которыми он был совершен. Но именно они в решительный час передали руководство движением необузданным элементам и не употребили всего своего влияния для сохранения государства. Правительство принца Макса обязано было защитить старый государственный строй. Оно не выполнило своей священной задачи, так как попало в зависимость от социалистических вождей, которые уже тогда потеряли свое влияние на массу и вынуждены были в дальнейшем уступить место более радикальным элементам. Главная вина падает таким образом на вождей. Поэтому история возложит ответственность за переворот не на немецких рабочих, а на их вождей, поскольку последние вызвали революцию или не воспрепятствовали ей, как и на правительство Макса Баденского. При мне немецкие рабочие превосходно сражались на фронте и годами работали в тылу над производством вооружения и военного снаряжения. Об этом не следует забывать. Раскол среди рабочих произошел лишь впоследствии. В этом, однако, повинны лишь агитаторы и бунтовщики, а не достойные патриотические элементы рабочего класса. Подлинными виновниками полной гибели Германии являются бессовестные подстрекатели.

Придет время, когда и рабочий класс поймет это.

Настоящее Германии тяжело. В будущности же здорового и сильного народа я не сомневаюсь. Народ, прошедший такой неслыханный путь расцвета, какой совершили немцы с 1871 по 1914 г., нацию, успешно сражавшуюся в оборонительной войне против 28-ми государств в течение свыше 4 лет, нельзя стереть с лица земли. Мировое хозяйство не может обойтись без нас.

Но нельзя ждать и рассчитывать на помощь извне для того, чтобы снова достичь того мирового положения, какого заслуживает Герма-

ния. Такая помощь не придет. Надежды немецких социал-демократов на помощь со стороны интернациональной социал-демократии также не оправдались. Интернациональная часть социалистической программы оказалась чудовищным заблуждением. Рабочие государств Антанты выступили в поход против немецкого народа, чтобы уничтожить его. Нигде не было и следа международной солидарности рабочих масс. Это заблуждение является одной из причин неблагоприятного для Германии исхода войны. Английские и французские рабочие были ориентированы своими вождями правильно, т.-е. в национальном духе; тогда как ориентация немецких рабочих была неправильная, т.-е. интернациональная.

Немецкий народ должен полагаться лишь на свои собственные силы, а не на помощь со стороны кого-либо другого. Когда во всех слоях нашего народа снова пробудится национальное самосознание, тогда начнется возрождение. Все классы населения, хотя бы их пути в других областях государственной жизни и расходились, в национальном чувстве должны быть едиными. Именно в этом обстоятельстве кроется сила Англии, Франции и даже поляков. Вместе с пробуждением национального самосознания все немцы снова обретут и чувство своей принадлежности к одному народу, и сознание величия нашей благородной нации, чувство национальной гордости и ту подлинно немецкую этику, которая была одной из скрытых сил, сделавших Германию такой великой. Как до войны, Германия снова будет играть в семье культурных народов роль наиболее продуктивного в производственном отношении государства. В мирном соревновании народов она снова будет победоносно итти впереди всех в области техники, науки и искусства, принося пользу не только себе, но и всем народам мира. Я верю в аннулирование несправедливого Версальского решения, что будет достигнуто, как благодаря предусмотрительности благоразумных элементов заграницы, так и благодаря самой Германии. Я верю в немецкий народ и в то, что и в дальнейшем он будет продолжать осуществление своей мирной миссии на земле, прерванной ужасной войной, которой Германия не хотела и за которую она не может быть ответственна.

ПРИМЕЧАНИЯ и УКАЗАТЕЛЬ

(В АЛФАВИТНОМ ПОРЯДКЕ).

Абдул-Гамид II—турецкий султан (1876—1909 г.г.). Стр. 73.

Агадир—см. Марокканский вопрос.

Албания—в 1913 г. по постановлению великих держав была преобразована в самостоятельное королевство (см. Вид и Эссад-Паша). Стр. 83.

Александра—королева английская, супруга Эдуарда VII. Стр. 65.

Алжирская конференция—см. Марокканский вопрос.

Андраши—граф, австро-венгерский министр-президент с 1867 по 1870 г. Стр. 7.

Андраши—граф, сын австро-венгерского министра-президента, министр иностранных дел. Стр. 137.

Антверпен-Маас—линия отступления, начатого немцами 4-го ноября 1918 г. Стр. 138.

Анцер, епископ—католический миссионер в Южном Шантуне. Стр. 36.

Асквит—английск. премьер-министр с 1908 по 1916 г. Стр. 78.

Байентурм—старая башня в Кельне. Стр. 91.

Баллин, Альберт—главный директор Гамбургско-Американской линии. Стр. 6, 75.

Балтийский порт (Эстляндия)—место свидания в июле 1912 г. кайзера Вильгельма с Николаем II. Стр. 86.

«Баролонг»—английский вспомогательный крейсер; в августе 1915 г. им была потоплена германская подводная лодка, 11 человек экипажа этой лодки, ища спасенья, бросились в воду, но с Баролонга по ним был открыт огонь, и все они погибли. Стр. 133.

Баррер, Камилл—французский посол в Риме. Стр. 65.

Бебель, Август (1840—1913 г.г.)—один из главных основателей и вожде германской социал-демократической партии. Стр. 25.

Бегби—известный английский журналист, автор книги «Vindication of great Britain», появившейся в 1915 г. Стр. 82.

Безелер—прусский министр юстиции с 1905 по 1917 г. Стр. 95.

Бельгийские документы 1905—1914 г.—под этим заглавием германское министерство иностранных дел опубликовало в 1915 г. найденные при занятии немецкими войсками Брюсселя донесения бельгийских представителей в Берлине, Лондоне и Париже бельгийскому министру иностранных дел. Стр. 66.

Белый зал в Берлинском дворце—в этом зале происходили обыкновенно открытие рейхстага и большие придворные празднества. Стр. 87.

Бенда (1816—1899 г. г.)—один из основателей национал-либеральной партии; с 1858 г.—член прусского ландтага, позже - член рейхстага. Стр. 16.

Бенедетти—французский посол в Берлине с 1864 по 1871 г. Стр. 163.

Бенедикт XV (1854—1919 г.г.)—избранный папой 3-го сентября 1914 г.; 1-го августа 1917 г. выпустил воззвание о мире, оставшееся безрезультатным. Стр. 133.

Бешпигсен (1824—1902 г.г.)—лидер фракции национал-либералов в рейхстаге и прусском ландтаге; с 1888 по 1897 г. обер-президент Ганновера. Стр. 19.

Бъерке—русский остров на финляндских шхерах, где 24-го июля 1905 г. произошло свидание между Николаем II и Вильгельмом. При этом свидании велись переговоры о русско-германском союзе против Англии, к которому царь должен был привлечь и Францию. Стр. 101, 158.

Берлинский конгресс (13/VI — 13/VII 1878 г.) — был созван по инициативе Бисмарка в связи с протестами, поднятыми Австрией и Англией против заключенного после русско-турецкой войны Сан-Стефанского договора (3/III—1878 г.), по которому Турция была лишена почти всех своих европейских владений, а Армения передана России. Постановлением Берлинского конгресса значительная часть европейских владений и бо́льшая часть Армении были возвращены Турции, Австрия же получила разрешение оккупировать Боснию и Герцоговину. Стр, 5, 9, 11, 12.

Бертрам, Адольф—епископ Гильдесгеймский; с 1919 г. епископ Бреславльский и кардинал. Стр. 105.

Бетман-Гольвег, Феликс (1824—1900 г.г.)—отец канцлера, владелец поместья Гогенфинов у Эберсвальда, женатый на Изабелле Ружемон. Стр. 64.

Бетман-Гольвег, Теобальд (1856—1921 г.г.)—ландрат, затем обер-президент Бранденбурга; с 1905 г. прусский министр внутренних дел; с 1907 г. статс-секретарь по внутренним делам и вице-президент прусского кабинета; с 1909 по 14/VII 1917 г.—рейхсканцлер. Стр. 6

Беттихер—статс-секретарь по внутренним делам; вице-президент прусского кабинета, впоследствии обер-президент Саксонии. Стр. 6, 22.

Бисмарк, граф Герберт (1849—1904 г.г.)—с 1886 по 1890 г. статс-секретарь по иностранным делам. Стр. 64, 7.

Бисмарк, князь Отто—рейхсканцлер и прусский министр-президент.

Бисмарк, граф Вильгельм (Билль) —сын князя Бисмарка; с 1895 г. обер-президент Восточной Пруссии. Стр. 6.

Биссинг, барон ф.—в ноябре 1914 г. назначенный генерал-губернатором оккупированной немцами Бельгии. Стр. 24.

Блок—между консерваторами и либералами, просуществовавший с 1907 по 1909 г. Стр. 57.

Богичевич—сербский поверенный в делах в Берлине, автор книги «Причины войны». Стр. 127.

Бойд Карпентер Вильям—англиканский епископ придворной капеллы королевы Виктории; автор многих религиозных сочинений. Стр. 107.

Боксерское восстание в 1900 г. в Китае—восстание, организованное тайным китайским союзом, поставившим своей целью изгнание чужестранцев из Китая; боксерское восстание вызвало вмешательство иностранных держав, при чем командование объединенными европейскими, американскими и японскими войсками было передано графу Вальдерзее, Стр. 48.

Болгарский царь—король Фердинанд I (1908—1918 г.г.). Стр. 70.

Вонналь—французский генерал, директор «Ecole supérieure de guerre» (высшей военной школы). Стр. 155.

Боснійскій кризисъ—возникъ в 1908 г. вследствие аннексии Австрией занятых ею еще в 1878 г. Боснии и Герцоговины. Стр. 129.

Брейтенбах—прусский министр путей сообщения с 1906 по 1917 г. Стр. 91.

Будде, генерал—начальник железнодорожного отдела генерального штаба; с 1902 по 1906 г. министр путей сообщения. Стр. 90.

Бурian, граф Стефан—австрийский президент иностранных дел с апреля по октябрь 1918 г. Стр. 137.

Буры—народ, живущий в Южной Африке; выходцы из Голландии, они стали заселять Африку еще с 1652 г. и в XIX столетии основали там Оранжевую (Трансвааль) и Южно-Африканскую республики, сохранившие свою независимость до бурской войны (1899—1902 г.г.)., которая привела к подчинению их Англии. Стр. 44.

Бухарестскій миръ—между Румынией и центральными державами был подписан 7-го мая 1918 г. Стр. 167.

Бюлов, Бернгард Эрнст (1815—1879 г.г.)—статс-секретарь по иностранным делам. Стр. 51.

Бюлов, Бернгард—сын предыдущего; был послом в Риме, затем статс-секретарем по иностранным делам; с 1900 по 1909 г. рейхсканцлером и прусским министром-президентом. Стр. 37, 50.

Вальдерзее—граф, генерал-фельдмаршал, начальник генерального штаба; в 1900 г. во время боксерского восстания в Китае ему было вручено верховное командование над действовавшими в Китае войсками всех держав. Стр. 48.

Wallace—секретарь вице-короля Индии, руководитель иностранного отдела «Times», позже камергер короля Эдуарда VII и Георга V. Стр. 59.

Wallstreet—Нью-Йоркская биржа. Стр. 159.

Вербальная нота—нота, отправляемая не обычным официальным путем и носящая скорее характер секретного сообщения. Стр. 74.

Вернер, Рейнгольд—ф.—адмирал и писатель по морским вопросам. Стр. 23.

Верцингеторикс—один из галльских вождей, руководивших галльским восстанием против Цезаря в 52 г. до Р. Х. Вначале восстание имело успех, но, в конце концов, Цезарь все же остался победителем. Желая спасти свой народ от окончательной гибели, Верцингеторикс сдался на милость победителя. После того, как Цезарь в 46 г. при своем триумфе использовал его в качестве военного трофея, Верцингеторикс был казнен. Стр. 147.

Вид—принц **Вильгельм**—прусский майор; 7/III—1914 г. вступил на албанский престол; в сентябре, после начала мировой войны, вынужден был бежать из Албании. Стр. 84.

Вид—князь **Фридрих**—брат предыдущего. Стр 84.

Виктор Эмануил III—король итальянский. Стр. 109.

Виктория—королева Английская (1837-1901 г.г.). Стр. 16, 47.

Виктория—императрица Германская; дочь английской королевы Виктории; супруга кайзера Фридриха III; мать Вильгельма II.

Вильгельм I Великій—король прусский; в 1871 г. был провозглашен германским кайзером. Стр. 15, 102.

Вильсоновские 14 пунктов, выставленные им в качестве программы мира: 1) Уничтожение тайной дипломатии. 2) Свобода морей. 3) Свобода экономических сношений. 4) Уменьшение вооружений. 5) Беспристрастное улажение всех колониальных претензий. 6) Очищение занятых

русских областей и урегулирование всех русских вопросов. 7) Очищение и восстановление Бельгии. 8) Очищение и восстановление занятых немцами французских областей; возвращение Франции Эльзас-Лотарингии. 9) Исправление границ Италии. 10) Автономное развитие народов Австро-Венгрии. 11) Очищение и восстановление Румынии, Сербии и Черногории, со свободным доступом к морю для Сербии. 12) Автономия нетурецких народностей Турции; интернационализация Дарданелл. 13) Создание независимого польского государства, в которое должны быть включены все области с коренным польским населением, с доступом к морю для Польши. 14) Образование Лиги наций. Стр. 159.

Виндтгорст—лидер партии центра, ганноверский министр. Стр. 20.

Винтерфельдт—генерал-майор, бывший военным атташе в Париже; в 1918 г. был уполномоченным германской мирной делегации, затем председателем комиссии по заключению перемирия в Спа. Стр. 143.

Виттих—генерал-адъютант, командовавший II армейским корпусом. Стр. 15.

Виту—колония в Восточной Африке, принадлежавшая Германии и уступленная ею в 1890 г. Англии. Стр. 31.

«Вулкан»—судостроительная акционерная компания в Штеттине. Стр. 27.

Гайаси—японский посол в Англии, затем министр иностранных дел. Стр 55.

Гальдан—присяжный поверенный, член нижней Палаты (либерал); в 1905 г. получил портфель военного министра и в качестве такового реорганизовал английскую армию и генеральный штаб; считался знатоком немецкой литературы и философии (перевел «Мир, как воля и представление», Шопенгауэра). Стр. 75, 77.

Гаммураби—вавилонский царь, современник Авраама. Найденные в Сузе в 1901 г. законы его, высеченные на камне, являются древнейшими записанными законами, которые появились за 7 столетий до законов Моисея. Стр. 110.

Гарден, Максимилиан—издатель «Zukunft'a». Стр. 53.

Гардинг—помощник статс-секретаря по иностранным делам, советник Эдуарда VII, сопровождавший его во время политических поездок; был впоследствии вице-королем Индии, а затем послом в Париже. Стр. 75.

Гаркарт—парламентарий, видный представитель вестфальской индустрии. Стр. 119.

Гарнак—профессор по истории церкви сначала в Марбурге, а затем в Берлине; директор берлинской королевской библиотеки. Стр. 100.

Гельферих—берлинский профессор, затем директор „Дейтше банк"; в 1916 г. был статс-секретарем по внутренним делам и заместителем рейхсканцлера; автор книги «Мировая война». Стр. 66.

Генрих—принц Прусский, брат Вильгельма II. Стр. 37.

Георг V—король английский, вступивший на престол в 1910 г. Стр. 73.

Гертлинг граф Георг—профессор философии в Мюнхене, затем лидер партии центра; в 1912 г. занял пост баварского министра-президента; с I/XI—1917 г. по 30/IX 1918 г. был рейхсканцлером. Стр. 137.

Геталье—американский полковник. Стр. 120.

Гинденбург—командир IV армейского корпуса; в 1914 г. был назначен командующим VIII армии, а затем командующим немецкими армиями на востоке; в 1916 г. он стал во главе всех немецких армий. Стр. 131.

Т. Н. «Гиндебургская линия»—от Арраса через С. Кветин до Суассона. Стр. 137.

Гинцпетр—воспитатель Вильгельма II. Стр. 22, 108.

Гогенлоэ, принц Александр,— член рейхстага. Стр. 48.

Гогенлоэ, князь Хлодвиг—был баварским министром-президентом и в качестве такового выступил в 1870 г. за участие Баварии во франко-прусской войне и за присоединение ее к германской империи; впоследствии был послом в Париже, наместником в Эльзас-Лотарингии и, наконец, рейхсканцлером и прусским министром-президентом. Стр. 33.

Голлебен—германский посол в Соединенных Штатах. Стр. 151.

Гольльман—адмирал, статс-секретарь по морским делам. Стр. 49.

Горгона—чудовище, описываемое у Гомера. Стр. 103.

Гослер—прусский министр просвещения. Стр. 92.

Гошен—английский посол в Берлине. Стр. 125.

Грамон—французский посол в Вене, а затем министр иностранных дел. Стр. 163.

Грей—английский министр иностранных дел; в 1919 г. был назначен послом в Вашингтон. Стр. 75.

Грепер, генерал—в 1918—1919 г.г. был генерал-квартирмейстером; впоследствии был назначен министром путей сообщения. Стр. 142.

Губертусштокк—Королевский охотничий замок. Стр. 34.

Делич—ассириолог, берлинский профессор; прочел в немецком Обществе изучения Востока, в присутствии кайзера, два нашумевших доклада, в которых доказывал влияние вавилонской религии, морали и обычаев на ветхий Завет и зависимость многих религиозных представлений, как например,—о сотворении мира, о грехопадении, о потопе, о моисеевых заповедях и т. п. от представлений вавилонян. Скончался в январе 1923 г. Стр. 102.

Дельбрюк—с 1898 г. по 1905 г. французский министр иностранных дел; с 1911 г. морской министр; с 1913 г. посол в Петербурге; в 1914/15 г. министр иностранных дел. Стр. 56.

Дерпфельд—археолог; руководитель раскопками в Олимпии; секретарь, затем директор немецкого археологического института в Афинах. Стр. 103.

Джемсон—был служащим британской Южно-африканской компании; в 1895 г. придпринял нападение на Южно-африканскую республику, но вынужден был капитулировать перед бурами; был выдан Англии и присужден там к тюремному заключению, но скоро был помилован; в 1904—1908 г. был министром-президентом Капской колонии. Стр. 43.

Дизраэли, впоследствии получивший имя Биконсфильда,—английский государственный деятель и писатель; с 1874—1880 г. был премьер-министром. Стр. 9.

«Dormition» («De la Sainte Vierge»)—участок земли в Иерусалиме, где, как полагают, находился Сион; Вильгельм II в 1898 году передал этот участок «Немецкому Ферейну Святой Земли.» Стр. 109.

Даунингстрит—улица в Лондоне, где находится министерство иностранных дел. Стр. 37.

Древс—помощник статс-секретаря, затем прусский министр внутренних дел. Стр. 140.

Дредноут—название первого английского большого боевого судна, выстроенного в 1906 году, перешедшее затем на все суда подобного типа. Стр. 121.

Дриандер—пастор в Бонне, затем в Берлине, придворный проповедник; вице-президент высшего церковного Совета. Стр. 108.

Дуи—профессор археологии в Гейдельберге. Стр. 104.

Евгения—(1826—1920 г.г.) императрица, супруга Наполеона III, жила с 1870 года в Англии. Стр. 156.

Жирарден, Эмиль—французский журналист. Стр. 163.

Зольф—в 1918 г. был статс-секретарем по иностранным делам в Германии. Стр. 139.

Жорес (родился в 1859 г.)—депутат, знаменитый французский социалист, мужественный борец против милитаризма; убит 31/VII—1914 г. подосланным французскими шовинистами убийцей, который был оправдан французским судом в 1919 г. Стр. 56.

Избирательная реформа в Пруссии—В Пруссии существовала куриальная система выборов в ландтаг: все избиратели, в зависимости от уплачиваемых ими налогов, разделялись на три группы, каждая из которых избирала одинаковое число выборщиков, в свою очередь избиравших затем депутатов в ландтаг. К низшей курии принадлежало огромное число избирателей из малообеспеченных слоев населения, в высшую же курию входило небольшое число богачей, а между тем обе курии избирали одинаковое число выборщиков, имея таким образом одинаковое влияние на исход выборов в ландтаг. Стр. 70.

Извольский—русский министр иностранных дел, затем посол в Париже; один из самых крайних русских милитаристов, активно содействовавших участию России в империалистической войне. Стр. 129.

Императрица Августа-Виктория—супруга Вильгельма II, сконч. II/IV—1921 г. Стр. 73.

Камбон—с 1906 по 1914 г. французский посол в Берлине. Стр. 127.

Кармен-Сильва—литературный псевдоним королевы Елизаветы Румынской (1863—1916), урожденной принцессы Вид, тетки принца Вид. Стр. 84.

Каро—афинский профессор. Стр. 103.

Кассель, сэр Эрнст—английский банкир, немец по происхождению, уроженец гор. Кельна. Стр. 74.

Като—японский посол в Лондоне, затем министр иностранных дел. Стр. 37.

Кембриджский герцог,—внук короля Георга III, английский фельдмаршал. Стр. 47.

Кидерлен-Вехтер—Статс-секретарь по иностранным делам в Германии. Стр. 68.

Кильская неделя—Ежегодно устраиваемые в июне месяце в Киле спортивные состязания, на которые съезжались со всех концов мира иностранцы и на которых обычно присутствовал кайзер. Стр. 74, 124, 162.

Клюк, немецкий генерал—командовавший во время мировой войны 1 армией, сражавшейся на западном фронте. Стр. 132.

Кнорр—атташе германского морского министерства. Стр 126.

Коннаутский, герцог Артур—брат английского короля Эдуарда IV, женатый на прусской принцессе Луизе-Маргарите. Стр. 53, 73.

Корфу—греческий остров, расположенный против Албанского берега; в 1907 г. Вильгельм II приобрел там выстроенный в 1891 г. императрицей австрийской Елизаветой замок Ахиллейон. Стр. 72, 103.

Косциельский—член рейхстага. Стр. 116.

Крюгер—президент Южно-африканской республики; телеграмма Крюгеру (3/1—1896 г.) содержала поздравление кайзера Вильгельма по поводу того, что бурам удалось, благодаря собственной энергии и «не апеллируя

к помощи дружественных держав, отстоять независимость страны от нападений извне». Стр. 35, 43.

Культурная борьба -началась в 1871 г. Бисмарк, борясь с ультрамонтанскими тенденциями, начал борьбу против католиков и их культурного влияния (изгнание иезуитов и родственных с ними орденов, контроль государства над католическими школами и т. д.). Стр. 5, 20.

Labarum—военный штандарт императора Константина Великого: позолоченный крест, с монограммой Христа, в венке из золота и драгоценных камней; к кресту было прикреплено знамя с портретами Константина и его сыновей. Стр. 110.

Лебель—начальник канцелярии рейхсканцлера, впоследствии обер-президент Бранденбурга. Стр. 70.

Лейкас—ионический остров, тождественный, по мнению археолога Дерпфельда, с Гомеровской Итакой. Стр. 103.

Леопольд—принц (позднее князь) Гогенцоллерн, являющийся в 1870 г. претендентом на испанский престол. Стр. 163.

Леопольд II—король Бельгийский, основатель бельгийских колоний в центральной Африке (теперь Бельгийское Конго). Стр. 46.

Лерхенфельд—баварский посол в Берлине. Стр. 50.

Лобанов, князь—русский посол в Вене, впоследствии министр иностранных дел. Стр. 34.

Лоэ, барон ф.—генерал-фельдмаршал, начиная с 1830 г. бывш. генерал-адъютантом при 3 германских императорах. Стр. 106.

Лукас—английский проповедник и миссионер. Стр. 108.

Людендорф — ближайший сотрудник Гинденбурга и начальник генерального штаба. В 1916 г. был назначен первым генерал-квартирмейстером. Стр. 131, 138.

Мадридская конференция—см. Марокканский вопрос.

Макензи, сэр Морелль—знаменитый английский врач-ларинголог. Стр. 14.

Малиссоры—албанское племя. Стр. 72.

Мальтийский орден—католический рыцарский орден, организовавшийся в 16-ом столетии в Палестине, в 1853 г. возобновил свою деятельность в Германии. Стр. 109.

Мариенбург—гор. на Ногате (в Западной Пруссии). Стр. 90.

Марокканский вопрос—Марокко долгое время являлось яблоком раздора между европейскими державами. Мадридская конференция 1880 г. по настоянию Германии и Франции вынесла решение о независимости Марокко. В 1890 году был заключен торговый договор между Германией и Марокко. В 1900 году состоялось соглашение между Францией и Италией, по которому Италии была предоставлена свобода действий в Триполи, за что она в свою очередь признавала французские притязания на Марокко. В апреле 1904 г. было заключено англо-французское соглашение; взамен некоторых уступок в египетском вопросе Англия предоставила Франции нечто вроде протектората над Марокко. В октябре 1904 г. был заключен тайный франко-испанский договор, по которому Испания должна была принять участие в разделе Марокко; 31/III—1905 г. произошло танжерское свидание; Вильгельм II выступил против усиления французского влияния в Марокко. В 1905 г. состоялась Алжирская конференция, при участии представителей от 12-ти держав; Германия, поддержан-

ная лишь Австрией, потерпела здесь неудачу. На конференции была признана независимость Марокко и принцип открытых дверей, но фактически был установлен в то же время в замаскированной форме протекторат Франции над Марокко. С тех пор началось так наз. «pénétration pacifique» (мирное проникновение) Франции в Марроко. 9/III—1909 г. состоялось немецко-французское соглашение, по которому была установлена равная с французской экономическая сфера влияния Германии в Марокко, при чем Германия признавала особые политические интересы Франции в Марокко. 1/VI—1911 г., в связи с занятием Феца французами, немцами была послана в Агадир канонерская лодка «Пантера»; началось сильное волнение в Европе, и возникла опасность войны. 30/III—1912 г. был подписан договор между Францией и Марокканским султаном о протекторате Франции над Марокко по образцу Туниса. Стр. 57, 74.

Маршал, фон Бибершгейн—баденский посол в Берлине, впоследствии статс-секретарь по иностранным делам, посол в Константинополе, а затем посол в Лондоне. Стр. 44.

Мейнеке—помощник статс-секретаря в Германии. Стр. 95.

Меллер—вестфальский промышленник, член рейхстага и ландтага, прусский министр торговли. Стр. 19, 98.

Мерсье, кардинал—профессор, архиепископ Мехальнский (Бельгия). Стр. 133.

Меттерних, граф—германский посол в Лондоне, затем в Константинополе. Стр. 54.

Митшедль, Роберт—влиятельный буржуазный французский журналист. Стр. 163.

Мольтке, граф Гельмут, ф. (1800—1891 г.г.)—генерал-фельдмаршал, начальник генерального штаба в Германии, один из наиболее крупных организаторов германской армии. Стр. 7, 114.

Мольтке, Гельмут, ф. (1848—1916 г.г.)—племянник предыдущего, начальник генерального штаба. Стр. 114.

Монте-Кассино—монастырь Бенедиктинского ордена, основанный в 529 году; расположен между Римом и Неаполем. Стр. 109.

Мудра—немецкий генерал, в 1918 г. командовал сначала 1-й, а затем 17-й армией. Стр. 138.

Муравьев, граф Михаил (1845—1900 г.г.)—русский министр иностранных дел. Стр. 36.

Оберндорф, граф—немецкий посол в Христиании. Стр. 143.

Общество изучения Востока—немецкое общество, основанное в 1898 г. и находившееся под покровительством Вильгельма II. Стр. 102.

Обмен профессоров между американскими и немецкими университетами с целью сближения обеих наций был произведен в 1905 г. Стр. 162.

Остен-Сакен, граф Николай Дмитриевич,—с 1895 по 1912 г. был русским послом в Берлине. Стр. 158.

Офицерские выборы: для производства в лейтенанты в Германии требовалось согласие офицеров соответствующей войсковой части, которое определялось голосованием. Стр. 114.

Пайер—присяжный поверенный в Штуттгарте, член рейхстага (прогрессивная народная партия); с ноября 1917 г. по сентябрь 1918 г. был вице-канцлером. Стр. 140.

Палеолог, Морис—французский дипломат и писатель, личный друг Пуанкаре; в 1913 г. был послом в Петербурге. Стр. 127.

Пачелли—папский нунций в Мюнхене, затем в Берлине; после воззвания папы о мире в 1917 г. пытался проложить путь к началу англо-германских переговоров. Стр. 133.

Перельс—знаток морского права, доцент морской академии, затем профессор Берлинского университета. Стр. 36.

Подбельский, Виктор, ф.—немецкий генерал, член рейхстага (консерватор); статс-секретарь имперского почтового ведомства, затем прусский министр земледелия. Стр. 96.

Прашма, граф—парламентарий (партии центра). Стр. 109.

Пуанкаре, Раймонд—в 1912 г. был французским министром-президентом; в 1913—1920 г.г. президент французской республики; в 1922 г. снова получил портфель министра-президента. Стр. 127.

Путтамер (1829—1900 г. г.)—прусский министр просвещения, затем министр внутренних дел; впоследствии обер-президент Померании. Стр. 95.

Пюккнер, граф **Максимилиан**—прусский гофмаршал. Стр. 55.

Радолин, князь (1841—1917)—обер-гофмаршал Фридриха III, затем последовательно посол в Константинополе, Петербурге и Париже. Стр. 57.

Ратибор, герцог—председатель императорского автомобильного клуба в Германии. Стр. 26.

Рихтгофен, барон, **Фердинанд**—профессор географии в Берлине, автор книг «Китай», «Шанттунь» и «Киа-Чау». Стр. 35.

Рихтгофен, барон **Освальд**—статс-секретарь по иностранным делам в Германии. Стр. 52.

Рихтер—член прусского ландтага, а затем рейхстага, левый либерал. Стр. 115, 119.

Родс—английский промышленник и основатель «De Beers Compagne» в 1824 г. получил портфель министра финансов, а в 1890—портфель премьер-министра капской колонии; преследовал цель создания объединенного англо-южно-африканского государства, связавши его с Египтом посредством Капско-Каирской железной дороги. Стр. 45.

Розбери, лорд—английский министр иностранных дел, впоследствии премьер-министр. Стр. 118.

Роминтенская пуща—находится в восточной Пруссии. Стр. 96.

Рош, Жюль—французский политик и журналист; с 1890 по 1892 г. был министром торговли. Стр. 60.

Рувье, Морис—французский министр-президент; после падения **Делькассе** 6/VI—1905 г. получил портфель министра иностранных дел. Стр. 56.

Салисбюри—английский премьер-министр. Стр. 8, 31.

Самоа—в 1899 г. между Англией и Америкой, с одной стороны, и Германией—с другой, было заключено соглашение, по которому острова Уполу и Савай перешли к Германии. Стр. 48.

Сан-Стефанский договор между Россией и Турцией (см. Берлинский конгресс). Стр. 9.

Симар, Губерт—профессор в Бонне, архиепископ Кельнский. Стр. 105.

Симонс—в 1920-1921 г.г. был министром иностранных дел в Германии. Стр. 148.

Скаггерак—у Скаггерака произошло 31/V—1916 г. морское сражение между английским и германским флотами. Стр. 32, 82.

Слаби, Адольф—профессор электро-техники в высшей технической школе в Шарлоттенбурге, а затем в Берлинском университете. Стр. 99.

Соглашение 3 императоров—в 1881 г. между Германией, Австрией и Россией был заключен на три года тайный договор, впоследствии продолженный еще на 3 года, о сохранении благожелательного нейтралитета на случай, если одна из этих держав будет вовлечена в войну. Стр. 165.

Срединный канал—для соединения Рейна, Везера и Эльбы. Законопроект о сооружении этого канала был отвергнут в 1903 г. прусскими консерваторами; в 1905 г. законопроект о сооружении Рейнско-Везерско-Ганноверского канала был принят прусским ландтагом; накануне войны канал был проведен до Ганновера. Стр. 58, 88, 90.

Тайный договор о доброжелательном нейтралитете—после того, как соглашение 3 императоров не могло быть продолжено вследствие разногласий между Россией и Австрией, Бисмарк и Шувалов в 1887 г. заключили тайный договор сроком на 3 года между Германией и Россией, по которому оба государства гарантировали друг другу благожелательный нейтралитет на случай войны. Стр. 18, 164.

Тардье—французский политик и журналист; издатель «Revue des deux mondes», профессор «Ecole des Sciences politiques» школы политических наук. Стр. 162.

Того—колония в Западной Африке, находившаяся под протекторатом Германии. Стр. 7.

Уния—объединение в 1817 г. в Пруссии лютеранской и реформатской церквей в единую евангелическую церковь. Стр. 107.

Фишер, лорд Джон—организатор английского флота. Стр. 78.

Франц-Фердинанд, эрцгерцог—австрийский наследник, убитый 28/VI 1914 г. в Сараеве. Стр. 124.

Фридберг—прусский министр юстиции. Стр. 94.

Фридрих III—германский император, отец Вильгельма II, царствовавший всего 99 дней. Стр. 15.

Фридъюнг—венский профессор, историк и политик. Стр. 76.

Чемберлэн, Густон (родился в Портсмуте, сын английского адмирала)—немецкий писатель, зять Рихарда Вагнера. Стр. 94.

Чемберлэн, Иосиф—английский статс-секретарь колоний. Стр. 37, 47.

Черногорский король Николай (1841—1921); его дочери Милица и Анастасия были замужем за русскими великими князьями—Петром Николаевичем и Николаем Николаевичем. Стр. 127.

Черчилль—первый лорд адмиралтейства; в 1919 г. был военным министром. Стр. 76.

Шен, барон ф.—немецкий посол в Петербурге, затем статс-секретарь по иностранным делам; посол в Париже. Стр. 56.

Шиман—профессор по истории Восточной Европы в Берлинском университете. Стр. 55. 100.

Шлутов—крупный штеттинский промышленник, банкир, член рейхстага (нац.-либ.), председатель правления «Вулкан» Стр. 27.

Шмидт, Эрих—историк литературы, профессор Германского университета. Стр. 100.

Шмидт, Вильгельм—патер католического ордена. Стр. 109.

Шольц—прусский министр финансов. Стр. 95.

Штегеман—редактор бернской газеты «Bund»; военный корреспондент; написал книгу под названием «История войны», освещающую мировую войну. Стр. 66.

Штеккер, Адольф—придворный проповедник в Берлине; член прусского ландтага и рейхстага; основатель пидер партии христианских социалистов. Стр. 20.

Штош—генерал, начальник адмиралтейства. Стр. 27.

Шувалов, граф Павел (1830—1908)—брат Петра Шувалова, бывшего представителем России на Берлинском конгрессе; русский посол в Берлине. Стр. 164.

Шуленбург, граф—во время войны был начальником штаба гвардейского корпуса, а с 1917 г. начальником штаба войск, руководимых немецким кронпринцем. Стр 143.

Шульте—епископ Падерборнский. Стр. 105.

Эберт—один из вождей германской социал-демократии; в 1918 г. был рейхсканцлером, с 1919 г. президент Германской республики. Стр. 143.

Эйзенахская конференция—с 1852 г в Эйзенахе регулярно через каждые два года собиралась конференция из представителей евангелической церкви; в 1903 г. Эйзенахская конференция вынесла постановление о необходимости более тесного объединения евангелических церквей Германии. Стр. 107.

Эльба—Травский канал, сооруженный в 1900 г., соединяет Эльбу (у Лауэнбурга) и Траву (у Любека). Стр. 90.

Эрцбергер—с 1903 г. член рейхстага (партии центра); в 1918 г. был статс-секретарем, затем министром без портфеля; глава немецкой комиссии по вопросу о перемирии; в 1919—1920 г.г. имперский министр финансов. Впоследствии, стоя во главе коалиционного кабинета, был в 1922 г. убит германскими националистами. Стр. 143.

Эссад-Паша—албанский полководец, убитый в 1920 г.; был при албанском короле Виде военным министром и министром внутренних дел; в мае 1914 г. был выслан из Албании за интриги против Вида; после бегства последнего стоял в главе албанского правительства. Стр. 84.

Янтсенское соглашение было заключено 16/X—1900 г. между Германией и Англией и гарантировало территориальную неприкосновенность Китая и незыблемость принципа открытых дверей. Стр. 48.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
Предисловие		I—XX
Глава	I.—Бисмарк	1
»	II.—Каприви	25
»	III.—Гогенлоэ	29
»	IV.—Бюлов	46
»	V.—Бетман	60
»	VI.—Мои сотрудники в области управления	83
»	VII.—Наука и искусство	95
»	VIII.—Мое отношение к церкви	101
»	IX.—Армия и флот	109
»	X.—Начало войны	120
»	XI.—Папа и мир	129
»	XII.—Конец войны и отречение	133
»	XIII.—Вражеский и нейтральный суд	142
»	XIV.—Вопрос о виновниках войны	148
»	XV.—Переворот и будущность Германии	164
Примечания и указатель		167